

Концлагеря на карте Европы

“Вакцина от нацистского вируса, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых государствах Европы теряет силу. Наглядное свидетельство - открытые проявления неонацизма, которые стали уже обыденной вещью в Латвии и других странах Прибалтики. Особое беспокойство в этом плане вызывает ситуация на Украине. Есть над чем нам задуматься: “А что впереди?” Сегодня наш долг - противодействовать героизации нацизма. Твердо противостоять попыткам ревизии итогов Второй мировой войны. Последовательно бороться с любыми проявлениями расизма, ксенофобии, агрессивного национализма и шовинизма”.

Владимир ПУТИН
Президент России

МУЖЕСТВО ДУХА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Всё дальше и дальше относит нас неумолимое время от грозных дней Великой Отечественной войны. Всё меньше и меньше свидетелей тех дней остаётся на земле. Мы - дети той войны - очень скоро останемся последними, в чьих глазах и сердцах отпечаталась жестокая правда Второй мировой.

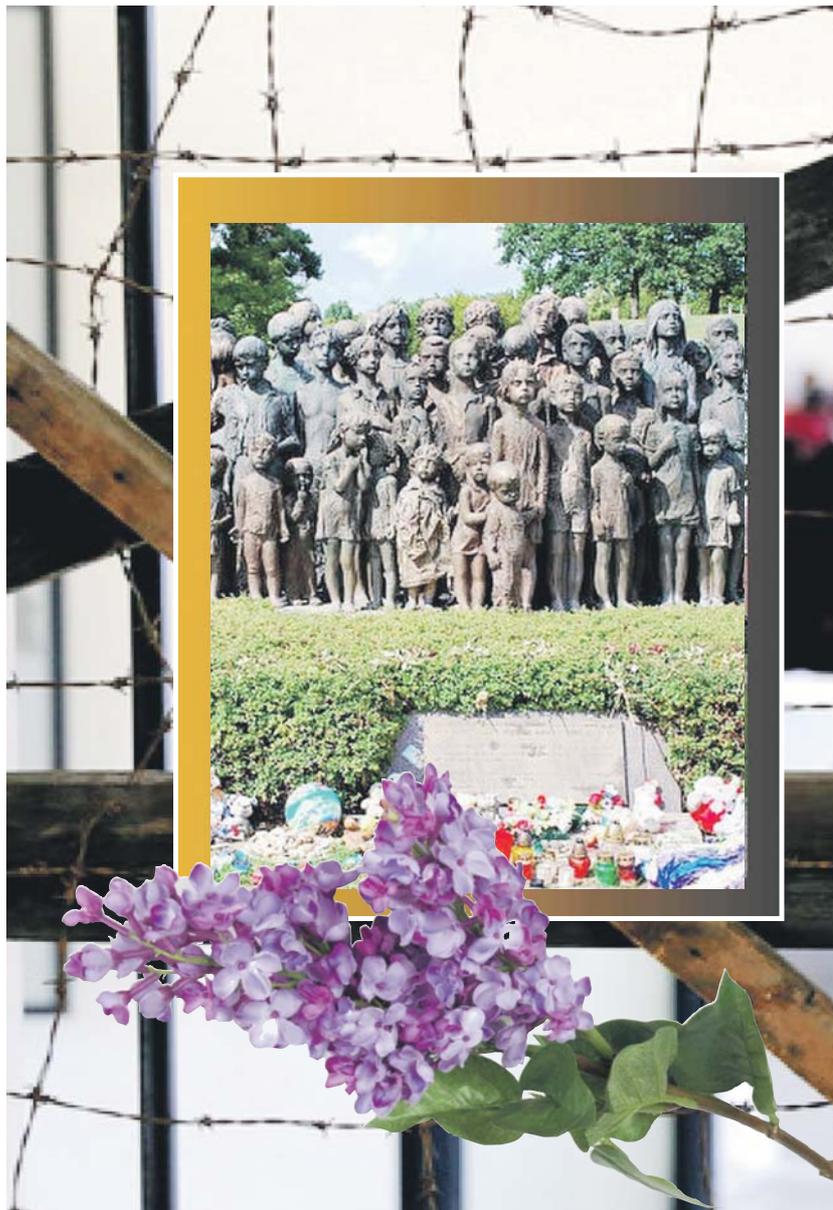
Во многих местах заключения выживал только один ребёнок из десяти. И сознание того, что живёшь и за них, настоятельно заставляет рассказывать и рассказывать о том времени для назидания молодым, для вразумления власть предержащих, для всех тех, от кого зависит теперь мир на Земле. У детей своё понимание мира и войны.

Нужно будить память и воспитывать следующее поколение в ясном понимании того, что с нами происходило. Всякое исчезновение из национальной памяти такого рода событий - опасно для будущего. Мы писали свои воспоминания ради того, чтобы ваше будущее было иным.

ЛИДИЯ КОНСТАНТИНОВНА КРЮКОВА, АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ КНИГИ
ВОСПОМИНАНИЙ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
БЫВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ФАШИСТСКИХ ЛАГЕРЕЙ
ЮГО-ЗАПАДНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА Г. МОСКВЫ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫРАЖАЕТ СЕРДЕЧНУЮ
БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ОКАЗАННУЮ ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ
КНИГИ «БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...»

*префекту ЮЗАО города Москвы ВОЛКОВУ Олегу Александровичу
заместителю префекта ВИШНЯКОВУ Евгению Евгеньевичу,
председателю совета пенсионеров, ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов ЮЗАО
ШЕЙКИНУ Владимиру Васильевичу.*

О ДЕТЯХ - УЗНИКАХ ФАШИСТСКИХ ЗАСТЕНКОВ

Все дальше в историю уходят события Великой Отечественной войны. Все меньше среди живущих остается живых свидетелей тех грозных лет. Малолетние узники фашистских концлагерей, гетто, тюрем, маршевых колонн и других мест принудительного содержания в детском возрасте в полной мере познали всю тяжесть неволи в нацистской Германии, государствах - союзниках Германии, на оккупированных фашистами территориях СССР и других европейских стран.

Среди 14 миллионов узников фашистских застенков было более 2,5 миллиона детей, лишенных счастливого детства. Многие сотни тысяч детских жизней прервались в годы войны под расстрелами и пытками, из-за бесчеловечных опытов псевдонацистов и тяжелого рабского труда. У всех детей войны, особенно у концлагерников, было только два варианта судьбы - умереть или вопреки всему выжить.

- Террор над детством был совершен вопреки международной конвенции, принятой в Гааге в период между Первой и Второй мировыми войнами. Дети до сих пор находятся под защитой этих гуманных документов.

Выжить - означало не только не забыть, не простить бесчеловечность и зверство, но и предупредить новые поколения об опасности возрождения неонацизма и неонацизма. С этой целью дети-узники в 1988 году - в памятный день, 22 июня - объединились в Киеве в Международный союз бывших малолетних узников фашизма со своими Национальными союзами в Армении, Белоруссии, Казахстане, Латвии, Литве, Молдавии, России, Узбекистане, Украине, Эстонии.

В ряде наших стран в состав Национальных союзов вошли республиканские, краевые, городские, окружные и районные отделения.

Россия, Москва, ее округа и районы заняли свое достойное место в составе МСБМУ.

За прошедшие почти три десятилетия объединенные в союзы и отделения бывшие дети-узники провели огромную патриотическую и воспитательную работу, сохраняя память о Великой войне и Великой Победе и не забывая о

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

преступлениях фашистов против человечности, детства и детей. Десятки памятных комплексов, сотни памятников и памятных досок, тысячи экспонатов в государственных музеях войны и в школьных музеях унесут в будущие времена неповторимость каждой детской судьбы.

Постоянным спутником живой истории детей стала газета “Судьба” - единственный в мире печатный орган МСБМУ.

Еще раз войти в мир детских утраченных надежд, недетских усилий по выживанию в неволе, в мир нашего освобождения героическим усилием Красной Армии и всего советского народа помогают опубликовать воспоминания детей-узников. Вы держите в руках один из таких сборников, уже вставших на полки массовых библиотек и личных коллекций.

Выпуски таких сборников так же, как и миллионы личных дел узников в концлагерях, в государственных и общественных архивах пополняют свидетельства преступности против детей и детства, не имеющей срока давности.

“Вы, пожалуйста, не пишите много про меня. Ни к чему такое внимание одной персоне. Узников были миллионы. А моя история - одна среди многих”, - говорит председатель Международного союза бывших малолетних узников фашизма Николай Андреевич Махутов. Но ведь каждая история тех лет бесценна”. Итак, начнем...

*У нас и детство
не было отдельно,
А были вместе -
детство и война.
И пускай нигде на этом свете
Детство вновь
не отберет война.*

Роберт Рождественский

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МСБМУ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ МАХУТОВ
ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ**

Победа в Великой Отечественной войне - это победа узников фашистских лагерей. Не подчинившись фашистскому режиму, они совершали побеги из лагерей, делали не пригодными снаряды и бомбы. Вернувшись на Родину, восстанавливали разрушенные города и деревни. Испытывали "стыд за свое плененное детство". Не надо забывать об этой почти не прочитанной странице нашей истории.

Когда началась война, мне было четыре, а когда я вернулся домой, исполнилось восемь. Некоторые люди удивляются, почему же мы так хорошо помним свое детство. А потому, что рядом с большой опасностью все сильно врезается в память.

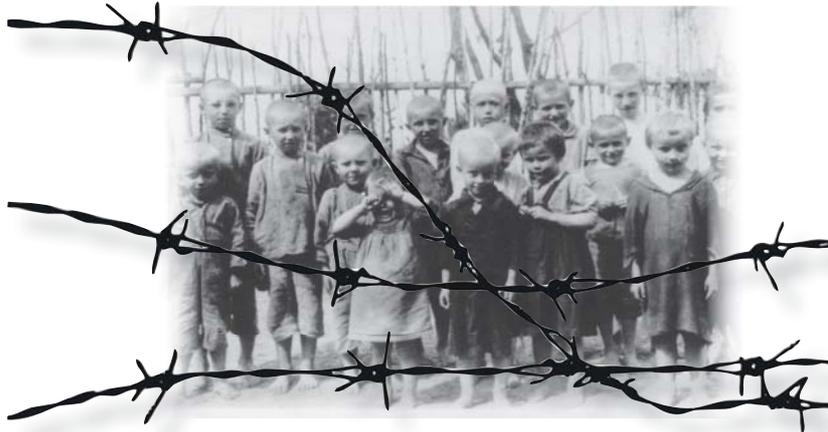
Немцы пришли в село Чаюнка Брасовского района Брянской (тогда Орловской) области в августе 1941 года. Мы их не сразу узнали. Сначала в нашем селе останавливались отступающие советские войска. Запыленные, усталые, они брели на восток, оставляя брянскую землю. Ночевали бойцы в избах у местных жителей. Помню, как читал нашим постояльцам стихи про Клима Ворошилова, а они мне аплодировали.

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

Так шло отступление. А потом вдруг настало затишье. После него вдалеке опять показались колонны солдат. И мы, дети, побежали их встречать. Думали, что это наши отступающие части снова прибыли на ночлег. Бросились всей толпой к дороге, а по нам открыли огонь. От пулеметных очередей ребята падали, плакали. Тогда я впервые увидел, как стреляют по людям. В Чаянку пришли фашисты.

С 1941 по 1943 года мы жили на оккупированной территории. Есть в истории войны такая страница, как создание Локотской республики. В поселке Локоть Брасовского района образовалось обособленное закрытое территориальное объединение, заправлял которым Каминский. В первый же день прихода фашистов он предложил врагам помощь в борьбе с партизанами и евреями и рассказал о своей любви к Гитлеру. Немцы давали ему свободу в действиях, снабжали и вооружали. За три года войны этот предатель дослужился до генерала СС.

И в 1943 году, когда немцы начали отступать, Каминский предложил провести операцию, которая получила название “маршевые колонны”. Это когда немецкие части во время своего бегства прикрывались местными жителями от партизан и советской авиации. Таким образом вместе с фашистами мы прошагали около 700 километров. Получалось, что нас гонят, гонят, а впереди лес, дорога через который заминирована партизанами. Для того чтобы расчистить проход, делали так: немцы и полицаи брали бревно, забивали в его торы две оси, привязывали к нему веревки и давали нам тянуть. Если это сооружение наткалось на мину, то оно взрывалось. А после этого еще сообщалось, что таким образом партизаны воюют не против немцев, а против мирных людей.

Осенью того же года мы вместе с фашистскими частями оказались в Белоруссии. Там немцы решили, что пленники им больше не нужны, поэтому в Витебской области, под городом Лепелем, образовали для нас лагерь-тюрьму. Ее даже концлагерем нельзя назвать, потому что на этой территории не было никаких домов или других сооружений, только голая земля. Про-

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

сто десять тысяч человек окружили колючей проволокой и приказали там жить.

И до декабря мы находились там без крыши над головой. Чтобы не окоченеть, собирали ветки, устраивали из них настилы. Дети ложились вовнутрь, кто-то пристраивался сверху, потом менялись местами. Так друг друга и согревали. Наутро просыпались засыпанные снегом, кто-то не просыпался вовсе.

Кормить нас особо не утруждались. Иногда привозили какую-то баланду.

Рядом с Лепелем был фашистский военный склад. В сорок третьем году к нему пробрались партизаны и взорвали его. Я до сих пор помню это огненное зарево. Охрану с нашего лагеря тогда сняли и направили на защиту и спасение складов. В этот момент к нам подоспели партизаны. Перерезали колючую проволоку и сказали: "Разбегайтесь". И мы сбежали. Потом Каминский и его служба распространили слухи среди местного населения о том, что мы бандиты, воруящие белорусский хлеб и отравляющие воду в их колодцах, поэтому нас необходимо срочно изловить.

Так бродили мы по лесам, пока не оказались на территории партизанского отряда Родионова. Тоже историческая личность! Я его очень хорошо помню. Он примерно таким же образом, как и Каминский, вроде бы подал-

"Тот не человек, кто это забудет! Это нельзя, невозможно забыть, как облик своей матери и нежное личико своей дочурки. Вы помните, товарищи солдаты и офицеры, наши рассказы о лагере смерти, из которого одна наша часть освободила 33 434 стариков, женщин и детей..."

Генерал П.И. Батов 22.04.1944 г.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. жертвами фашизма стали 5 миллионов детей. В концлагерях, гетто и других местах заключения дети испытали нечеловеческие муки, изощренные издевательства, на что только способен фашизм и его машина.

ся к немцам вместе со своими людьми, которых было около 800 человек. Все они прошли проверку, получили оружие и обмундирование, после чего ушли в партизаны. Вот в этот отряд мы и попали. Мама, младшая сестра (ей тогда всего три года было), я и старший брат. Мама работала там санитаркой.

В апреле сорок четвертого немцы начали отступать. Чтобы им помешать, отряд Родионова устроил засаду в лесу и перекрыл путь. Но фашисты подтянули авиацию и танки и практически полностью уничтожили партизан. Мы были в этом жутком месиве, когда летели бомбы, вокруг падали деревья... Оставшихся в жи-

вых схватили и снова погнали в качестве прикрытия для отступления. Здесь уже наша семья растерялась. Я оказался в Польше. Второй раз в заключении был с апреля по июль.

Пока мы двигались по польской территории, в небе кружили наши самолеты. Пилоты видели, что внизу идут не только немцы, но и мы, поэтому сильно не бомбили, сохраняли нам жизни. Спасибо им за это большое!

Вообще, с отступлением в 1944 году все повторялось,

как и в 1941-м, когда вслед за русскими сразу же в нашем селе появились немцы, только здесь было наоборот. В 1943-1944 годах нас фашисты гнали, гнали, а потом вдруг, ничего не говоря, быстро бросили и уехали. Все их машины и танки ушли на запад, а следом за ними пришли наши солдаты и наши танки. Бойцы подбежали к нам, один офицер схватил меня на руки, прижал к себе и начал искать что-то у себя по карманам. Достал шоколадку, на которой еще что-то не по-русски было написано, наверное, американская плитка, и угостил меня. Я ее, конечно, проглотил в один момент. И сразу очень плохо стало, меня так рвало. С тех пор коричневый шоколад не люблю, белый еще могу попробовать.

Оттуда, из Польши, попал в Минск, где около двух недель всех бывших узников проверяли фильтрационные службы, НКВД, выясняли, кто есть кто. Там же, как бы удивительно это ни звучало, вновь встретился со своей семьей. Это был июль 1944 года. К осени мы вернулись к себе домой. Только домов-то у нас и не было. Они были сожжены. Поэтому люди стали строить себе землянки. Мы тоже один год в ней прожили.

Последний год войны был очень тяжелым. Мы вернулись осенью, а урожая нет, его никто не сеял. Начался голод. Даже страшно вспомнить, что нам приходилось есть.

Зимой 1944-1945 годов я пошел в школу. Ее устроили в церкви. Набрали четыре класса, рассадили в разных приделах, а единственная учительница ходила по кругу и раздавала задания. Писали мы двумя видами чернил: красными, которые делали из свеклы, и черными - из жженой резины, смешанной с водой. Книг и тетрадей не было, вместо них использовали газеты. Когда я закончил первый класс, то и писать-то толком не умел.

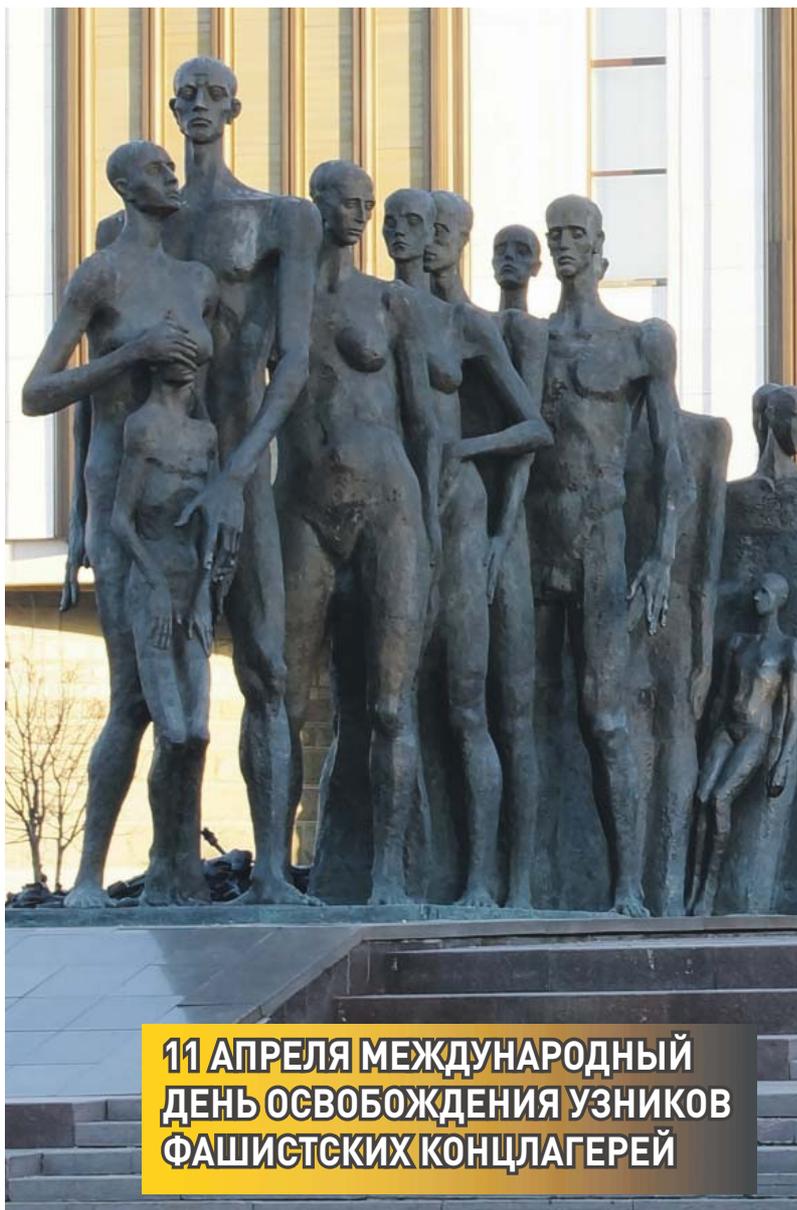
В 1945 году с войны вернулся отец, и жить стало легче. Мы переехали в районный центр Брасово. В 1947-1949 годах построили себе дом там же, в Брянской области. До сих пор его навещаю.

В Брянской области я прожил до самого студенчества. Потом решил ехать в Москву, поступать в Московский авиационный технологический институт. Дипломную работу в 1958-1959 годах писал в Институте машиноведения Академии наук СССР. Тогда же устроился туда на работу. Окончил аспирантуру, защитил кандидатскую. В 36 лет стал доктором наук. В 1949-м - членом-корреспондентом Академии наук СССР, опубликовал более 60 книг и более 1000 статей и докладов, подготовил 60 кандидатов и докторов наук, награжден пятью государственными орденами, многими медалями.

На протяжении 25 лет являюсь председателем Международного союза бывших малолетних узников фашизма (у истоков создания МСБМУ стоял президент Международной ассоциации детских фондов Альберт Анатольевич Лиханов). Главные роли в нем принадлежат трем братским народам: белорусам, украинцам и русским.

Каждый год 11 апреля, в Международный день освобождения узников фашистских концлагерей, члены союза собираются на Поклонной горе, у мемориального комплекса "Трагедия народов", и у городских памятников детям войны, чтобы отдать дань памяти и уважения солдатам, офицерам, генералам, подарившим нам вторую жизнь. А потом мы вновь пишем и читаем статьи в новых сборниках воспоминаний малолетних узников, посвящая их Международному дню памяти жертв фашизма.

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

**11 АПРЕЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ УЗНИКОВ
ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ**

ЛИЛИЯ ПЕТРОВНА АБРАМОВА ЛЮБИТЕЛЬ КАКТУСОВ

Я родилась в Витебске в 1942 году. Белоруссия уже более полугода была оккупирована фашистами. Мама, Белякова Любовь Петровна, потом рассказывала, что родилась я слабенькой, болезненной и худенькой. До четырех лет не могла говорить. До войны вся наша патриархальная семья жила в большом доме. В центре дома стояла огромная круглая печь, которая обогревала каждую комнату. В 1941-м все мужчины ушли на фронт, кроме моего отца, Белякова Петра Генриховича, которого комиссовали из-за болезни.

Война внесла серьезные коррективы в жизнь нашей семьи. Так, в 1943 году при бомбардировке от прямого попадания в наш дом две стены вылетели, как пух. Из руин доставали живых, раненых и мертвых членов нашей семьи. Мама говорила, что чудом уцелела. Меня нашли завернутой в подушки. Из тринадцати членов нашей семьи в живых осталось пятеро: мама, папа, бабушка, тетя и я. Мама верила в чудо, заверяя: «Ты, дочка, родилась в рубашке». Эта «рубашка» меня спасала всю жизнь. В феврале 1944 года фашисты решили отправить жителей Витебска в Германию. 6 февраля нашу семью разместили в товарные вагоны в условиях полной антисанитарии. Все пленники мучались от недостатка воды, голода и болезней. В до-

роге очень много людей умирало. Когда поезд притормаживал, а иногда на полном ходу умерших людей просто выбрасывали на обочину.

Привезли нас в город Бремен, расположенный недалеко от западной границы Германии. Немецкие солдаты с автоматами и черными большими овчарками сопровождали нашу колонну в деревню Кирхвая. Других пленников гнали дальше, в другую деревню. Жили все в бараках, огороженных колючей проволокой, под присмотром охранников с собаками. Теперь я знаю, что это были немецкие овчарки. Этих собак я боюсь до сих пор.

Основная часть трудоспособных узников работала на восстановлении железной дороги каждый день с раннего утра до позднего вечера. Мама работала в прачечной. Как обычно, в ящике, в куче тряпок лежала я, так как ходить не могла. Однажды во время очередной проверки состояния прачечной надсмотрщик увидел, как мама из каких-то тряпок шьет для меня одежду. Он заставил ее сшить ему шапку с косичкой над козырьком. Шапка ему очень понравилась. В его присутствии мама стала доставать меня из ящика. Немец испугался, направил дуло пистолета на ящик и закричал в испуге: "Крыс! Крыс!", но увидел на маме-

ных руках не бомбу и не крысу, а ребенка, успокоился и убрал пистолет.

Как рассказывала тетя (сестра отца) - Белякова Надежда Генриховна, в лагере был один из охранников, обожавший разводить кактусы. Любимым занятием этого “ценителя растений” было следующее: в дни своего дежурства он набирал брать из детских вен в один большой шприц и вводил ее в “сосуды” кактусов. А кактусов было много. Процедуры отбора крови повторялись довольно часто. Красноватые от детской крови кактусы приводили его в восторг. Когда в начале 1945 года я стала ходить, очередь дошла и до меня. Долгое время меня преследовала привычка протягивать ручку вперед, закатывая рукав, при оклике моего имени. В концлагере от недостатка еды мы, дети, были сильно истощены. Худые, изможденные, с большими от рахита животами, едва стояли на ногах. Не лучше выглядели и взрослые. В начале апреля союзническая армия с боями приближалась к нашему лагерю. Фашисты решили устроить “фильтрацию” узников. Для этой цели 9 апреля 1945 года охранники заставили всех срочно построиться и погнали нас в другой концлагерь, который находился в шести километрах от города Вильгальсгафена. Первую колонну погнали вдоль глубокой канавы, по бокам которой были столбы, а на них натянута колючая проволока, которая находилась под высоким напряжением электрического тока. Немощных узников выхватывали из колонны и бросали на эту проволоку. Наша семья попала во вторую колонну, которая уже подходила к канаве. К счастью, в это время подошла английская дивизия, сумевшая остановить “этот разгул жестокости”. “Рубашка” снова спасла меня.

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

Англичане нас немного подкормили, потом передали американцам. Всех взрослых заставляли работать. Несмотря на подписание многих документов о капитуляции Германии, остатки немецких диверсантов продолжали нападать и убивать пленников. Мама рассказывала, что иногда на людей, работающих в поле, немецкие летчики сбрасывали бочки с ядовитой жидкостью. От этого многие погибали.

В августе 1945 года нас разместили в фильтрационном лагере № 220 возле деревни Гарпштет в окрестностях города Нойштрейлиц. Второго сентября нам разрешили выехать на Родину. Мы все были настолько больны, истощены, что границу встречали стоя на коленях, а кто и ползком, со слезами на глазах.

Но это были слезы радости.

В октябре мы добрались до Витебска. Нас встретили развалины нашего дома. Пришлось жить в землянке и всем вместе укрываться старым папиным пальто, а когда было особенно холодно, нам приходилось ночевать в общественных туалетах и в подвалах, где много крыс. Ели мы гнилую картошку, суп, сваренный из травы.

Родители очень обрадовались, когда я в четыре года начала говорить. Мама все повторяла: "Болтушка ты моя дорогая! Слава богу! Заговорила".

В Витебске мы прожили до 1947 года, потом переехали в Ригу, к тете. Жизнь пошла своим чередом: отец работал, и за успехи в труде ему дали квартиру.

Я училась, вышла замуж за москвича и уехала в Москву. Родители прожили вместе долгую и непростую жизнь. Умерли в один месяц, в 1984 году. Светлая им память.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ АНДРЕЕВ БОЛЬ ВОСПОМИНАНИЙ

*Прошлое
живет
в памяти,
будущее
в воображении.
Разница
не велика.*

Андреев
с родным братом

Вспоминать свой трагический период жизни в годы Великой Отечественной войны не так просто, как думается. Ведь столько много тяжелого было пережито в те далекие малолетние годы, что невозможно полностью все это измерить, взвесить и оценить. Когда началась война, мне не было и трех лет. Жили мы на Смоленщине, в городе Духовщина, на которую обрушилась вторая волна страшного фашистского удара. Вспоминаю грохот канонады, разрывы снарядов и бомб, лязг танковых гусениц и весь этот кромешный ад. Возле нашего дома росло огромное грушевое дерево. Оно спасло нам жизнь, приняв на себя всю мощь удара взорвавшейся немецкой бомбы. Я, мама и старший брат (шесть лет), вынужденные покинуть свой город, попытались скрыться от немцев, но их передовые части перекрыли наш отход. Мы оказались на оккупированной территории. Жили где придет-

ся. Мерзли, голодали. Спасала только сильная тяга к жизни. Мать посылала нас с братом на немецкую кухню “попрошайничать”. Ничего не могу сказать, были и “хорошие” немцы, подзывали нас: “Ком киндер”, давали нам картошку с подливой, жалели нас. Тогда казалось, что это самая вкусная еда.

Но, к сожалению, много было и других немцев - жестоких. Особенно отличались эсэсовцы. Им в радость было ударить кованым сапогом и они с удовольствием смотрели, как ты летишь по воздуху, делая “пируэты”.

Осенью 1942 года нас и других беженцев насильно погрузили в товарные вагоны, предназначенные для перевозки скота, и с территории Смоленской области отправили в Германию. Доехав до польской границы, наш поезд остановился возле картофельного поля. Нам разрешили ненадолго выйти из вагонов. Я был еще очень маленький, но хорошо помню, как мы стали воровать с этого поля картошку, настолько были голодные. Поляки, увидев это, начали по нам стрелять. К счастью, все обошлось благополучно.

Привезли нас в Западную Германию и поместили в лагере, расположенном недалеко от города Штутгарт. Поселили в бараках. Охрана в основном состояла из русскоговорящих. Это были полицаи, которые отличались особой жестокостью. Лагерь был обнесен колючей проволокой, охраняли строго. Особый страх вызывали немецкие овчарки. Выходить за пределы лагеря строго запрещалось. В бараках находилось много детей и женщин (в основном матери). Нам всем присвоили номера, сфотографировали в одежде, на которой был пришит номер и рядом

стояла надпись по-немецки “Ост”. Очень жаль, что не сохранилось это фото. Всех взрослых, в том числе и нашу маму, вывозили на работу в город Штутгарт. Они, как рабы, выполняли черную работу: мыли, стирали, убрали, а вечером мама привозила нам с братом по яблоку. Несмотря на свой ранний возраст, я хорошо помню издевательства и унижения, так как это забыть невозможно.

И вот настал день нашего освобождения - апрель 1945 года. Освобождала нас союзническая армия (в основном это были негры). Машинами “студебеккер” снесли ворота лагеря. Всех охранников вывели во двор и без всяких разбирательств на наших глазах расстреляли. Мы с братом выходили за ворота, нам было интересно наблюдать, как английские летчики бомбили город. Они сбрасывали пустые канистры из-под горючего, которые при полете издавали звук летящей бомбы. Брат накрывал меня своим телом, прижимая к земле.

После нашего освобождения американцы предлагали нашей маме вместе с детьми подписать согласие на отправку в Америку, отказавшись от возвращения на Родину. Они запугивали русских пленных тем, что на Родине после возвращения будут большие неприятности, гонения и в итоге тот же лагерь, но уже в своей стране. Некоторые пленные соглашались и подписывали договор. Наша мама была непреклонна и не согласилась на уговоры. Нас отпустили на Родину.

В Бресте мы прошли через ПФЛ (проверочно-фильтрационный лагерь).

Наша семья осталась в Бресте, мы жили там четыре года. К нам вернулся отец, который работал в воинской части. Несмотря на послевоенный голод, наша семья жила безбедно и сытно. Мой отец работал в ведомстве, которое снабжалось продуктами от организации Красного Креста. У нас были разнообразные продукты, даже масло и сыр. Но родителям пришло время менять паспорта, и мы из Бреста вернулись в Смоленскую область, в город Ярцево, на свою родину. Там я учился в школе.

По школьной программе мы изучали роман Николая Островского “Как закалялась сталь”. Меня заинтересовал литературный герой адвокат Лещинский. С этого времени стал подумывать о приобретении этой профессии. Я глубоко ненавижу несправедливость. До 8-го класса учился в обычной школе. Я очень легко обучался наукам, тяга в основном была к гуманитарным предметам.

После получения аттестата начал свою трудовую деятельность в должности помощника ремонтновщика на Ярцевском хлопчатобумажном комбинате. Самостоятельно готовился поступать на юридический факультет.

Я выбрал дневное отделение Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1962-м поступил в МГУ, успешно сдав экзамен. В 1967 году, закончив учебу, получил диплом юриста по специальности правоведения. На предпоследнем курсе распределился в адвокатуру, проходил 6-месячную практику в Московской областной консультации. После стажировки распределился в Московскую областную коллегия адвокатов, где на протяжении почти 50 лет работаю адвокатом.

ЕВДОКИЯ МАРТЫНОВНА АНИКАНОВА

ДЕТСТВО

Все дальше уходят годы моего раннего детства, но события того времени не забываются.

Местность, где я родилась в 1940 году, расположена в юго-западной части Калужской области. В шести километрах южнее (за рекой Жиздра и одноименным городом) начинаются Брянские леса. Люди жили мирно и тихо, заботами о своей семье, домашнем подворье и о делах колхоза. Но началась война. Крестьяне не могут быстро собраться, все бросить, особенно в летнее время, и надолго уехать, так как повязаны были с посевами и домашним хозяйством. Так было везде во все времена.

Едва успели жители направить колхозный скот на восток, как в начале октября в нашу деревню Иванково и соседние деревни въехали немецкие моторизованные части с солдатами. Оккупация началась с того, что собрали всех жителей на главной площади и объявили

о том, что вводится новый порядок проживания в условиях войны. Нельзя было в темное время суток зажигать огонь, приборы для освещения, собираться группами более двух человек, громко кричать, петь, выходить за пределы деревни и многое другое. Все эти действия могли служить паролем партизанам. Людям нужно было покинуть свои дома, тем самым освободить место для проживания немецких солдат и командного состава. Женщины должны были служить прислужкой. Был строгий запрет на пользование некоторыми колодцами. Две женщины не приняли всерьез этот запрет, ведь этими колодцами пользовались несколько поколений. В порядке устрашения на виду у всех селян их расстреляли. Пятеро детей остались без матерей.

Сразу же желающим предложили вступить в ряды полицаев, составить списки проживающих в деревне коммунистов, евреев, семей красных командиров и военнослужащих. Желающие нашлись. Уже на следующий день на столе у начальника появились эти списки. Моя мама решила их сжечь. Пропажа обнаружилась через день. Ее избили, стали допрашивать, грозили расстрелом, но она твердила, что неграмотная, не знала, чем растапливала печь. Переводчик Николас сумел запутать это дело и отодвинуть срок наказания. К тому времени острота момента спала. Никого не увезли и не расстреляли. Потом мама, Аниканова Матрена Ивановна, гордилась своим поступком.

Полицаями становились пожилые мужчины из бывших кулаков и молодые, непригодные к воинской службе, дезертиры, бежавшие из рядов Красной Армии. Они следили за поставкой продуктов питания немцам, доставкой людей на объекты работ, соблюдением дисциплины.

плины, закона и порядка. Во главе полицеев стоял староста. На него были возложены функции заместителя коменданта и русскоязычного представителя немецкой власти. Он выдавал пропуска тем, кому необходимо было пойти в другой населенный пункт. Люди строили дороги, занимались полевыми работами (посев, прополка, уборка), лесоповалом.

Как ни удивительно, и тогда некоторые немцы проявляли человечность. Помню картинку: местный полицай - дядя Миша - тянет нашу корову за поводок вперед, мама тянет корову за хвост назад, одновременно громко ругает его, я держусь за подол юбки матери и плачу. Немец из комендатуры увидел эту "сказочную картинку" и спросил: "Отчего плачет эта женщина?". Мама ответила: "Он уводит корову, а у меня маленький ребенок!". Немецкий офицер велел отпустить животное.

Мама рассказывала о том, как немецкие врачи спасли мне жизнь, когда я весной 1943 года болела дифтерией, умирала от удушья. В местной больнице один укол пеницилина спас мне жизнь.

Запомнился также теплый, солнечный день лета 1943 года и в небе наш маленький двукрылый самолет. Все селяне выскочили на улицу, смотрели в небо и радостными криками приветствовали летчиков. Самолет покачал крыльями и улетел. Вскоре все увидели черный дым в небе. Люди плакали - жалели и летчиков, и самолет, а еще оплакивали надежду на скорое освобождение. Мне казалось, что даже яблони в саду помрачнели.

Примерно в июле, когда армия вермахта вела битву на Курской дуге, жителей деревень и городов нашего и соседних районов, граничащих с Брянскими лесами, стали в спешном порядке эвакуировать. В течение двух

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

часов надо было собрать ручную поклажу, прийти на сборный пункт. До Жиздры везли на машинах, а далее - пешком в сторону Брянска. На телегах везли лишь маленьких детей. В районе станции Судимир колонна попала под обстрел. Люди попадали на землю. Убило мою тетю Анну, еще несколько человек. Меня задело осколками. Шрамы на лбу остались до сих пор, напоминая о войне. Раненых людей, которые не

смогли встать на ноги, полицаи пристреливали, так как лошадь была убита, а телега разбита. Потом стало известно, что едва жители покинули деревню, немцы сожгли все, что могло гореть, и взорвали все, что оставалось, вплоть до русских печей. Они подчинялись тактике “выжженной земли”. То есть чтобы ничего не осталось нашим солдатам-освободителям.

Мы попали в Брянский лагерь-распределитель. Прдержав несколько дней, нас увезли в немецкий тыл, в Эстонию, и поместили в лагерь-распределитель “Балтийский порт”. Это был большой, огороженный колючей проволокой, открытый участок. Вдоль ограждения стояли вышки, на которых располагались наблюдатели. Внизу ходили охранники с собаками. Внутри участка бродило много людей, особенно бородатых мужчин. Некоторые из них жевали траву и корешки. И только по-

взрослев, я поняла, что это были наши пленные солдаты, которым не только не давали еду и воду, но и держали там как можно дольше, чтобы сломить их силу духа. Но нас перемещали из одного лагеря в другой в западном направлении. Люди запомнили названия некоторых из них: “Палдиски”, “Пиркуль”, “Пиккули”, “Алитус”. Молодых парней и девушек, по мере достижения ими 15-16 лет, увозили на работу в Германию. Старики, женщины, подростки ежедневно ходили копать котлованы, строили оборонительные объекты. Все сильно страдали от недоедания и непосильных работ. Старики и маленькие дети умирали.

Мы, дети до 8 лет, жили в отдельных строениях. Чаще всего это были бараки без потолков с очень холодным (для босых ног) полом. Вдоль стен имелись нары в два яруса, на которых мы размещались. Время от времени нас раздевали, собирали одежду, а через день приносили уже чистые вещи. Анализируя картинки прошлого, понимаю, что было сравнительно чисто. Нас каждый день заставляли мыть лицо, руки, ноги. Скорее всего, благодаря мероприятиям по соблюдению санитарной гигиены в лагерях не было инфекционных болезней.

Кормили два раза в день - утром и вечером. Давали по стакану киселя серого цвета (скорее всего мучной болтушки) и по кусочку хлеба. В тупиковой стороне здания были забитые ворота, а под ними - щели. Каждый вечер мы подходили к этому месту и ждали мам, которые иногда приходили, окликали нас по имени, а мы протягивали ручки в щель и получали кусочек хлеба, картошку или другое лакомство. Через нас получали свою порцию и дети, матерей которых увозили на специальной машине, если они ослабевали или заболели. Взрослые

очень боялись этих машин (вероятно, газовых). А им еду приносили местные жители к объектам, где они работали. И хотя территория всегда была огорожена колючей проволокой и по периметру ходили охранники с собаками, им иногда удавалось подобрать приношения, которые бросали через ограду.

Мы всегда были под наблюдением воспитательниц. Запомнилась надсмотрщица - красивая блондинка по имени Эльза. В отличие от других она одевалась в мужскую одежду, всегда носила с собой плетку с шариками на конце (вероятно, нагайку). За малейшую провинность хлестала нас этой плеткой. Оставались лилово-красные полоски, которые долго болели. Эльза учила нас немецкому языку. Иногда к нам приходили мужчины и тоже учили. Но это была особая наука - наука выживания. Они говорили, что воспитывают из нас "детей-волчат". Каждый должен был драться за свои интересы, никого и ничего не щадя. Учеба проходила через игры. Например: солдат стоял и на уровне груди держал конфету. Ее нужно было достать. Все желали достать! Мальчишки дрались всерьез и отчаянно. Результат - один с конфетой во рту, а вокруг плачущие от обиды и ранений, часто окровавленные и изодранные слабаки. Но в течение секунды 5-6 мальчиков набрасывались на мальчика, получившего конфету, разжимали ему рот и пальцами доставали сладкую слюну, затем совали эти пальцы себе в рот. Вот это уже были дети-волки без кавычек! Были и другие игры. Иногда ушибы оказывались смертельными. Детей, победивших три-четыре раза, от нас уводили, говорили, что их направляют в специальную школу.

В одном из лагерей запомнились мужчины в белых халатах. Нас укладывали на стол, привязывали, в руку

втыкали иглу. Было немного страшно, но интересно смотреть, как по прозрачному шлангу текла красная жидкость к другому дяде, который лежал рядом. Отбирали кровь до потери ребенком сознания. Перед тем, как взять кровь второй раз, спрашивали разрешения родителей, обещали вознаграждение сахаром и маслом. Кто-то подсказал маме не соглашаться. Второго отбора крови дети не выдерживали.

Был случай, когда меня и еще двух девочек куда-то должны были увезти. Для начала привели нас в светлую комнату с окнами. Интуиция подсказала, что нельзя никуда уезжать. Девочек быстро поймали, а я решила не попадать в руки охранников. Помню, как бегала по столам и прыгала на невысшимую высоту, допрыгнула до форточки, выскочила на улицу в дождь и холод. Охранники не стали меня преследовать. Потом меня привели снова в лагерь, но больше не пытались уводить. Этот случай мне запомнился надолго и снился во сне примерно до 45 лет.

Перед освобождением обстановка в лагере улучшилась. Детям стало проще получить лакомство. Но мне, как всегда, ничего не доставалось, поскольку я была меньше и моложе и, соответственно, слабее других детей. Один молодой и очень красивый солдат пожалел меня и дал такую долгожданную и такую желанную конфетку! Я настолько была ему благодарна, что заплакала от счастья. Его лицо помню до сих пор.

В лагерь приносили русских младенцев, которых отнимали у рожениц сразу после появления на свет. Это были дети, уже с рождения обреченные на смерть. Их не кормили. Когда начинали плакать, затыкали рот тряпкой. В течение нескольких дней дети затихали навсегда.

Помню день освобождения. Это было в августе 1944 года. Вокруг долго гроыхало. Мы очень боялись и сидели, забившись в темные углы. Вдруг открылась дверь. На фоне розово-красного зарева неба появился солдат с винтовкой в руках и, ликуя, громко сообщил о Победе, Свободе. Но мы ему не верили. Солдат недоумевал. Ободрило и обрадовало всех сообщение о возможности увидеть матерей. После того, как солдаты угостили нас настоящим сладким сахаром, а не сахарином, который был лишь чуть сладким, солдаты стали нашими друзьями и мы поняли, что они действительно освободители. До этого нас на улицу не выпускали, и мы в первые дни после освобождения боялись открытого пространства. Вид Балтийского моря тоже запомнился надолго. Удары о берег холодных, могучих волн, бескрайность пространства вызывали и страх, и восторг.

После освобождения нас снова отправили в Эстонию, разместили возле города Нарвы, где мама ремонтировала железнодорожные пути. Домой отпустили зимой 1945 года, взяв с мамы подписку о том, что она поедет в свою деревню. Очевидно, это был один из видов ссылки. По приезде на Родину мама ездила на Украину за мукой, привозила по мешку на крышах вагонов, примерзая к обшивке. Муку мама продавала, деньги копила на строительство дома. Сами жили впроголодь. Весной стали собирать травы: головки хвоща, листья сныти, щавеля, крапивы, клевера, цикория и другие виды, выкапывали замороженный картофель и пекли блины, которые все называли "тошнотики". Через год мама построила домик и купила телочку. Жизнь пошла своим чередом.

Мама всю жизнь ждала возвращения мужа. Я пошла в школу в соответствии с возрастом. Помимо трех девочек-семилеток в классе были еще пятеро “переростков” - детей старше нас на 3-4 года. После третьего класса школу в деревне закрыли, так как детей 1942-1945 годов рождения не было. Аналогичное положение складывалось во многих деревнях района, подвергшихся немецкой эвакуации в страны Балтии и Германии. А нас отправили в школу деревни Акимовка, куда ходили дети еще шести деревень. Наличие в классах детей разных возрастов сохранялось и в школах города Жиздра. Я с большой нежностью и любовью вспоминаю учителей моих первых школ. После войны детей в классах этих школ было немного в течение нескольких лет. Председатель колхоза, видя мою тягу к учебе, направил учиться в сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева, за что я ему очень благодарна.

Проводя впоследствии опросы жителей деревни Иваново, я выяснила, что до войны проживало около 256 человек. Из них 84 - ушли на фронт, в том числе и мой отец, двое женщин (в начале оккупации) были убиты, остальные отправлены в Прибалтику и Германию. После окончания войны с фронта в деревню вернулись 2 инвалида и только один молодой и здоровый парень. Из Прибалтики и Германии вернулись 52 человека, а из 19 детей до 8 лет - 3 девочки, в том числе и я (выжил один из девяти.) Все мальчики этого возраста погибли. Бесконечная благодарность маме, судьбе и Господу Богу, неоднократно спасавшему меня и позволившему дожить до сих пор.

После войны численность населения деревни так и не восстановилась. Семьи образовывали парни и девушки,

вернувшиеся из Германии. Но их было мало. После начала паспортизации в районе (1961 год) жителей сельской местности молодежь в поисках лучшей доли стала покидать родные края. Взрослые женщины долго оплакивали погибших на войне родных и близких. На их плечи легла вся тяжесть обустройства быта и восстановления колхозов. Эта неимоверная нагрузка приводила к тому, что они слабели и тихо уходили в другой мир, часто не дожив до 70 лет, как и моя мама. Вечная память и моя бесконечная благодарность этой простой русской женщине, сумевшей сохранить в страшные военные годы себя, свое честное имя и меня.

Усугубила процесс высокой смертности в нашем регионе трагедия в Чернобыле. Сейчас деревня опустела.

Сейчас я возглавляю общество бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей в Обручевском районе ЮЗАО города Москвы и совет ветеранов ВОВ, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов в первичной организации. Совместно с А.В. Волынской мы собрали очерки воспоминаний бывших узников фашистских концлагерей и опубликованы в 1 и 2 изданиях книги "Черные крылья войны". В 2015 году был издан Сборник стихотворений бывших несовершеннолетних узников фашизма "Цветы померанца", посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне под редакцией Председателя Общественной организации БНУФ ЮЗАО Крюковой Л.К. и Председателя ОБНУФ ЮЗАО района Обручево Аникановой Е.М. Выпустила книгу "Вехи истории России". Все мы пытаемся на нашем примере донести до читателей великие трудности этой кровавой войны в надежде на то, что молодое поколение не допустит повторения подобной трагедии.

ПАМЯТНИК УЗНИКАМ КОНЦЛАГЕРЕЙ.

Памятник установлен в 2005 году (год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне) по инициативе Смоленской региональной организации "Бывшие малолетние узники фашистских концлагерей".

**ЛИДИЯ ФЕДОТОВНА
АНТОНОВА**

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

К началу войны мне не исполнилось еще и шести лет. Родилась я в деревне Алексеево Глинковского района Смоленской области, в семье сельского учителя. Отец, коммунист, был оставлен для подпольной работы в тылу врага. Он стал политруком роты в партизанском отряде имени Дедушки. Об этом упоминается в книге Тимофея Засыпки "Сторона партизанская". К моменту распада отряда началась эпидемия тифа. Нашей семье было запрещено ходить в лес. Больного отца привезли в деревню соседи. Но староста выдал его немцам, и отца отправили в Германию. Вернулся домой он только в 1946 году. После фашистских лагерей его здоровье было подорвано, и отец рано ушел из жизни. Нашу семью, как семьи других коммунистов, пытались эвакуировать в тыл, но не успели. Где-то под Брянском фашисты преградили нам путь. Пришлось вернуться домой. Вскоре пришли немцы. Началось страшное и жестокое время.

*У каждого из нас
есть большая
личная миссия,
которую мы
передаем
следующим
поколениям:
чтобы все были
счастливы
и жили в мире!*

Нас выгнали из дома. С помощью соседей мы вырыли землянку, где жили в теплое время года. Зимой нас приютила одинокая соседка. Фашисты часто устраивали облавы, допрашивали, пытались узнать о месте нахождения партизан. Маму допрашивали и избивали у нас на глазах. Немцы отобрали у нас нашу кормилицу - корову, весь скот, кур. А у мамы на руках было четверо детей, и самой младшей сестре был всего годик. Всех надо было кормить. Хорошо, что добрые люди-односельчане помогали выжить нашей семье. Однажды фашисты собрали жителей деревни у колодца и заставили смотреть на казнь двух партизан. Парни достойно приняли смерть, выкрикивая слова: "Прощайте. Победа будет за нами". И кричали до тех пор, пока палач не выбил ногой табуретку у них из-под ног. Смотреть было очень страшно, мы все плакали. Тела этих партизан долго висели на суку липы для устрашения.

Весной 1943 года все трудоспособное население деревни под конвоем погнали на запад. Шли пешком, очень устали, у мамы на руках была моя маленькая сестренка. Отстающих от колонны фашисты избивали нагайками, а больных просто пристреливали. Во время ночевки в лесу за колючей проволокой моему старшему брату с двумя мальчишками удалось бежать. Всех остальных пригнали в лагерь возле города Рославль. Там мы находились полгода, но время это казалось вечностью. Жили в холодных бараках и постоянно хотели есть. Кормили очень плохо, это назывался сухой паек: кусочек хлеба и какой-то “жмых”. Иногда получали немного полусырой чечевицы. В бараках было очень тесно. На работу выгоняли не только взрослых, но и подростков. Чаще всего приходилось выдергивать из земли высохший лен. На руках у нас от этой работы образовывались кровоподтеки. Однажды нам повезло: мы убрали корнеплоды и наелись брюквы.

Мы ничего не знали о брате и очень переживали за него. Ведь фашисты убивают всех, кто пытается бежать.

К великому счастью, когда мы вернулись домой из лагеря, нас встретил живой брат со старенькой бабушкой. Нас освободила Красная Армия. Это было ликование: “Все свободны!” Чувство благодарности нашим спасителям переполняет мою душу и сердце всю жизнь. После окончания семилетки я училась в Ивантеевской профтехшколе. Затем работала 4 года помощником мастера на Смоленской чулочно-трикотажной фабрике, училась в вечерней школе молодежи. В 1957 году оставила фабрику и поступила в Смоленский педагогический институт. С 1964 года работала учителем немецкого языка в школах Москвы и области. Имею звание ветеран педагогического труда. С 2004 года являюсь председателем ОБНУФ в Академическом районе города Москвы. Иногда пишу стихи.

**МАРИЯ СЕРГЕЕВНА
АНОХИНА**

КРАТКАЯ ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Я родилась в 1927 году в восточной части Орловской области. Началась война. Отец ушел на фронт, а мы - мама, я и четыре мои младшие сестрички - остались в своей деревне Александровка. Работали в поле, осенью собирали урожай. Едва успели отправить в помощь Красной Армии колхозный скот и зерно нового урожая, как немцы вошли в нашу деревню. С первых дней оккупации пришлось жить в землянках, так как в наших домах разместились немецкие солдаты и их командиры. Первым делом нам велели вырыть длинный подвал, который они оборудовали под овощехранилище. Засыпали туда картофель, морковь, свеклу, уложили капусту - все, что было нами собрано с колхозных полей и приусадебных участков. У сельчан отобрали даже соль.

Шли ожесточенные бои в районе города Ливны. Жители от снарядов прятались в пустых подвалах. Продовольствие закончилось, начался голод. Старики и дети стали умирать. Умерла и одна из моих сестричек. Для своей армии немцы стали отбирать домашний скот. Мама попыталась защитить нашу корову, но ей пригрозили расстрелом. На наших глазах корову застре-

лили и стали разделять на части. Было жутко смотреть, мы долго не могли это забыть. Жалко было нашу кормилицу.

В феврале 1943 года немцы решили отправить нас на запад. Мы пошли под конвоем до станции Долгое, затем нас посадили в вагоны для перевозки животных и повезли в Белоруссию. Ехали около двух недель. За все время пути нам дали один раз по кружке баланды. Какая-то еще еда была у нас, но очень мало. Мы так рады были этой баланде!

На станции Иванцевичи поезд обстреляли партизаны. Между ними и немцами завязался бой. Кто-то у вагонов открыл задвижки, и все пленные устремились наружу. Партизаны потерпели поражение, многие из них были убиты, но и некоторые охранники распрощались с жизнью. Люди из вагонов остались посреди глухого леса. Разбежались кто куда. Наша семья добралась до города Дукор (в Минской области). Нас разместили в домах убитых евреев. Жили вместе по две-три семьи, работали батраками в поле у хозяина Галлана.

9 июля 1944 года нас освободила Красная Армия.

Мама и три моих сестры остались жить в Белоруссии, а я поехала в свою родную деревню Александровка. Но от нее остались только развалины, пепелище и всюду следы боев: окопы, землянки, траншеи, блиндажи. Я поселилась в землянке у подружки. Через несколько месяцев вернулась к маме и сестрам. Стала работать пионервожатой в детдоме. Вышла замуж за военного и переехала с ним из Белоруссии в Москву.

У меня дочь, внук и правнук.

До сих пор не забыла того трудного и страшного времени.

**ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
АФАНАСОВА (ОСМАЛОВСКАЯ)**

**РОДНАЯ
СМОЛЕНЩИНА**

Я родилась в 1929 году в деревне Старое Азарово-Всходского района Смоленской области.

Началась война. Отец ушел на фронт.

Остались мама, я и мой младший брат. Будущее казалось неясным, пугающим.

В начале октября в нашу деревню на машинах и мотоциклах въехали немецкие оккупанты. Сразу начали изымать у населения все съестное. Затем дошла очередь и до домашнего скота.

Я заболела тифом, болезнь долго не отпускала меня. В нашем доме размещались портные-австрийцы. Один из них подкармливал меня после болезни. Приносил котелок с едой. Сами мы ютились в “казенке” - в уголке хаты, между печкой и стеной, рядом с входной дверью.

По нескольким неделям, после длительных боев, в нашей деревне отдыхали молодые фашисты, и мама от греха подальше отправила меня к бабушке на железнодорожный узел. Но больная бабушка через несколько месяцев умерла. Похоронив ее на сельском кладбище, я вернулась к маме.

Нас фашисты не подозревали в связях с партизанами, так как лес был далеко от деревни. А вот жители соседних деревень страдали от карателей. Время от времени их дома и постройки проверялись. Если находили партизан, то каратели сразу их вешали. Устраивали показательные казни.

За связь с партизанами в деревне Милясино расстреляли всех жителей. Рассказала об этом чудом уцелевшая девочка. Ее ранило в обе ноги. Вместе со всеми расстре-

лянными она упала. Более суток лежала под мертвым телом какой-то женщины, потом уползла в другую деревню.

Частично были расстреляны и жители других деревень - Большой Бобровки, Малой Бобровки, деревни Малое Азарово и других. После проведенной акции каратели сжигали деревни, а оставшихся жителей увозили в Германию.

В конце зимы 1943 года с освободительными боями стала приближаться Красная Армия. Немцы, отступая, всех жителей нашей и соседних деревень погрузили в машины и повезли в Вязьму. Я опять была больна тифом (но в легкой форме), поэтому не помню некоторых подробностей. Мне потом рассказали, что погрузили нас в товарные вагоны и повезли в Германию, в лагерь "Сигизхайм".

Каждое утро из лагеря нас возили на машинах на завод по переработке и сушке овощей. Я с подругами чистила лук. На рукавах нашей верхней одежды был нашит знак "ОСТ".

Осенью 1944 года завод разбомбили американцы. Всех узников направили на сельскохозяйственные работы к фермерам.

А весной 1945 года американцы освободили нас и передали русским военным. Далее, уже на русских машинах, с охраной нас повезли в Брест, где разместили в проверочно-фильтрационном лагере.

Лишь осенью мы вернулись в родные места, но ни жилья, ни еды не было. Мама отправила меня сначала к родственникам в Белоруссию, а потом я сама отправилась в Москву. Откуда только у меня были силы и храбрость?! Ведь ехала я и на подножках, и на крышах вагонов. Трудно было, но я освоилась в большом городе. Стала работать, и жизнь пошла своим чередом. Вышла замуж, вырастила дочь и сына. Теперь у меня четверо внуков.

Уже много лет прошло после войны, многое забылось. Но до самой смерти не забуду я деяния фашистов в нашей местности, их зверства и жестокость. Не дай Бог такому повториться снова!

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА БАРИНОВА (НИКИТИНА) ФАШИСТАМИ ЗАТОПТАННОЕ ДЕТСТВО

С первых дней Великой Отечественной войны я находилась с матерью, Никитиной Марией Акимовной, на родине моей бабушки (матери моего отца), Никитиной Натальи Ефимовны, в деревне Марьинка Думиничского района Калужской области.

В сентябре 1941 года фашисты заняли деревню. В эти тревожные дни, 25 сентября, мама родила мою сестру Наталью.

Погнали нас фашисты в Польшу, в местечко Вершкане, где мы вместе с немецкими солдатами проживали в одном доме в течение полумесяца, пока польские партизаны не подожгли дома. После этого отправили нас - кого пешком, кого на лошадях - в Прибалтику. Мы попали в Литву - сначала в город Шауляй потом в Каунас. Наша семья оказалась в концлагере "9-й форт" в конце декабря 1941 года.

Освобождены советскими войсками в начале 1945 года (вся Прибалтика была освобождена от оккупантов осенью 1944 года).

У меня и у сестры немецкие врачи брали кровь для раненых немецких солдат и офицеров, испытывали на нас газ.

В конце лета 1945 года мама и мы, ее дети, проживали в деревне Крюково Октябрьской железной дороги, так как в Москву нас сразу не пустили.

С 1946 года проживали в Москве. В 1947 году пошла учиться в 1-й класс.

Сестра из-за выпавших на ее долю испытаний в годы военного лихолетья скончалась в Морозовской больнице от сепсиса. Мама не стало в июле 1953 года. Помню, что моя мама писала книгу воспоминаний о пережитом в 1941-1945 годах и читала мне написанные главы.

Судьба мне подарила возможность вести нравственно-патриотическое воспитание молодежи. Вот уже 28 лет я этим занимаюсь. В частности, рассказываю об экспонатах, в том числе в Музее обороны Москвы, там ведь представлены многочисленные предметы, сохранившиеся с тех страшных времен моего раннего детства, опаленного войной, мои книги и стихи о войне. В музее "Дорогами детства" (район Ясенево) самым ценным экспонатом является кружка с фашистской свастикой, гербом Германии, и надписью "Кайзеровская республика Германия 1942 год". Эта кружка напоминает о концлагере "9-й форт" (город Каунас, Литва), где сегодня меня и многих других пленников фашизма считают оккупантами и захватчиками.

...И в довершенье скажу я слова:

Пока я жива, моя память жива.

Мы преодолеем невзгоды и беды.

Он в наших сердцах -

День Великой Победы.

Воспоминания о войне мне проще выражать свои переживания в рифме.

МАМИН КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

<i>Держу по прошествии многих лет Я мамы моей комсомольский билет. Взносы оплачены (вздрыгнули нервы) В билете печать за июнь сорок первый. А это концлагерь военной поры, Зашит был билет в одеяльце сестры, Что родилась в сентябре двадцать пятого Того сорок первого года проклятого. Маме моей было двадцать пять лет. В плену сохранила она тот билет. Долгие дни плена нашего шли. Фашисты у мамы билет не нашли. А мамыны губы и руки дрожали, Когда одеяльце фашисты держали.</i>	<i>Нет мамы с сестрой шестьдесят с лишним лет, А я все храню комсомольский билет. Погибли мои дорогие родные, Как многие пленные дети России. Из Польши на днях получила "привет"- Освенцима выставка и билет. На стенде в музее билет комсомольский, Возможно он русский, а может быть польский? И мамы сегодня я старше в два раза. Когда же фашизма исчезнет зараза??? И в довершение скажу я слова: Пока я жива, моя память жива. Мы преодолеем невзгоды и беды. Он в наших сердцах День Великой Победы.</i>
--	--

ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА - В СЕГОДНЯ

*Мы с мамой малолетки:
я, Наташа,
А за плечами "Форт"
концлагерь был.
Когда в Литву пришли
солдаты наши,
То дядя Миша нас освободил.
На ручках детских
номеров узоры.
Да и у мамы
выжжен страшный след.
Солдат, нас спасший,
Михаил Суворов,
Сейчас не знаю,
жив ты или нет.
Давно нет мамы
и сестры Наташи,
А у меня внук Саша
подрастает.
Поклон тебе, солдат,
молитвы наши.
Жаль, если не услышит,
не узнает.
А праздник со слезами
на глазах
Салютом славы
небо покрывает.
Того, что в детстве мне
пришлось познать.
Пусть дочь Наташа, Саша-
внук не знают.*

*Вот в орденах
шагает ветеран,
Всегда ли почитаемый
народом?
Он не страшится тех
далеких ран,
Но больно от полученных
сегодня.
Почувствовать ту боль
должны все люди.
Вовек солдата уважать.
И лишь тогда тепло
на свете будет,
Когда мы сможем
к сердцу их прижать.
Они ж не только
из-за долгих лет
Такими стали нервными,
седыми.
Так хочется, чтобы они
не знали бед,
Душою оставались
молодыми.
Сегодня в День Победы
и печали
Давайте к ветерану
подойдем,
Погладим на груди его медали
И руку с благодарностью
пожмем.*

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА БЕЛОРУССОВА (ФЕДОТОВА) ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Яродилась в 1938 году в городе Кунцево Московской области. Наша семья - это папа, Павел Александрович, мама, Агрипина Афанасьевна, братья Алексей, Костя, сестра Зинаида и я. С 1940 года вся наша дружная семья проживала на Кавказе в Северной Осетии. Красивые горы и роскошные леса восхищали нас и поражали воображение.

И вот началась страшная война. Красармейцы отчаянно защищали горные дороги, стараясь не пропустить войска немецкой армии. Но силы были неравны, и фашисты осенью 1942 года дошли до гор.

Немцы начали собирать население. Гнали нас до станции Невинномысская, потом погрузили в товарные вагоны, чтобы отправить в Германию.

Везли нас больше месяца через Белоруссию. В дороге умер мой младший брат. Нас, голодных и измученных от долгой дороги, привезли в немецкий город Гамбург. Лагерь назывался Моортвите, он являлся филиалом лагеря смерти Нойенгамме. Родители и мой старший брат работали на рыбной фабрике "Пинн унд Козер" (Pinn und Koser Fischindustrie).

К рабочим относились как к рабам. Однажды мой брат не удержал бочку, и за это его начали зверски бить. Все это на глазах у мамы. Она не выдержала и бросилась на помощь, его отпустили. Так мама спасла сына.

Мы все страдали от страшного голода. Родители тайком старались принести с фабрики какую-либо еду. Для них это было очень опасно, потому что их часто обыскивали. Голод и

нас, детей, выгонял на поиски чего-нибудь съестного. Рядом с нашим лагерем находилась железнодорожная ветка, на которой военнопленные иностранцы (англичане и итальянцы) разгружали вагоны с провизией. Они, видя нас, голодных детей, умудрялись что-нибудь подкинуть из съестного. Лагерь для пленных иностранцев находился на противоположной стороне от железной дороги. Мы часто слышали изумительные итальянские песни. Но иногда приходилось слышать их крики, когда они дрались. От этого нам было очень страшно.

В июне 1944 года союзники разбомбили рыбную фабрику. Поэтому нас, узников, перегнали в город Грауденц и заставили работать на табачной фабрике “Кристиниус и К^о”. Затем перегнали в город Флоссенбург, в один из лагерей смерти.

Еда во всех лагерях была крайне скудной. В основном кормили баландой из брюквы. Чувство голода не покидало ни на минуту. Случайно раздобытая сырая картофелина казалась самой вкусной на свете. И это “райское наслаждение” мне запомнилось на всю жизнь. Еще помню запах нерафинированного сахарного песка, который нам как-то сыпанули британские военнопленные. Однажды мой брат увидел на дороге две картофелины и показал приятелю. Тот набросился с кулаками, отобрал и съел все сам. Брат горько плакал. Проходившая мимо монахиня хотела его утешить, но увидела знак на одежде “OST”, махнула рукой и ушла. Еще был такой случай: когда нас перемещали из Грауденца в Флоссенбург, а отец с беременной мамой отстали от поезда, у нас, малых деток, украли выданные в дорогу хлеб и маргарин.

Отношение немцев к нам было разным. Например, в Гамбурге во время авиабомбежки бомба попала в убежище, в котором прятались наши люди. Немцы только через несколько часов разрешили разбирать завалы, когда уже все задохнулись. Другой пример: в городе Грауденце у меня на

глазном веке образовался нарыв. Я настолько была ослаблена, что болезнь не проходила, а только осложнялась. Немецкие врачи сделали мне успешную операцию. В Фолоссе, недалеко от нашего лагеря, находился военный аэродром. Мою беременную маму направили туда убирать общежитие немецких летчиков. Однажды, когда она несла очень тяжелое ведро с водой, упала.

Немецкие летчики устроили нагоняй коменданту лагеря. Маму после этого случая заставляли работать только на починке белья. После родов, когда она возвращалась на электричке в лагерь, две пожилые немки (не догадываясь о наших условиях жизни в лагере) объясняли маме, как надо одевать детей, и подарили ей буклированную пряжу. Из этой пряжи мама связала мне и сестре красивые кофточки.

26 апреля Фолосс заняли американские войска. Согласно договору между союзниками американцы обязаны были нас передать советскому командованию. Но сначала они агитировали родителей не возвращаться на Родину, так как им нужны были такие высококвалифицированные рабочие, как мой папа, да и мама была на все руки мастер. Объясняли, что нас всех ждет на Родине гонение: отправка в Сибирь, в лагеря.

Но родители не мыслили себя вне Родины. Нас передали советским властям и сразу переместили в ПФЛ (проверочно-фильтрационный лагерь). ПФЛ находился в Чехии, в местечке Ческе-Будеевцы. В результате работы “компетентной” комиссии, моего папу “отфильтровали” и сразу после немецких лагерей отправили в “КолымЛаг”. Папу освободили и реабилитировали полностью в конце 1954 года.

А мама с четырьмя малыми детьми вернулась в Кунцево, где мы приютились в 11-метровой комнатухе у маминной сестры: нас пятеро, тетя и бабушка. Прописку получи-

ли только через два года. Без прописки нам не выдавали карточки на продукты. Еды у нас почти никакой не было, поэтому я и мой брат ходили по улице и собирали милостыню, чтобы уже на Родине не умереть с голоду.

Здоровье у всех детей было сильно подорвано. Я не могла читать из-за плохого зрения, не различала букв. Истощение было настолько сильным, что нас наблюдал врач-фтизиатр.

Папа после ГУЛАГа вернулся очень больным человеком.

Мама, потеряв здоровье, как могла, растила и воспитала нас, хотя устроиться на работу ей было очень тяжело, ее прост-напросто не брали на приличные должности из-за немецкого плена). Пережив все невыносимые трудности военного и послевоенного времени, она нам всегда говорила: "Ребята, если не хотите, чтобы все, кому не надо, вами командовали, учитесь и добивайтесь своей цели".

Все члены нашей семьи всегда помнят наизусть историю нашей мамы. Так что мы все выстояли, не опустили. Главное - иметь в жизни цель, постоянно учиться, работать над собой и не заикливаться на том, что ты был или была в плену в Германии!

Следует сказать, что в наше время немцы до сих пор чувствуют свою вину за события Второй мировой войны. Особенно этот комплекс вины сильно развит у старшего поколения. Они до сих пор ездят по Германии с лекциями о Второй мировой войне, публикуется много воспоминаний о тех годах.

В Гамбурге при поддержке администрации города работает общественный союз "Круг друзей мемориала бывшего концлагеря Нойенгамме". в 2013 году по приглашению немецкой стороны я присутствовала на встрече в том памятном месте, где находился наш лагерь Моортвите.

Судьба бывших узников фашистских лагерей на Родине, в СССР, это совсем другая история. Кому как повезло.

**ИРИНА ВИКТОРОВНА
БОГДАНОВА**
**ОТ ПУШКИНА
ДО БЕРЛИНА
(ЗА 1225 ДНЕЙ)**

В мае 1937 года, когда все деревья стали зелеными, а небо было пока еще мирным, чистым и голубым, в пригороде великого Ленинграда (в городе Пушкин) в семье биолога родился третий ребенок - это я, Нассонова Ирина Викторовна.

Но что такое я - маленький человечек - в сравнении с родным моим красивейшим городом Пушкиным, который вместе со мной попал в лапы фашистов.

Что же эти мерзавцы натворили с городом и его жителями! Ужас!

До 17 сентября 1941 года в Пушкине было более 56 000 жителей, а ко дню освобождения его (24 января 1944 года) осталось приблизительно 250 человек.

Город стал казаться безлюдным.

Конечно, многие жители за это время умерли от сильного голода и артобстрелов, но в основном, как теперь извест-

но, население было фашистами расстреляно, повешено и угнано в концлагеря.

Пушкин с его дворцами и жилыми домами весь был разрушен. Произведения искусств разграблены и отправлены в Германию.

Знаменитую янтарную комнату Екатерининского дворца демонтировали и янтарное панно вывезли в музей Кенигсберга.

От загородной резиденции царской династии Романовых по сути ничего не осталось.

Не повезло городу Пушкин еще и в том, что он оказался передовым военным рубежом Ленинграда. Окопы и оборонительные сооружения проходили по окраине Пушкина, поэтому оккупационный режим здесь был особо жестким.

До войны 22 июня в нашей семье всегда торжественно отмечали день рождения моей средней сестры Ляли! всей семьей, обязательно нарядные, мы ходили гулять по парку и любовались красотами города. И в этот раз папа с утра надел белый костюм и пошел купить нам любимых конфет “Аврора”, но скоро вернулся ни с чем и сказал: “Война”.

Как многодетного отца не призвали на фронт в первую очередь, а отправили копать противотанковые рвы в окрестностях Ленинграда, затем на Пушкинский аэродром.

Лишь 2 августа подошла и его очередь на мобилизацию. В военкомате папу записали в медицинский состав.

На долю отца выпали очень тяжелые испытания, но он их преодолел.

Обладая прекрасным знанием иностранных языков, особенно немецкого, в конце войны он в Берлине был переводчиком в отделе контрразведки СМЕРШа.

29 августа 1941 года враг перерезал последнюю железнодорожную линию, а 8 сентября полностью замкнул кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Пушкинцы и ленинградцы не имели полной информации о наступлениях немецких войск и их зверствах, поэтому никуда заранее не выехали из своих городов.

16 сентября 1941 года все воинские части ушли из Пушкина. Магазины были брошены - бери, чего хочешь. Пушкин остался открытым для врага. 17 сентября звери-оккупанты вошли в город. Уже к середине этого дня быстро согнали сотни мужчин на Дворцовую площадь перед Екатерининским дворцом, чтобы длинной колонной погнать их, под охраной автоматчиков, в концлагерь, за колючую проволоку (либо в Гатчину, либо в Рождествено). Остальных мужчин, в основном коммунистов и евреев, сразу повесили на Дворцовой площади, на воротах Александровского парка и еще в шести местах.

В 32 года мама осталась одна с четырьмя детьми - 10 лет, 7 лет, 4 года (мне) и 1,5 года (Ленечке), без еды и помощи, среди зверствующих фашистов.

Воду мама откуда-то приносила, а за пищей ходила на опытное поле, где находила в уже очень холодной земле случайно затерявшиеся картофелины. На этом и держались, но становились все слабее и слабее.

А немцы, словно бешеные собаки, продолжали рыскать по домам. По всему городу виселицы смастерили, 15 мест для расстрелов обозначили. Даже "пожарный" пруд в городе заполнили мертвыми телами. И все им мало, все еще рыщут.

И к нам в дом пришел автоматчик. Смотрит на нас... Что-то у него в голове "щелкнуло". Говорит маме: "Ком" и

стал ее автоматом к двери подталкивать. Но за что? Повел ее к другому дому. Мама к смерти приготовилась. Мысленно с нами попрощалась. А зря! Он подвел ее к бочонку с солеными зелеными помидорами и сказал: “Киндэр”.

Жалко, что слишком мало было таких немцев. Наверное, они воевали по принуждению.

На зеленых помидорах какое-то время продержались, а потом опять голод-голод-голод.

Выбраться из Пушкина было невозможно. Немцы строго-настрого запретили въезд и выезд. Сразу расстрел на месте.

А мы из-за голода были уже на краю гибели.

1 ноября 1941 года нас погнали в Германию, только путь туда оказался слишком длинным.

Сначала в Рождествено.

Там был большой мужской лагерь за колючей проволокой. Зимой вспыхнул тиф, и лагерь весь вымер. Долго вывозили сани, наполненные мертвецами, за окраину села.

А наш лагерь О.Т. (при Организации ТодТ-дорожники) был без колючей проволоки. Они узников использовали на строительстве и ремонте дорог. На детей давали очень скудный паек, но он не дал нам умереть.

Рядом с избой, где нас разместили, стояла колонна немецких шоферов.

Один из них - молодой парень, видимо, сильно скучал по родному дому, поэтому вечерами приходил к нам в избу с кусочком черного хлеба. Садился в уголок, рассматривал нас, улыбался. Уходя всегда говорил: “Angenehme Ruhe” (т. е. “Приятного покоя”).

Я забегу на полвека вперед.

С приходом этого немецкого парня связан один печальный случай, который произошел со мной, когда мне было уже 60 лет.

Соседи по нашей даче завели кур с большим красочным петухом. В 5 утра он загорлопанил, но не “ку-ка-ре-ку-уу”, а по-человечески, слогами “ан-ге-не-ме-ру-уу”. Несколько раз подряд. На следующие дни то же самое.

Задумалась я. Может, с ума схожу?

Поехала к старшей сестре Гале.

Спрашиваю ее: “Ты как ветврач, может, знаешь. Если петух вдруг иностранный, он может петь не “ку-ка-ре-ку-уу”, а по-человечески, слогами?”

Она как-то дико на меня посмотрела: “Ты что? Все петухи по всему земному шару одинаково поют “ку-ка-ре-ку-уу”. А твой чокнутый что ли? По-человечьи запел? Какими такими слогами?” Отвечаю: “Одними и теми же - ан-ге-не-ме-ру-уу”. Сразу Галя сообразила: “Ира, это эхо войны в твоей голове задержалось. Пройдет”. И напонила про того немецкого шофера - молодого парня.

Действительно, прошло. Соседи вскоре съели своих кур и бедного петуха.

Но вернемся опять в прошлое. В начале 1943 года (3 февраля) немцы О.Т. стали сматываться из Рождественно. Погнали нас в Латвию, в город Пибалга на лесопильный завод.

Там поместили узников в деревянные бараки, в которых не было уборной. Все стали ходить в кусты, рядом растущие. В темноте обязательно вляпывались. Но это полбеды. А основная беда была в том, что латышами, на зло русским (я так думаю), бараки были заражены полчищами клопов. На нас не было живого места от их ночных укусов. Даже днем они ползали по стенам, полу и одежде.

Убивай не убивай, численность их не уменьшалась.

Фронт приблизился. Уже отчетливо стала слышна орудийная стрельба. Немцы заторопились. Погнали нас в Либаву, чтобы морем перебраться в Германию. Повезли в каких-то грязных товарных вагонах. За нашим поездом сами же взрывали рельсы. В этих вагонах в Либаве мы находились больше месяца.

Наконец темным вечером немцы решились погрузить нас на грузовой теплоход. А тут как раз бомбардировщики и налетели. Такая бомбежка началась!!!

А мы-то еще на берегу и спрятаться некуда. В темноте, как молнии, сверкали разрывы бомб рядом, всюду. Страшно до жути!

После налета всех, кто остался жив, погрузили навалом на палубу уцелевшего теплохода.

Море волновалось. Как же качало, как же тошнило! Казалось, вот-вот скатимся в море, так сильно теплоход наклонялся набок. Но все-таки доплыли до Данцига.

Впереди еще надо было пережить полтора года концлагеря с диким голодом, тоской и ужасом.

По прибытии нас сразу же погрузили в вагоны и повезли в распределительный лагерь в Schneidemühl (Шнайдемюль).

Сначала там распределили узников по национальностям (русских отдельно).

Затем сортировали по каким-то одним им известным показателям, после чего через неделю повезли на станцию Wilhelmshafen, в санпропускник. Там раздели до гола, обрили и в баню. Одежду прожарили. После этого повезли на север Берлина в проклятый концлагерь Niederschoneweide (Нидершеневайде).

Опять повели в баню. Один небольшой тазик с теплой водой на человека. Помылся и этой же водой ополос-

нулся. Именно в этой бане мы подцепили вшей в одежду и до конца войны не смогли от них отделаться.

Концлагерь был большим, из одноэтажных зеленых бараков с двухярусными нарами. Были бараки для итальянцев, поляков, чехов и так далее. А для русских бараки без удобств, просто как пустые сараи с нарами. Между нар как бы тумбочка, на ней свечка в коробочке (как из-под гуталина) с маленьким фитильком.

Нары очень узкие с жесткой подстилкой и твердой подушкой, тощей, как блин.

Сверху укрывались просаленной дерюгой. Постельного белья, конечно, не было.

Кормили баландой из брюквы и картофельных глазков, а то еще хуже - с картошкой, не очищенной от кожуры. Хлеба, пополам с опилками, давали по 50 г. Иногда давали мушель - это соленые улитки. О них даже вспомнить противно.

Детей, которые еще не работали, отделили от матерей в отдельные бараки. Взрослых в 5 утра громко будили ненавистным криком – “ауфштэйн!” В 6 утра колонна узников должна была начать работу на заводе “Nordbau” - (Нордбау), смена длилась до 18 часов, а с 18.00 до 6.00 утра работали другие узники.

Вокруг бараков шла узкая обводная дорога, по которой каждый день ездила черная машина. Она собирала трупы по баракам и увозила их. Эта машина наводила не столько страх, сколько тошнотворную тоску; соприкасалась душу с вечной черной мглой. Смотришь на нее и тупо затихаешь, как те, что в кузове лежат. Машина была блестящая с низким открытым кузовом.

Однажды стою я у входа в барак и вижу, что по этой дороге старик в полосатой одежде идет, а навстречу

вдруг немец очень высокий из-за угла быстро выскочил (как черт из табакерки) и они чуть ли не лоб в лоб. Оба в сторону прыгнули, но беда - в одну и ту же. Потом в другую сторону и снова в одну и ту же, и опять, как маятник. Старик остановился. Немец тоже, но вынул пистолет и выстрелил в старика. Совсем близко от меня!

Я крепко-крепко зажмурила глаза и сильно сжала зубы, чтобы не так больно было, когда он и мне в голову выстрелит.

Теперь никто не скажет, сколько времени я там простояла и что происходило потом. Дальше память мою словно отрубили.

Но самое тяжелое и страшное воспоминание - как умер мой младший брат. Он был сама доброта.

Я часто плакала беззвучно, слезы сами текли. А Ленечка подходил, сзади обнимал за шею и шептал: "Ира, зачем ты плачешь? Смотри - видишь, я с тобой и не плачу. И ты не плачь". Всегда всех утешал.

Он ведь не знал настоящей еды. Как взрослый, терпеливо ждал конца войны. Говорил, что очень хочет, если не попробовать, то хотя бы посмотреть на вкусные котлеты, о которых мы ему рассказывали. Но не дожил до счастливого дня.

Зимой в бараке очень холодно. Печка железная была, но с торфяными брикетами, тепла мало давала. Ленечка простудился, стал кашлять. А болеть в лагере не дают.

За нами приглядывал русский полицай Гришка. У него был сын, наш ровесник.

Только они жили в другом бараке. Уверена, что Гришка донес на Ленечку.

Врач-итальянец пришел, заставил съесть оранжевую таблетку. Как же Ленечка умолял не давать ему эту таблетку! Обещал, что постарается больше не кашлять.

Заставил! Съел!

Помню Ленечкины глаза, наполненные слезами. Они до сих пор передо мной.

Скоро сильные боли начались. Ленечка стал стонать, потом стал задыхаться. По животу пошли красные полосы.

Он умер.

Утром санитары завернули его рулоном в шершавую бумагу и увезли вместе с другими рулонами на той черной машине 31 января 1945 года.

А 20 апреля 1945 года нас освободил танк из танковой части Красной Армии.

Пока шла подготовка к отправке узников на Родину, нас временно из русского барака перевели в итальянский барак.

Ба! А в этом бараке светло и можно воду вскипятить! Итальянцы за столом ели?! Удивительно. А зачем нам, русским, стол? Мы же для немцев швайне (свиньи). Можем и на коленках миски с баландой держать.

Даже на заводе Nordbau в перерыве на обед все баланду ели в столовой, а русских туда не пускали. Наши бедняги в коридоре сидели с мисками в руках.

Ну все! Мы счастливые, тощие-претощие, слабые-преслабые отправились пешком в далекий путь (100 км) через Польшу на любимую Родину, уверенные в светлом будущем.

Родина нас приняла, но не с распростертыми объятиями.

Как только ступили на родную землю, так сразу маму завербовали в Ленинградскую область, в село Ковшово, на кирпичный завод. Но беда одна не ходит. Очень скоро упали кирпичи маме на ноги. Пока переломы заживали, мама не работала, и мы опять стали сильно голодать. Но голод дома - это не концлагерь. Мы ели липовые листья с деревьев, суп из лебеды. Иногда доставали кусочек жмыха, а он вкуснее шоколада, кое-что в лесу находили. Опять выжили.

Долго нас папа искал. Это теперь есть передача “Жди меня”, а раньше мог помочь только случай.

Папа в Пушкине не смог хоть что-нибудь о нас узнать. Город был, как мертвый. Дом наш на Леонтьевской улице, № 9 уцелел, но стоял весь в дырках от осколков снаряда, и жили в нем уже чужие люди.

Сидит папа на лавочке около своего дома, вспоминает былые времена, слезы вытирает... Ну надо же! Проходит мимо женщина знакомая, с ней папа до войны в Ленинграде во ВНИИЖе работал. Она видела маму, знает, что мы в Ковшово!

Днем и ночью папа шел через лес. Чуть болото его не засосало. Но дошел. Утром постучал в нашу хибару. Такие встречи только в кино показывают.

Увез нас папа в город Приозерск. Завели хозяйство - 12 коз. Много черники в лесу ели и встали на ноги.

Хорошо жить на родной земле!

Ах, если бы не концлагерь, который пятном лег на наши автобиографии. Какая несправедливость!

Старшая моя сестра не имела права, как все, поступить в Судостроительный техникум в Ленинграде. Именно ей, отличнице, отказали в поступлении из-за этого “пятна”.

Теперь восстановлена правда жизни.

Спасибо тем, кто с теплым вниманием и даже почетом относится к бывшим узникам фашизма.

Как ни старались фашисты, не сломали наши детские души. Мы стали хорошими людьми, настоящими патриотами своей любимой Родины!!!

Старшая сестра Галина - ветврач, Ляля (Елена) - инженер-строитель, я - химик-технолог.

Есть у нас и родной брат Станислав (родился после войны). Он - музыкант.

Очень жалко нашу маму - Снарскую Анну Михайловну. Умерла она в 68 лет от обширного инфаркта.

Город Пушкин теперь воссоединился с Ленинградом (Санкт-Петербургом) в одно целое и стал его районом с названием "Царское село".

ДЛЯ ПАПЫ (1977 ГОД)

*...К жизни твоей
Часто смерть прикасалась.
Ужас войны
Людям души терзал.
Кровью погибших
Земля пропиталась.
Каждый, кто мог,
На защиту вставал.
Будет фашистам
За это расплата.
В траурном горе
Была вся страна...*

*Больно мне думать
Про младшего брата,
Умер в концлагере
Он..., а не я.
Очень хотелось
Дожить до Победы,
Чтобы вернуться
В родную страну.
Боже! Фашистам
Пошли наши беды.
Как ненавижу
Я их и войну.*

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

ДЕТИ - УЗНИКИ КОНЦЛАГЕРЕЙ

**ЧТО МЫ
ЗНАЕМ
ОБ ЭТИХ
ДЕТЯХ?**

**ИХ СЖИГАЛИ ЗА ЖИВО В КРЕМАТОРИЯХ
МОРИЛИ ГОЛОДОМ**

**АННА ПЕТРОВНА
БУЛАНЦЕВА**

**ДЕТИ ЗА КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ**

Я родилась в феврале 1939 года в деревне Клинцы Калужской области. Когда началась война, отец в первые же дни ушел на фронт. Осенью 1941 года вместе с отступающими частями Красной Армии ушел воевать с фашистами старший семнадцатилетний брат.

В октябре немцы оккупировали нашу деревню, вели себя по-хозяйски: отбирали скот, имущество, продовольствие, людей выгоняли из домов.

В 1942 году наши войска, после победы под Москвой, погнали врага назад. Отступая, фашисты начали особенно зверствовать.

Через нашу деревню проходила передовая линия фронта. Чтобы местное население не смогло помогать партизанам и не совершало никаких диверсий против немцев, все оставшееся население загнали в кол-

хозный подвал. В этом подвале держали зимой ульи с пчелами.

Нас у мамы было пятеро детей: брат (10 лет), сестра (6 лет), 4-месячная сестра, я и моя двойняшка (3 года). Мой рассказ основан на воспоминаниях мамы и брата. Целый месяц нас держали в этом подвале, сыром и очень холодном. Все это время шли активные боевые действия, поэтому было очень много убитых - и наших, и немцев. Каждое утро стариков и женщин гоняли долбить мерзлую землю для захоронения вражеских трупов. Выгоняли население и на расчистку дорог. В подвале была невыносимо ужасная обстановка. Воду подавали по железному желобу, еда была только та, что сумели прихватить с собой. Через некоторое время начались голод и болезни.

28 февраля 1942 года в 7 часов утра немцы открыли подвал и велели всем поголовно с вещами выходить на улицу. Объявили, что будет длительный переход и предупредили: в случае отставания в дороге будут расстреливать на месте.

Пешком в 40-градусный мороз, преодолевая метровые сугробы, фашисты гнали людей, как скот. Тех, кто выбивался из сил и не мог идти, расстреливали на месте без сожаления, на виду у всех - для устрашения. И так нас гнали пешком 60 км до станции Судимир Брянской области. Здесь погрузили в товарные вагоны и повезли в Брянск, в лагерь-распределитель. Мы ехали в Брянск не более суток, но в холодных промозглых вагонах много людей умерло. При нашей выгрузке было много трупов - уставшие во время пешего перехода люди засыпали и во сне умирали.

В лагере кормили плохо (если это можно было назвать едой): дважды в день давали баланду и 100 граммов хлеба с опилками. В бараке свирепствовали инфекционные болезни: тиф, дизентерия, чесотка и другие заболевания. В этом аду мы прожили 3 месяца. Здесь умерла моя сестра-двойняшка.

В конце мая всех оставшихся в живых погрузили в товарные вагоны и повезли в Белоруссию. В городе Слоним высадили и разместили в тюремном бараке, где вместе с нами насчитывалось более тысячи человек. Нар для всех не хватало, размещались кто как мог. Кормили так же: баланда и 100 граммов эрзац-хлеба. Взрослых женщин и стариков отправляли на работы. Часто всех выгоняли из барачков и рядами гнали на площадь, чтобы пленники видели, как расстреливают евреев.

Однажды нас погнали за город, где снова мы увидели колону евреев. Их загнали в амбар и подожгли со всех сторон. От этого ужаса, от жутких криков многие теряли сознание. После этого адского представления немец через переводчика пригрозил, что за любое неповиновение с нами будут поступать таже. Было очень страшно! Всех вернули снова в барак. В этом бараке умерла моя младшая сестренка от дизентерии.

Через некоторое время нас перегнали в окрестности города Слоним и разместили в трехэтажном здании, в котором не было ни окон, ни дверей, а лишь провалы в стенах. Лагерь был обнесен колючей проволокой и охранялся немецкими часовыми. Здесь также свирепствовал тиф и другие болезни. От тифа умерла моя третья сестра.

В этом лагере нас держали до декабря 1943 года. Около половины узников остались там навечно.

В середине декабря 1943 года нас перегнали в село Козино, а потом в местечко Бытень. Здесь условия оказались получше: была крыша над головой и стекла в окнах. Охрану нашего барака передали в жандармское управление. Стало немного легче. Нам стали разрешать ходить по хуторам, иногда матери удавалось подработать у каких-нибудь хозяев на ферме или в поле. За это ей давали муки и хлеба. Мы с братом ходили побирались, просили милостыню. Нам иногда что-то подавали.

Летом 1944 года нас освободила от фашистов Красная Армия - в августе мы вернулись в свою сожженную, разоренную родную деревню. Поселились в землянках. Вся местность вокруг деревни была заминирована. Многие выжившие в страшной войне погибали, подорвавшись на минах на родной земле. Вскоре в нашем районе и других соседних приступили к работе саперные части по разминированию дорог, полей, лесов.

За годы немецкого плена мама похоронила трех малолетних дочерей. Из плена домой вернулись с мамой я и мой брат. Старший брат, который ушел на фронт подростком, погиб 29 апреля 1945 года в Восточной Пруссии, в городе Пиллау (ныне город Балтийск Калининградской области), не дожив до Победы 10 дней. Отец вернулся с войны, был ранен.

В деревню не вернулись многие жители довоенного времени. Люди потеряли свои дома, имущество, но приобрели свободу. Началась новая жизнь с трудностями и невзгодами, но это была свободная жизнь на родной земле.

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ ВАГИН

СОБЫТИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Родился я в августе 1931 года в Краматорске Украинской ССР. Впоследствии наша семья: мама, папа, младший брат и я переехали жить в Тбилиси, но бабушка каждое лето забирала меня к себе в Краматорск. Бабушка, Анна Павловна, дедушка, Порфирий Николаевич, и тетя, Наталья Павловна, жили в большом собственном доме. При доме был небольшой садик, где росли плодовые деревья, кусты сирени и роз.

Каникулы шли своим чередом. Бабушка усиленно кормила меня всякими вкусными блюдами. Лето продолжалось, но в воздухе носились тревожные слухи. 22 июня началась война. Через две недели в город прибыли беженцы. К нам тоже привели женщину с мальчиком моего возраста. Наши войска отступали. Из Тбилиси пришла телеграмма о смерти отца. Это была первая трагическая потеря в нашей семье. Начались сложности с продуктами, углем, керосином, ведь приближалась зима. Далеко слышался гул артиллерийских орудий. Иногда в небе появлялись самолеты-разведчики. В народе их называли "рама". Через некоторое время на улицах появились немецкие солдаты, танки, броневики и другая техника. Зазвучала лающая немецкая речь. На всех видных местах появились наклеенные листы, где были напечатаны законы нового порядка. По улицам стали ходить жандармы с большими бляхами на груди.

К нам поселили двух солдат-мостостроителей. Однажды один из них стал объяснять бабушке, что дедушка должен взять мешок, санки и идти с ними. Они ушли. Мы решили, что дед уже не вернется. Но спустя некоторое время мы увидели неожиданную картину: дед на санках вез большой мешок, в котором бабушка нашла подгорелую пшеницу с разбомбленного элеватора. Будучи семейным человеком, немец понимал, как трудно нам вскоре придется с продовольствием.

Жизнь в оккупации - это непреходящее чувство близкой опасности, постоянная напряженность и ожидание чего-то плохого. Наступила зима с необычно сильными морозами, достигавшими 30 градусов. Все хуже и хуже становилось добывать продукты. Тетя Наташа брала носильные вещи и ходила менять их в соседние деревни на картошку или кукурузу. Бабушка через знакомых в магазинах "Торгсин" меняла на муку ювелирные изделия из золота. Принимали на вес, платили натурой - мукой маслом, сахаром.

Деда вызвали на завод и приказали приступить к работе в транспортном цехе. Машиностроительный за-

вод, находившийся недалеко от нашего дома, немцы использовали для ремонта техники. Пришла повестка и тете Наташе - работать машинисткой в городской управе. Вошли в оборот оккупационные марки. Война затягивалась. Расчет немцев на блицкриг не оправдался. Они все больше ужесточали режим поведения граждан в условиях войны.

Неожиданно Красная Армия с боями прорвалась в наш город. В феврале 1942 года после длительного боя немцы отступили. Линия фронта проходила прямо по городу, по правому, высокому берегу речки Торец. Перестрелка шла все время. Наш дом спасала высокая (более двух метров) заводская стена. А в доме жили красноармейцы. Одни приходили с передовой на отдых, другие уходили на боевые позиции. Спали во всех комнатах вповалку. Бабушка целыми днями стояла у плиты, готовила еду и грела чай. Рядом сидели или спали солдаты, чистили оружие. В это время на улице было очень холодно. Раненых приносили прямо в дом, наскоро обрабатывали рану и увозили в медсанбат. Грохот от взрывов снарядов, стрельбы пушек, автоматных очередей стоял жуткий.

Через неделю наши войска вынуждены были отступить. И опять начался период оккупации. Немцы стали более жестокими, злыми и беспощадными. Еще труднее стало добывать продукты. Появились вши - первый признак неблагополучия и истощения. Каратели ходили по домам и проводили обыски - искали партизан и подпольщиков. При малейшем подозрении людей расстреливали.

Однажды в наш двор въехали две огромные фуры. Немцы настелили на ступеньки дома доски и стали в квартиру заводить шесть огромных, ломовых лошадей. Спасибо строителям, положившим столь надежные доски, которые выдержали такую нагрузку. Лошади об-

грызли подоконники, дверь, стучали громко копытами. Запах конюшни сохранялся долгие годы.

Наступил 1943 год. Борьба за существование продолжалась. Люди для еды использовали все, что казалось съедобным. Ощущение голода было постоянным. Особенно страдал дедушка, любивший хорошо поесть, но переносил он невзгоды стойко и терпеливо.

Опять стала доноситься канонада. Наступали наши войска. Немцы стали готовить вывоз станков с заводов и обязали всех работавших на них под страхом уничтожения сопровождать оборудование. Однажды по улицам поехали мотоциклисты с факелами, а следом за ними - жандармы. Факельщики подъезжали к домам и, разбив окна, бросали внутрь горящие факелы. Начались пожары. Патруль сгонял жителей к вокзалу. Погнали и нас, погрузили в теплушки вместе со станками и повезли в Германию.

Я до сих пор не могу понять, для чего немцы отправляли сотни тысяч наших людей к себе в тыл. Работали они там плохо, полуголодные, истощенные, ненавидящие своих поработителей. Видимо, был выгоден бесплатный, рабский труд. Сказывалась и привычка пунктуально выполнять задания свыше - использовать для подъема промышленности представителей "низшей" расы, то есть славян.

Так мы оказались в лагере для восточных рабочих в Рурской промышленной области Германии. Лагерь находился на окраине небольшого городка Штерграда. На свалке неподалеку что-то горело, от чего распространялся такой отвратительный запах, что он меня преследует до сих пор. В болотистой местности три ряда колючей проволоки опоясывали площадку, на которой стояло большое строение, находилась охрана и служебные собаки. В бараках площадь делилась на купе и нары

в два яруса. Купе отделялись друг от друга фанерными листами. В отдельном бараке располагались столовая и медпункт. По соседству с нашим лагерем находились еще два лагеря с военнопленными американской, английской и французской армий. Нам выдали спецовки с нашивками "ОСТ" (остарбайтер - восточный рабочий). Деда определили рыть котлован для бомбоубежища, тетя Наташа стала работать на заводе, бабушка - в швейной мастерской. Я попал в группу учеников слесарей. Рабочий день у взрослых длился 12 часов, у подростков - 8 часов. На работу нас водили пожилые мужчины в гражданской одежде, но со знаками свастики на рукаве. Они обычно ехали на велосипеде, а мы почти бежали. Так прошло несколько месяцев. Однажды ко мне подошел мастер и, повернувшись так, чтобы никто не видел, сунул в карман сверток и ушел. Потом, когда я развернул сверток, увидел бутерброд - два кусочка хлеба, намазанных маслом. Но съесть эти бутерброды удалось только ночью, укрывшись одеялом. Иначе отняли бы соседи. Уже прошло много лет, но я до сих пор помню этого человека и его участие в моей жизни. На обед в заводской столовой давали жидкий суп из кольраби или брюквы и кусочек хлеба. Чувство голода было постоянным. Дедушка притуплял голод водой, отчего стал опухать. Вскоре он скончался. Похоронили его на кладбище в соседнем городке.

В ночь на новый 1944 год завывали сирены, по небу забегали прожектора, в свете которых стали видны "стаи" самолетов. От взрывов бомб вздрагивала земля, казалось, что скоро лопнут барабанные перепонки. Мы сидели, прижавшись друг к другу, в траншеях. Не стало барраков, пылали дома в городке, охрана сгоняла людей в одно место. Налеты следовали один за другим. На сле-

дующий день немецкие мальчишки к некоторым станкам поставили флажки с черными ленточками на тех верстаках, хозяева которых погибли. Оказывается, отряды гитлерюгенда (юных гитлеровцев) дежурили во время налетов на крышах домов. Многие погибли.

Меня стали обучать токарному делу прямо в цехе. Подойдет мастер, посмотрит на работу и если что-то не так - хлестанет по спине резиновым шлангом и смотрит, какова реакция. После этого начинаешь соображать быстрее. Налеты авиации продолжались, однажды мы укрылись за стеной госпиталя, размещенного в монастыре. Бомба попала в штабель трупов. Во все стороны полетели части тел. Всех нас охватил ужас. Потом долго преследовала меня картина этого эпизода войны.

В апреле 1945 года нам объявили, что будут перевозить в центральную часть Германии. Везли в теплушках мимо Эссена и других городов, которые представляли собой руины. Но местность была очень красивой. Привезли на фарфоровый завод. Снова - бараки и колючая проволока, только собак не было. Охраняли старики. Эсэсовцев поблизости тоже не наблюдалось, отчего на душе стало легче. Поползли слухи, что американцы уже близко. Однажды утром на проходной остарбайтеры напали на охранников, которые быстро побежали в разные стороны. Это означало конец неволе. Разъяренные люди словно опьянели. Толпа вырвалась за пределы лагеря и пошла в сторону городка. Начались грабежи. Разгром продолжался сутки. Затем пришли американские войска. Они привезли в лагерь хорошую еду, но пригрозили, что за мародерство будут наказывать по законам военного времени.

Американские солдаты патрулировали дорогу в город, где разместилась комендатура. Однажды они с го-

речью объявили, что умер президент Рузвельт и что лагерь расформировывается. Желающие могут остаться в американской зоне, остальные будут отправлены в советский сектор. В течение нескольких дней пришла колонна автомашин - студебеккеров. Нас перевезли в советскую зону оккупации Германии. Здесь, в лагере-фильтре, мы два месяца проходили проверку. После получения разрешения на выезд нас в вагонах-теплушках отправили домой.

Непередаваемое чувство освобождения овладело нами! До конца трудно было поверить в это счастье! В Краматорске дом бабушке вернули, но пока он был занят жильцами. Мы на время уехали в Славянск к родственнице. Вскоре за мной приехала мама, я уехал в Тбилиси, где оставался младший брат. Так получилось, что мои каникулы длились четыре года.

Сейчас, вспоминая эти годы, я понимаю, что надо благодарить Бога и Судьбу за то, что остался жив и невредим. В советские времена прошлое в неволе следовало забыть и никогда не вспоминать: оно было клеймом на биографии. К счастью, произошедшие перемены в истории нашего государства многое расставили по своим местам. Думаю, не один я с чувством понятного облегчения избавился от этого неприятного ощущения без вины виноватого.

Моя автобиография была в несколько расширенном варианте опубликована в журнале "Москва" в апреле 2005 года, стр. 176 - 182.

Коротко отмечу, что в 1956 году я окончил МНИ им. И.М. Губкина. В настоящее время доктор технических наук, автор 150 научных работ, заслуженный геолог СССР.

АЛЬДОНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛЫНСКАЯ

ЦЕНА ПОБЕГА

Я родилась 17 апреля 1926 года в Белоруссии, в городе Минске. Мой отец работал редактором газеты “Звезда”. В 1928 году он был отозван в Москву, где стал референтом по делам Литвы при ЦК КПСС.

В 1938 году отца арестовали. Как записано в его “расстрельном деле”, он был расстрелян за заявление: “Я признаю себя виновным в том, что поздно понял: в нашей стране нет выборности и демократии”.

Вскоре арестовали и мою маму. А меня, двенадцатилетнюю девочку, отправили сначала в Даниловский детоприемник, а через некоторое время оттуда направили на Украину, в детдом “Березки”. Он был предназначен для детей репрессированных родителей. Осенью он был расформирован и детей направили по разным детдомам Украины. 38 человек, среди которых была и я, попали в детский дом № 1, находившийся в городе Новоукраинка Кировоградской области.

Условия там были ужасными: холод, голод, вши и бесконечные упреки в том, что мы дети врагов народа. Когда началась война, все детдомовцы были в пионерском лагере, недалеко от города Новоукраинка, который очень скоро оккупировали немцы. Рабочий персонал разбежался вместе с директором детдома. С нами осталась только пожилая завуч Раиса Антоновна Шадурская. Она собрала старших детей и сказала: “Войны начинаются и кончаются, а малышам предстоит жить и после войны, и вы, старшие, должны помочь им выжить”. Младших де-

тей было около четырехсот, а моего возраста - около 40 человек, и всех надо накормить. Поэтому мы активно начали помогать взрослым на уборке урожая и заработали всем на хлеб. Голод в лагере отступил. Вернувшись в город, в детдом, мы сразу распределили обязанности. Подростки на подсобных работах: убирали на кухне, стригли малышей, шили одежду. Я с подругами работала в прачечной, где мы вручную, без мыла, стирали одежду четырехсот детей. Вшей мы вывели. Старшие детдомовцы отремонтировали наши глинобитные дома. Однажды вечером мы услышали крики: "Пленных везут!" Все выскочили на улицу и увидели большую колонну наших военнопленных. Рядом с детдомом протекала речка, и пленные, измученные жаждой, вдруг кинулись пить воду из реки. Автоматчики боялись, что пленные разбегутся, и стали в них стрелять. Выстрелами им удалось опять собрать пленных в колонну и повести несчастных дальше - в лагерь "Адабаш". А у реки так и остались лежать застреленные военнопленные.

В 1942 году старших детей стали отправлять в Германию. Меня отправили во второй партии в конце 1942 года. До Кировограда мы шли пешком. Оттуда в товарных вагонах нас повезли на запад до города Губен. Там отобрали 12 человек, в том числе и меня, и "продали" на бирже труда, при этом ощупывали и осматривали как рабов. Я попала на фирму "Каттнер", где приходилось выполнять любые работы, даже разгружать машины и носить очень тяжелые мешки. В этом небольшом городке все наши соотечественники носили нашивки со знаком OST. И мы на фирме Каттнер носили такие же нашивки.

В 1943 году я и еще две девочки, Эльвира Юян и Леля Орлова, сбежали с предприятия. Главной причиной побега была дерзость Лели, она ударила свою хозяйку. Мы

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

хотели добраться до Берлина. Несколько дней жили в подземных переходах вокзала, но потом решили поехать дальше. На границе с Россией, на станции Тшебень, нас арестовали. Мы знали, что наших детдомовцев отправляли в Кельн, поэтому при опросе говорили, что убежали из Кельна, испугавшись бомбежек. Нас отправили назад в Кельн, но уже как сбежавших, в тюремных вагонах. Во время поездки днем садиться не разрешалось. Надзиратели через окошко постоянно следили за нами. Нас заставляли мыть мылом и щетками унитазы в туалетах, там же потом мы и сами мылись и стирали белье. Кормили нас только на остановках и только в тюрьмах, где держали нас некоторое время. Давали по тарелке горячей, но гнилой брюквы. Мы были настолько голодны, что и это ели с радостью. Одежда наша превратилась в лохмотья. Путь этот длился год и два месяца. Наконец, нас довели до Кельна и поместили в женский лагерь Марктплац. Вскоре после очередной бомбежки из разрушенного лагеря нас перевели в другой пересыльный гестаповский. Ночью невозможно было спать, мы все время слышали крики и стоны мужчин, которых пытали. Допра-

шивали и нас. Я была больна ангиной, плохо соображала, поэтому на все вопросы, соглашаясь, кивала. Мои подружки закричали: “Не слушайте ее, она же глупая!” Так они спасли мне жизнь, за что я им благодарна. Так как в городе была нехватка рабочей силы, нас заставляли расчищать завалы после бомбежек, вытаскивать из завалов раненных. Однажды разбомбили лагерь гестапо. Это случилось, когда мы были на работе. Уцелевшие от бомбежки потом рассказывали, как старый начальник лагеря сам спасал раненых заключенных и перевязывал им раны. В дальнейшем он спрашивал нас, где бы мы хотели работать. Изголодавшиеся, мы закричали: “На кухне”. Нас отправили на аэродром. Там хорошо кормили, но были сильные бомбежки. Авианалеты устраивали американцы и англичане. Многие из наших девушек тогда погибли.

Весной 45-го немцы покинули аэродром. Мы с подругами остались жить в неразрушенных помещениях до прихода американцев. Затем нас перевезли с аэродрома в пустующую квартиру на окраину Кельна. До конца войны мы работали в женском монастыре, который находился недалеко от квартиры. После освобождения мы захотели вернуться на Родину. Нас посадили в вагоны и привезли в город Магдебург. В пересыльном лагере попросили поработать в воинской части писарями и секретарями. Потом мы узнали, что этот лагерь подчинялся МГБ. Примерно через полгода предложили активнее образовывать семейные пары которые через год отправляли на родину, одинокие же оставались еще на год. Ну а меня посадили в тюрьму за сокрытие правды об аресте родителей в 1938 году. В 1947-м освободили, и я уехала в Белоруссию, где жила моя мать, вернувшая-

ся из советского плена. Потом я училась, всю жизнь работала учителем в школах на Сахалине, в Ленинграде и в Москве.

В 1990 году в газете “Правда” напечатали небольшую статью “Где вы, товарищ Плотникова”. Там был указан адрес для связи с правительством города Кельна людей, работавших в этом городе в годы войны. Мне очень хотелось повидать те места, и я откликнулась на предложение побывать в Кельне. Я по памяти нарисовала грубую карту-схему мест, где меня содержали, и отправила в Германию. Через месяц я получила приглашение бургомистра Кельна с оплаченными в оба конца билетами на самолет. Мне пришлось преодолеть множество препятствий для оформления визы и обмена денег. Когда все препоны были устранены, группа из 30 человек вылетела в Германию. Власти Кельна разместили нас в хорошей гостинице, организовали встречу с вице-президентом парламента. Мы возложили венки на могилы наших соотечественников на русском кладбище. Во время поездки вспоминалось все остро, четко, с болью в сердце. Многие ночи стали бессонными от нахлынувших чувств. Я заново пережила все, что было с нами. В Кельне нам выдали справки о пребывании в Германии в годы войны, и по приезде в Москву я получила удостоверение бывшего узника фашизма.

В Москве активно включилась в работу по формированию “Общества бывших несовершеннолетних узников фашизма”. Оно было зарегистрировано в 1994 году. За активную, плодотворную работу по патриотическому воспитанию молодежи была награждена почетными грамотами и различными знаками.

РАИСА ВИКТОРОВНА ГАВРИЛЕНКОВА

О МОЕЙ МАМЕ

Родилась я 12 июня 1941 года. Отца призвали в армию, а 22 июня объявили: Германия без объявления войны напала на СССР.

Мама в августе 1941 года поехала к родственникам в Смоленскую область, где и попала в самое пекло. Когда закончился весь собранный урожай и местный скот, немцы стали готовиться для продвижения дальше. Выгнали нас в марте 1942 года из домов. Только отошли на дорогу, все деревни - наша Высокое, Буда, Холелевка, Усты - были взорваны. Гнали по насту, днем в марте грело солнце, чувствовалась весна, снег таял, а ночью - сильный мороз. Люди проваливались по пояс в холодную воду, от холода и голода, от перенесенного тифа болели почти все в деревне Высокое, люди еле-еле тащили ноги. Споткнувшихся детей тут же расстреливали и затапывали. Меня, больную тифом, семимесячную, полуживую, бабушка привязала к голому телу, к груди. Мама надеялась, что я выживу. Гнали долго, без отдыха, немцы менялись, грелись в машинах-теплушках. Мы же, окруженные собаками и до зу-

бов вооруженными фашистами, не ели, не пили и не отдыхали, нас гнали, как скот, кто спотыкался, тех тут же расстреливали.

В одной из деревень остановились на ночевку. Хозяйка дома, увидев мою маму и меня с примерзшими пеленками к спине, пустила на печь.

Мама боялась оторвать пеленки вместе с кожей. Когда пеленки подтаяли, отогревшись, я открыла глаза и в первый раз за две недели взяла грудь. С тех пор пошла я на поправку.

Привели нас в Брянск, в концлагерь-распределитель. Одиноких девушек и женщин грузили в скотные вагоны для отправки в Германию, с детьми - в Урицкий-142.

Сначала нас поместили за колючую проволоку в чистом поле. Военнопленных разместили в железнодорожных мастерских - высоком, сбитом из досок строении. Соорудили нары, и на них лежали наши военные - раненые, больные тифом. Им не оказывали медпомощи, в здании стоял запах крови, гниения. С дикими криками и стонами они почти все здесь и погибли.

За проволокой мы провели год, выкопали руками ямы и накрывались бабушкиным тулупом. От голода многие дети умирали. Более или менее здоровых гоняли на сельскохозяйственные работы, а мы объели всю траву и корни, земля была голой. Рвали траву и за проволокой, насколько доставала детская рука. Гришонов Алексей (ему было 10-12 лет) задел за проволоку и был обстрелян автоматной очередью. Оторвало пальцы на руках, осколок попал в глаз, так он потом и прожил всю жизнь, работал трактористом, учителем труда в Высокской школе.

В Урицком были машины-душегубки, загружали в них раненых, больных и ненужных, пускали газ, довозили до болот и выгружали уже трупы. Урицкие болота были красными от крови. Братские могилы в Урицком по 5000, 3000, 2000, 1000 человек, страшно представить. Из 1500 человек из деревни Высокое вернулось 300 человек.

И все узники сильные духом!

Пусть погибшим будет земля пухом!

Тем, кто выжил, поклон до земли!

Мне снилось детство - мой печальный дом,

Колючий куст, заглохший водоем...

Мне снилась Родина, тиф сыпной...

И Брянск-Урицкий - сто сорок второй...

Был вечер, ночь и умирала мать,

Зачем? Во снах мне детство вспоминать!

После войны мы приехали в Москву, я училась в техникуме легкой промышленности, работала в ателье.

После рождения второй дочери работала в детском саду воспитателем, поступила в МГПИ им. Ленина, работала учителем в школе и во многих госструктурах. Инвалид первой группы, узник, почетный ветеран войны, ветеран труда. Самое большое богатство в этой жизни - две дочери и две внучки. Продолжаю заниматься общественной работой, много лет занимаю должность председателя Общества бывших несовершеннолетних узников фашизма района Черемушки ЮЗАО города Москвы. Имею правительственные награды. В школах провожу уроки мужества, линейки, посвященные Дню Победы 9 Мая.

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

Стараюсь воспитывать в младшем поколении чувство патриотизма и любви к Родине, нашей великой России. На уроках мужества рассказываю правду о Великой Отечественной войне, потому что мы, узники, являемся свидетелями зверств фашистов. Нас травили собаками, избивали прикладами автоматов, морили голодом, испытывали на нас лекарства, забирали нашу кровь. 11 миллионов детей прошли через концлагеря и другие места лишений, 6 миллионов погибло.

*Люблю свою страну,
Великую Россию,
Своих родных, свои устои,
Во мне звенит фамильная струна,
Горит, как факел, сердце на ладони,
Хочу оставить след для внуков на века!*

Через тяжчайшие испытания, каких еще не выпадало на долю никому, сквозь огонь и кровь небывалых по масштабу боев пришел советский народ к своей Великой Победе.

Я хочу написать об освобождении Белоруссии, потому что в этих боях участвовал мой отец, Ивашкин Виктор Алексеевич.

**В ФАШИСТСКИХ
КОНЦЛАГЕРЯХ
СОДЕРЖАЛОСЬ БОЛЕЕ
20 000 000 ЧЕЛОВЕК
ИЗ 30 СТРАН МИРА**

Освобождение Белоруссии началось и проходило в условиях, когда фашистская Германия все еще оставалась сильным, опасным противником.

Отец был ранен в 1944 году, в августе, и от ран, не совместимых с жизнью, умер. Это стихотворение я посвящаю ему.

*В двадцать три года лег ты в могилу
В страшной битве за Беларусь.
И не знал ты, родной, мой любимый,
Что я рядом, в Урицком, с семьей нахожусь.*

*Я знаю, где ты похоронен,
От любимого дома вдали.
Над тобою береза ветвей не наклонит,
Там лишь горькие травы взошли...*

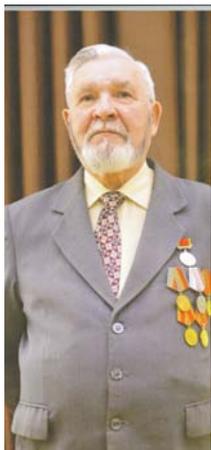
*Безымянна солдатская слава,
Но я верю в отца своего.
И, мне кажется, шепчут деревья и травы:
"Виктор" - победное имя его.*

*Пусть на свете немного он прожил,
Знаю, честным он был до конца.
На отца, говорят, я похожа,
Я хочу быть достойной отца!*

В бой шел и стар и мал по велению сердца. Праздник Победы... День воспоминаний и размышлений, радостного ликования, святой печали по ушедшим, отдавшим жизнь за Родину, заплатившим за Победу самым дорогим, что у них было. Всем им вечная память!

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ГАПОНОВ ДОРОГИ ДЕТСТВА

Я родился в деревне Иванково Калужской области в 1931 году. Когда мне было 6 лет, семья переехала на постоянное место жительства в город Жиздра, расположенный в шести километрах от нашей деревни. Нам, ребятам, неплохо жилось в городе возле реки, в которой можно было сутками купаться, ловить угрей, раков (тогда они еще водились). Сразу за городом простирался лес, который дарил нам грибы, орехи и ягоды.

22 июня 1941 года началась война. Все мужское население ушло на фронт, остались только старики, инвалиды и подростки. Фашисты наступали очень быстро, и 6 октября, после ожесточенных боев, город Жиздра был взят оккупантами. По улицам покатались крытые тентами машины, танки, мотоциклы. Куцые лошади-битюги тащили тяжелые крытые фуры.

Самодовольные, громкоголосые немецкие солдаты с первых часов оккупации начали хозяйничать. Они ловили кур, гусей, резали свиней, телят. В первый же

день и к нам в дом вошел немец с автоматом, висящим на шее, и гранатой, торчащей из-за голенища сапога. Ни с того и ни с сего дал мне пощечину. Я заплакал, а он стал требовать продовольствия, обыскивая столы и полки. Нашел банку с медом, влез в нее грязным пальцем, попробовал, затем банку сунул в карман. Уходя, прихватил еще и мамин красивый платок.

Вскоре всех жителей города согнали на площадь для выбора бургомистра. Бывшие кулаки предложили кандидатуру главного врача больницы. От страха и под нажимом немецкого офицера все проголосовали “за”. Неожиданно раздалась автоматная очередь в воздух, и офицер в черной гестаповской форме на ломаном русском языке велел на следующий день явиться в комендатуру большевикам и евреям.

Осень 1941 года была дождливой и холодной. По размокшим и грязным дорогам города гнали разутых, раздетых, голодных наших военнопленных. Они шли медленно, поддерживая раненых и ослабевших товарищей, ибо упавших охранники тут же пристреливали.

Взрослые и мы, дети, помогали военнопленным, делясь своим скудным питанием. У нас была вареная картошка, соленые огурцы, морковь и хлеб. Немецкое командование разместило раненых солдат в сараях и подвалах на улице Володарского. Мы им носили бинты, рубашки, а грязное белье уносили матерям для стирки.

Тогда еще разрешалось выкупать раненых и забирать их домой. Многие жительницы деревень так и делали, спасая жизни пленных, но большинство из них ушли в лес, чтобы воссоединиться с частями Красной Армии.

Недалеко от Жиздры находились лагеря для военнопленных (в Улемле и Мурачевке). Рано утром выгоняли

их на уборку опавшей листвы осенью, а зимой - на расчистку дорог от снега. Но в основном пленные работали на строительстве грунтовой дороги Жиздра - Букань, занимались также лесоповалом вдоль железной дороги Сухиничи - Судимир, на расстоянии 50 м от рельсов. Уж очень они боялись партизан и таким образом хотели защитить железную дорогу от них.

Вскоре по городу были развешаны объявления о запретах. Каждый пункт оканчивался угрозой расстрела. Нужно было соблюдать светомаскировку, не ходить по улицам после семи часов вечера; запрещались любые собрания и сходки без разрешения властей. Агитирующих против немецкого командования приказано расстреливать на месте. Холодные осенние ночи часто освещались автоматными очередями. Убивали тех, кто не выполнил приказ. Потом заставляли женщин и нас, подростков, закапывать трупы.

В конце ноября были морозы до 40°C, птицы на лету замерзали, а несчастных евреев с желтыми "звездами Давида" на груди и на спине заставляли в такой холод копать могильные ямы возле собора Александра Невского для захоронения погибших офицеров гитлеровской армии. Целый день раздавался звон от ломов и кирок. Всех копавших потом расстреляли.

После поражения немцев под Москвой оккупанты еще больше ожесточились. Молодого парня Николая Пиленкова за прослушивания радиопередачи из Москвы посадили в местную тюрьму и приставили к нему палача-предателя Ивана Глухова. Тот избивал Николая до потери сознания в присутствии родителей (их принудили смотреть на пытки), требовал назвать имена и фамилии пособников партизан и подпольщиков. Орал на всю тюрьму: "Заговоришь,

сталинский ублюдок!” В ярости бил его кастетом по голове и ногами в живот.

Полуживого Николая притащили на площадь собора Александра Невского, куда согнали все население города. Перед смертью он крикнул: “Прощайте, родные! Прощайте, товарищи! Бейте холуев и предателей! Бейте фашистов!” Полицейский выбил из-под его ног табуретку.

Тело Николая долго висело на суку березы, видимо, для устрашения населения.

По немецкому закону нельзя было курить молодым до возраста 21 года, поэтому безжалостно фашисты расстреляли в декабре на льду речки Жиздры всю семью Миловановых: и дедушку, и бабушку, и отца с матерью, и сына-подростка с его товарищами за то, что те курили папиросы.

В 1941-1942 годах зимы были очень холодными и снежными. Женщин и нас, подростков, полицейские гоняли на рассвете расчищать дороги от снега для прохода техники на восток к Букани и Кротовой горе. Немцы ходили по домам и отбирали теплые вещи, прямо на улицах раздевали и разували людей. Русский холод просто терроризировал “непобедимую” армию фюрера.

В июне-июле 1943 года началось наступление Красной Армии по всему фронту. Жестокие бои шли за каждую деревню. Немцы решили все население района и города вывезти на запад. Причем подростков силой забрали у родителей и поездом увезли в рабство. А нашу партию подростков 12-14 лет погнали пешком под конвоем охранников с собаками. С трудом мы дошли до Улемля, где остановились в лагере, огороженном колючей проволокой, для ночлега. Здесь собирали со всего района таких же подростков, как и мы. Через несколько

дней нас длинной колонной погнали в сторону Бежицы до концлагеря возле железнодорожного вокзала. Кормили очень плохо.

В концлагере у нас, детей, взяли кровь для спасения жизни командного состава фашистской армии. Нам дали несколько дней передышки, так как мы сильно ослабли, и потом погнали в сторону Брянска. У меня пятки горели от длительной ходьбы, а плечи ныли от лямок мешочка со сменной одеждой. Впереди нас ждали лагеря с баландой и холодными ночами в сараях или брошенных избах.

Мы все в нашей группе держались вместе. До сих пор помню имена наших девочек: Валю Орлову и Катю Фетисову. В сарае, где мы ночевали, прямо на моих глазах умер мой лучший друг Иван. Утром умерших похоронили возле сарая.

А дальше под крики: “Руссе! Шнэль! Швайн!” нас погнали в сторону Гомеля через Трубчевск, Новозыбков, Погару, Стародуб. Мы шли, пыля сбитыми ногами под окрики конвоиров и лай собак.

В каждом концлагере было одно и то же: побои, скудная еда и трупы товарищей по несчастью. В Гомеле возле вокзала нас использовали как щит для составов с отступающими фашистами. Местные жители тайком приносили нам хлеб, молоко, яблоки и другие продукты, понимая наши страдания.

Конвоиры сменились. Новые пожилые конвоиры сочувствовали нам. Не кричали, не били, когда мы убегали в сады и огороды за яблоками и морковью. Ночевали мы в хатах или в сараях, получая вечером по банке баланды и воды. Так проходили недели и месяцы.

Пришла осень 1944 года. Колонна детских узников миновала город Жлобин по направлению к Минску.

Уставшие, мы уснули в каком-то сарае, а утром нас удивила необычная тишина. Нас никто не будил. Посмотрев в щель ворот, мы увидели солдат в другой форме и разом закричали, обращая на себя внимание.

Солдаты открыли ворота - это были бойцы Красной Армии с автоматами. Они крепко обнимали нас, целовали наши грязные, измученные лица. Сразу дали нам теплую одежду и накормили. Через несколько дней вместе с ранеными бойцами в санитарных вагонах отправили на Родину.

Жиздра встретила нас пепелищем и развалинами. Немцы при отступлении взрывали даже печные трубы. Особенно жаль собор Александра Невского, который был построен в XIX веке по особой технологии кладки на народные деньги. Взорвать его немцам удалось только с третьей попытки, заложив под каждую стену по тонне взрывчатки.

Жертвы оккупации были огромные. В целом по району замучены и расстреляны 700 человек, 20 220 женщин и детей угнаны в неволю, из них вернулась половина. При освобождении Жиздры в боях погибли много солдат и командиров. Впоследствии защитникам города возвели величественный памятник, возле которого ежегодно в день Победы горожане устраивают торжественные митинги и возлагают к памятнику цветы.

Я прожил долгую жизнь: были разные жизненные ситуации, но пережитое за те далекие годы оккупации и длинные, мучительные дороги пешком почти до Минска - около пятисот километров, помнятся остро и ясно, как будто это было вчера.

Вечная слава нашим воинам-освободителям, подарившим нам свободу!

Еще в юности я начал писать стихи. К настоящему времени опубликовано 3 сборника.

ИВАН МИТРОФАНОВИЧ ГОЛИК

СПАСАЛО МУЖЕСТВО

В 1941-1942 гг. (до фашистской оккупации) я выполнял работы в коллективном хозяйстве поселка Краснореченское, откуда и был направлен в мае 1942 года на строительство оборонительных сооружений в районе Нового Айдара Луганской области.

Поселок Краснореченское был оккупирован фашистами в июле 1942 года, а в начале октября меня насильно угнали в фашистскую Германию

В двадцатом веке на нашу долю выпала неволя. Понятие “неволя” имеет два и только два страшных определяющих слова: плен, рабство.

В ходе боевых действий на территории нашей страны несовершеннолетние фактически стали пленными, рабами фашистов.

*Был год сорок второй,
был год сорок второй,
А день тот был осенний.
И крик страданий - крик матерей,
В неволю угоняли детей.*

В настоящее время я, И.М. Голик, бывший несовершеннолетний узник фашизма, являюсь инвалидом второй группы. Ветеран труда, почетный член научно-технического общества строителей СССР, почетный строитель России.

Толпа узников, подгоняемых окриками фашистов (“шнэль”, “шнэль”), перемещалась вдоль товарного эшелона. С трудом, преодолевая высоту, я поднялся в вагон и, протиснувшись в дальний угол, опустил на пол и фактически отключился от действительности.

Тревожный гул голосов вернул меня к происходящему. Открыв глаза, я увидел на темном фоне стены товарного вагона большой светлый прямоугольник, разделенный линией горизонта (перекладной в проеме двери), близкий, но уже далекий пейзаж моей малой родины.

В центре проема двери вагона стоял в серо-синезеленой форме, угрожающе расставив ноги, с автоматом на груди фашист - охранник. Так мы оказались в неволе: пленные, рабы, несовершеннолетние узники фашизма двадцатого века.

Со второй попытки эшелон тронулся с места, увозя нас, узников фашизма, в неизвестном направлении. Первая остановка эшелона была в Польше, а потом ряд остановок на территории Германии, в результате мы оказались в юго-западной части фашистской Германии: поселок Плюдергаузен, предприятие Каутера.

А потом уже была далекая (“зюд вэст дойчланд”) фашистская Германия и долгие три года в концлагере пленных солдат. Кажется и сейчас иногда звучит в ушах (“ауфштэйн, ауфштэйн шнэль, шнэль вайте русише швайн”).

С 1942 по 1945 год мы (Иван Тарасов, Алексей Нагрянский, Иван Кучер, Василий Бутко, Михаил Колодочка, Иван Голик), несовершеннолетние узники фашизма, находились в концлагере для военнопленных. Лагерь находился на территории фабрики Каутера в поселке Плюдергаузен в районе города Штутгарт. Работали мы вместе с военнопленными в кузнечном цехе.

Основным оборудованием в цехе был механический молот, рядом с ним размещался кузнечный горн. У каждого горна работал горновой - военнопленный или несовершеннолетний узник.

Горновой был вынужден постоянно выдерживать высокую температуру огня и раскаленной стали, обжигающих руки, лицо, грудь, и потому после каждой передачи на молот раскаленной стальной заготовки приходилось опускать руки в ведро с холодной водой, обливать водой лицо и класть инструмент в ведро для охлаждения.

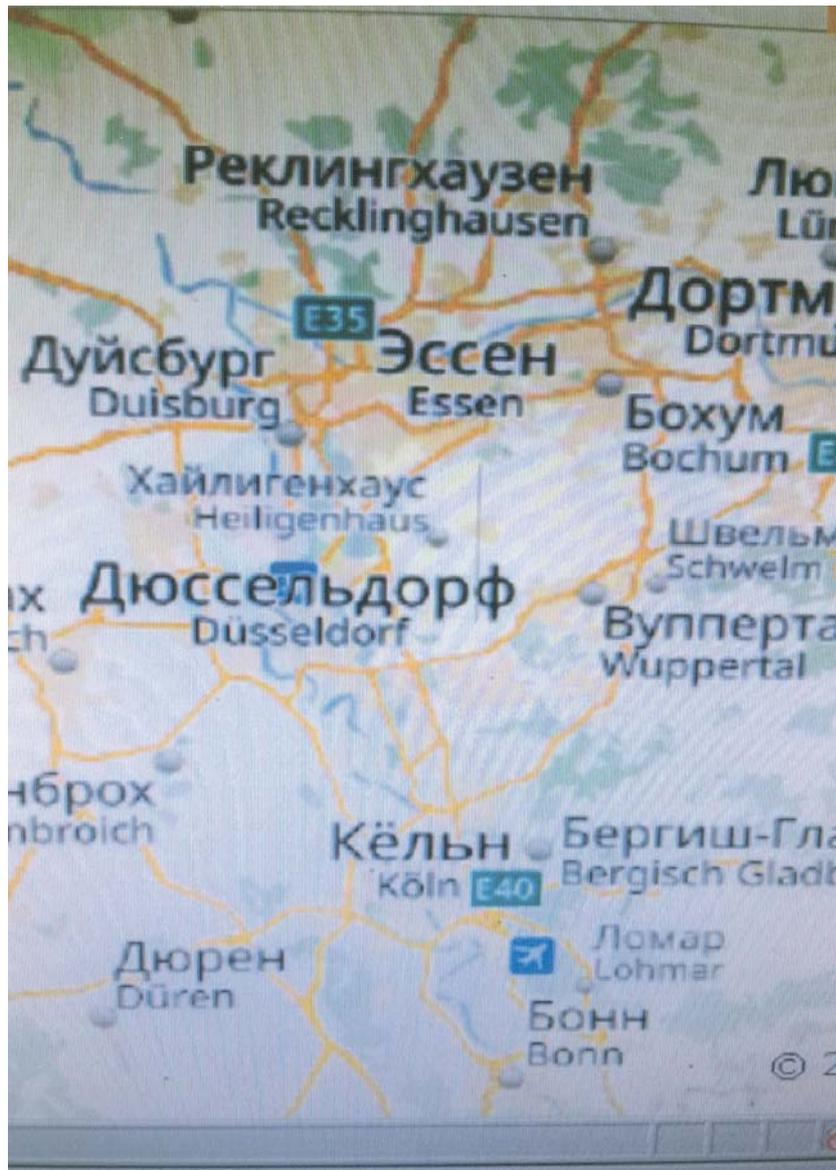
Мастер все время ходил по цеху, прислушиваясь к работе механических агрегатов, создающих в цехе невыносимый металлический грохот-гром, при этом жестко надзирал за несовершеннолетними.

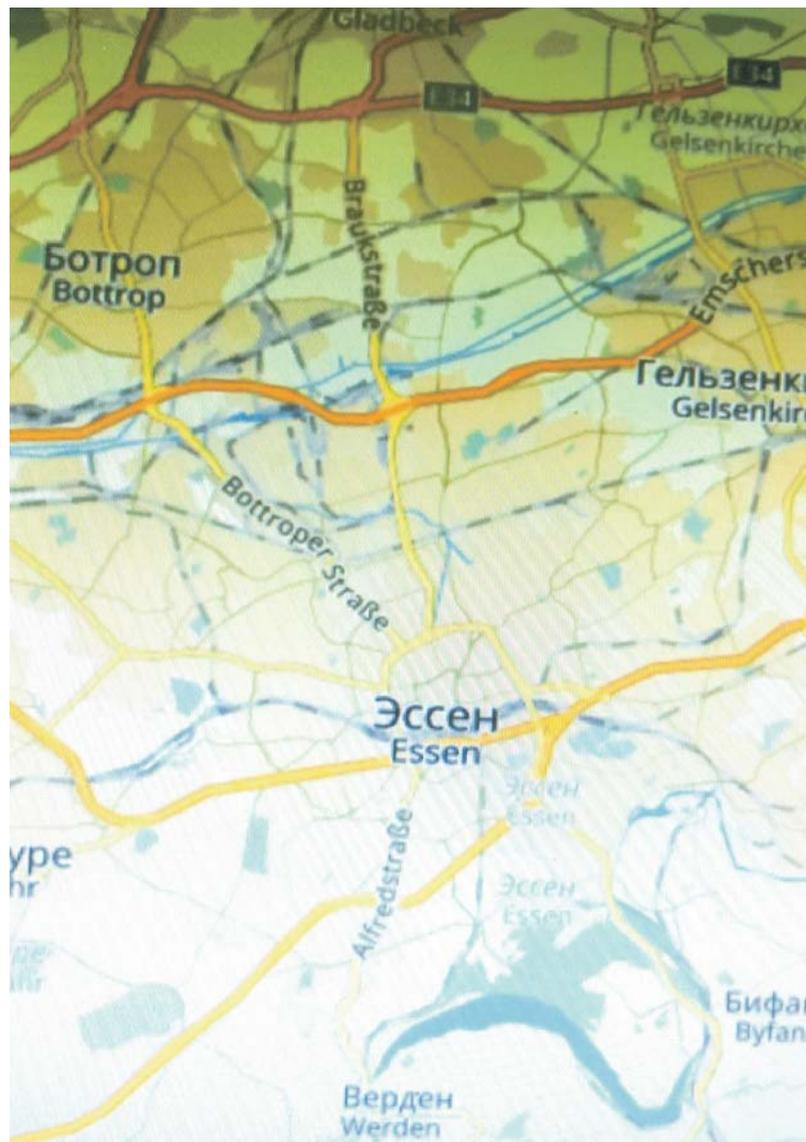
Выйдя из кузнечного цеха, мастер подозвал меня ("Ком цу мир, шнэль!") к стоявшей у стены здания двухколесной стальной телеге-тачке и разъяснил мне, что я должен делать с помощью этого мощного устройства. После практического показа стало понятно: требовалось постоянно подвозить на все рабочие места в цехе топливо (уголь, кокс) и материалы (штампованные изделия-заготовки), необходимые для изготовления вил.

И вот я (малого роста, невзрачный на вид) с осени 1942 года до осени 1944-го таскал эту тяжелую телегутачку, впрягшись в ее раму, до каждого горна в кузнечном цехе, пройдя с ней в общей сложности тысячи километров трудного пути.

В один из осенних дней сорок четвертого года мастер подвел меня к стоявшему в дальнем углу цеха механическому молоту и велел привести горн в рабочее состояние. А когда горн разогрелся, показал, что и как я должен делать на механическом молоте и одновременно на горне. У меня не было сил удержать инструмент с раска-

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

ленной стальной заготовкой, при первых ударах механического молота заготовка с инструментом вырывалась из рук и летела в сторону от молота.

Разобравшись с механикой молота, я уменьшил силу его удара, при этом наивно полагая, что мастер не заметит моего вмешательства, а у меня появится возможность удержать в руках инструмент с раскаленной стальной заготовкой.

В результате мастер определил по частоте ударов молота, что тот работает с нарушением установленной технологии.

Незаметно подойдя ко мне, мастер с ненавистью к несовершеннолетнему узнику (“русише швайн”) ударил меня кулаком справа в голову. От сильного удара я отлетел в сторону и упал на цементный пол. Придя в себя, медленно поднялся и молча стоял, ожидая приговора.

Мастер тут же повел меня к Краутеру - хозяину предприятия, в его кабинет. Краутер, открыв верхний широкий ящик письменного стола, изготовленного из красного дерева, достал трость-палку, тоже из красного дерева с сучками на ней, и, беспорядочно размахивая этой сучковатой толстой палкой, разъяснял (я так понимаю), что со мной будет в случае повторения еще раз (“нох айн маль”) такого преступления.

Устранив функциональные нарушения в механизме, мастер строго указал мне на место у молота и горна - к огню и раскаленной стали.

Казалось, выхода нет... И вдруг военнопленный, проходя мимо, сказал мне:

- Подойди в инструментальную мастерскую. Там должен быть только один военнопленный и никого больше,

ему надо о чем-то с тобой поговорить (тихо сказал и незаметно ушел).

Я тут же пошел в инструментальную мастерскую. И действительно, там был только один военнопленный - ошибка исключалась. Он мне сказал спокойно и уверенно, что нам, пленным несовершеннолетним узникам, в условиях неволи необходимо объявить протест-голодовку, чтобы немцы обратили на это внимание. Далее он сказал, что военнопленных они расстреляют, а нас, несовершеннолетних, не посмеют. И только поэтому предлагаем вам объявить голодовку, а мы, военнопленные, будем вам помогать преодолевать эти трудности.

В установленный день мы, несовершеннолетние узники, отказались от еды: получив на кухне оцинкованный таз с едой из брюквы, оставили на столе. Во время голодовки немцы в кузнечном цехе не разрешали нам пить воду.

Военнопленные нам незаметно для окружающих ежедневно приносили еду в установленное место, куда немцы, как правило, не входили (специальное помещение только для пленных и несовершеннолетних узников).

Спустя примерно неделю нас построили перед помещением кухни. Гестаповцы в металлических высоких касках пытались узнать организатора голодовки. На вопрос: "Кто организатор?" - ответ был: "Мы, несовершеннолетние узники".

Гестаповцы увели с собой Михаила Колодочку за то, что он (я предполагаю) лучше всех нас знал немецкий, но через два дня его вернули в лагерь.

Я думаю, нам помогло то, что еда из брюквы, простоявшая неделю в теплом помещении (а было лето) имела резкий запах, а главный гестаповец, открыв крышку оцинкованного таза, сказал: "Дас ист ниht эссен" - понят-

но, что это нельзя есть. Голодовку мы прекратили по решению военнопленных.

Весной 1945 года меня, Михаила Колодочку и Василия Бутко увезли в северо-западную часть фашистской Германии, в концлагерь, расположенный в районе города Эссен. Работали мы здесь всего несколько дней на электростанции по разборке разрушенной части здания.

Место расположения этого лагеря я определил спустя шесть десятилетий. С северной стороны его был канал, а с восточной - террикон и сооружения давно неработающей шахты. В терриконе с южной стороны находился недостроенный и заброшенный тоннель длиной около 50 м.

Услышав разрывы снарядов, мы определили, что это ведет огонь артиллерия американских войск. Снаряды разрывались все ближе и ближе. И вдруг снаряд разорвался на территории лагеря.

После взрыва загорелся первый барак. Огонь распространялся с огромной скоростью. Через несколько минут горели все бараки лагеря. Узники находились в это время на территории лагеря в центре огромного пожара. Фашисты-охранники во время пожара озверели - вели беспорядочную стрельбу из автоматов и кричали: ("Шнэль! Фаер! Шнэль"). Все бараки лагеря сгорели полностью. Прекратилась и беспорядочная стрельба охранников. Узников согнали к глухой, без окон, каменной стене здания. У террикона выстроились в одну шеренгу фашисты-охранники лагеря с автоматами на груди. Толпа узников стояла молча. И когда среди непонятных нам слов охранников появилось слово "шизэн", стало понятно - нас приговорили к расстрелу...

После этих слов, стоявший впереди и на голову выше всех узник из Луганска громко сказал:

- Земляки! Подходите к нам! Умирать будем вместе.

И вдруг со стороны северного канала стала приближаться к нам группа солдат фашистской армии с носилками, растянувшись в другую цепь, огибая террикон.

Впереди этой группы шел высокого роста и звания в черной форме фашист СС. Поравнявшись с шеренгой охранников лагеря, он вдруг громко закричал:

- Вас ист дас?.. Ди дойче солдатен гэшторбэн!.. Дас ист... русише швайн! Шнэль! Шнэль!

И тут же два десятка фашистов-охранников побежали в сторону канала.

Оставшиеся охранники загнали нас в заброшенный тоннель с южной стороны террикона, и все затихло. А тревога осталась. Так мы простояли до глубокой ночи. Ночью узницы попросили разрешения выйти из тоннеля. Но ответ из темноты не последовал.

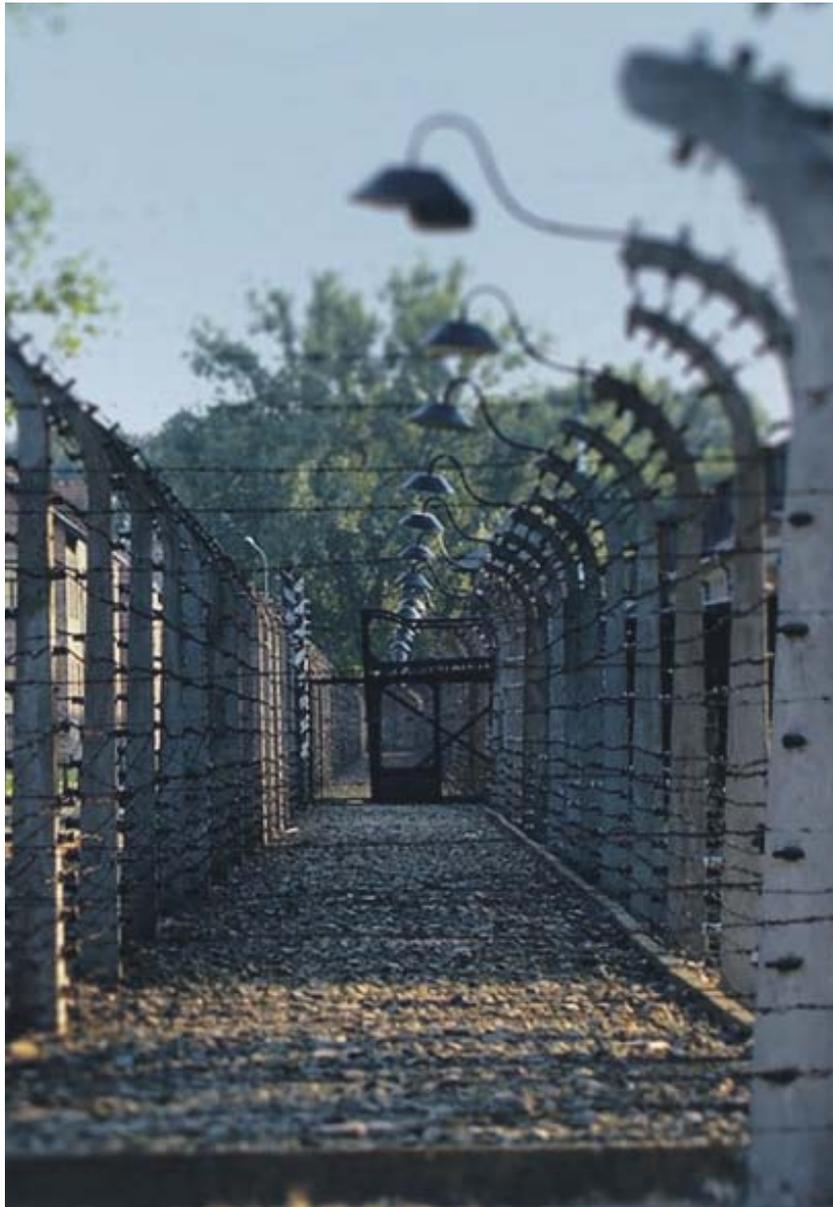
Мы, не думая, бросились из тоннеля в ночную темноту. Тут же потеряли Василия. Пробежав сотню метров, увидели стоявший состав пассажирского поезда. Молча вошли в вагон и сели, определив в темноте свободное место. Рядом с нами говорили женщины и дети (немцы). Поезд отправился в неизвестном направлении. Примерно через полчаса начался артиллерийский обстрел. Наш поезд остановился, и машинист объявил по радио:

- Пути разбиты, поезд дальше не пойдет.

Мы вышли из вагона. Я предложил Михаилу идти в сторону линии фронта. На рассвете мы подошли прямо к немецкому бункеру, сильно укрепленному, бетонному, с амбразурами со всех четырех сторон и большого объема внутри под землей.

Это оказалась нейтральная зона линии фронта в районе северного канала города Эссен. Немцев там не было. Они отошли без боя. Американские войска, закрепив-

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

шились за естественной преградой (каналом), не наступали (странно, но это факт).

Войсковая разведка в американской форме на рассвете осторожно проходила за каналом, ведя наблюдение за “опасным” объектом (бункером). Почти ежедневно американский танк выходил на мост перед каналом, переезжал на противоположную сторону, поворачивая ствол орудия направо и налево (как бы угрожая противнику) и уходил обратно. Каждую ночь американская артиллерия вела огонь по бункеру, в котором дрожали от страха беглые узники фашизма.

Кто-то из узников сказал, что недалеко от бункера есть холодильник, где можно достать замороженные продукты. В этот же день я opravился в разведку на поиск продуктов питания.

Подойдя к холодильнику, я увидел высокое здание, на фасадах которого были только одно окно-люк и входная дверь. У холодильника были гражданские немцы. Какая-то женщина на немецком языке посоветовала мне взять печенку из разбитого ящика, лежавшего на земле и сварить ее. Я так и поступил. Сняв с себя плащ-накидку, взял печенку, уже размороженную (давно лежала), и побежал по шпалам железнодорожных путей от холодильника к бункеру. Американец, заметив странного беглеца с мешком на спине, открыл огонь из крупнокалиберного пулемета трассирующими пулями. Пули пролетали (я их видел), а я каждый раз наклонялся. И когда оказался на открытой площадке перед ангаром, уже другой американец выстрелил из миномета. Мина взорвалась за спиной. Я потерял слух, и моя ноша упала. А когда слух восстановился, я услышал шорох от многочисленных осколков, падающих на асфальт. Прикасаясь дрожащими руками к ногам и груди, осознал, что цел. Поднял с асфальта ношу и, как мог, побежал.

Спустя месяц к бункеру пришли из города гестаповцы. Нас построили возле бункера и, проходя перед строем, искали беглых узников, причем только “русише швайн”. Михаилу гестаповец сказал: “ду бист юдэн”, и я тут же ответил: “Найн. Дас ист майн... брат”. Тогда гестаповец сказал мне на немецком: “Выходи с братом”. Так нас увели в город и поместили на охраняемой территории школы. Там уже было много беглых узников.

И вдруг к нам подошел Василий (которого мы потеряли месяц тому назад) и тихо сказал:

- Быстро за мной.

Василий привел нас на чердак частного жилого дома, а после наступления темноты, когда мы прошли около двух километров, осторожно завел нас в здание, похожее на школу, в глубокий подвал без окон, в абсолютную темноту. Это был концлагерь военнопленных французов.

Военнопленные французы в условиях неволи делали все возможное для спасения нас - беглых несовершеннолетних узников от преследования фашистов в последние дни войны. И вдруг мы услышали наверху громкий мужской крик.

Василий ушел на разведку и, вернувшись, громко закричал: “Победа!”

Мы вышли из темного подвала на яркий апрельский свет и увидели невероятное чудо. Французы ликовали! Это был крик радости, крик счастья и свободы. Концлагерь военнопленных французов освободила армия Франции.

Мужественные и доброжелательные французы сделали все возможное в условиях неволи, чтобы мы увидели свет Победы.

АНТОНИНА ГАЛАКТИОНОВНА ГОРШКОВА

СОЛДАТЫ И ЛУГОВЫЕ ЦВЕТЫ

Родилась я в деревне Торопово Ольшанского района в октябре 1929 года в юго-западной части бывшей Калининской, а ныне Тверской области. Это красивейшая часть Валдайской возвышенности, которая является водоразделом рек. Наши смешанные леса богаты орехами, грибами, малиной, земляникой, а луга - столь яркими и красивыми цветами, что все лето радуют глаз. В раннем детстве мы со старшей сестрой ходили на луг за нашей деревней и собирали цветы для венков. Мама и папа работали в полеводческой бригаде.

Но все оборвалось в один день. Началась война. Отец ушел на фронт. Еще и лето не закончилось, а немцы стали спрыгивать с мотоциклов с автоматами в руках в центре нашей деревни. Они сразу же установили свои законы: стали выселять из домов жителей. Молодые парни не могли смириться с оккупацией и решили уйти в лес. Но, поскольку эти действия не были спланированы и организованы, немцы их быстро находили. Некоторых расстреливали прямо у селян на глазах, остальных увозили в неизвестном направлении. После войны они в деревню не вернулись, наверное, погибли. Около двух месяцев линия фронта проходила недалеко от нас, как же это противоестественно - молодые, красивые, но мерт-

вые русские и немецкие парни лежали среди ярких, благоухающих цветов. Эти картины войны мне запомнились на всю оставшуюся жизнь. Под страхом расстрела нам было запрещено выходить за пределы деревни, поэтому жители нашей и соседних деревень не смогли захоронить наших погибших солдат. Лишь поздней осенью их тела укрыл снег. Немцы же хоронили своих погибших солдат и командиров с большими почестями на специальных кладбищах.

В нищете и покорности жили мы до весны 1942 года. Когда немного потеплело, жителей нашей и соседних деревень (около 250 человек) немцы под конвоем пешком погнали на запад. Люди шли с узелками за спиной и детьми на руках (или же несли их привязанными к спине, чтобы в панике не дать затоптать). Ночевали в домах уже покинутых деревень, питались тем, что могли найти. Чаще всего это был сырой картофель. Но у нас, как правило, не было спичек, а часто и дров, чтобы растопить печь, к тому же люди настолько уставали, что не было сил вообще чем-то заняться. Так дошли до деревни Рогачево, где пробыли несколько месяцев. Охранники выбрали большие, просторные дома пустующей деревни, поселили в них по несколько семей, а дома заставили огородить колючей проволокой, самовольный выход за которую карался расстрелом. Взрослых женщин каждый день водили на полевые работы. Кормили помоями, что оставались после мытья котлов, в которых готовили еду охранникам. В лагере оставались пожилые женщины. Они следили за чистотой и нами, детьми.

Однажды моя тетя вечером тайком пролезла под колючей проволокой на волю и пошла в соседнюю деревню. Надо было раздобыть еду для сынишки, который

сильно заболел. По возвращении охранники ее схватили и на глазах у всех утром забили насмерть. Мальчика взяла в семью жена моего дяди. Он остался жив, вырос, попал в Сибирь и несколько лет возглавлял мэрию в городе Абакане.

Так мы пережили зиму 1942-1943 годов.

Весной нас вновь заставили идти дальше на запад от деревни к деревне. В пути нас настигла эпидемия сыпного тифа. Мы шли вдоль русла Днепра, теряя на его берегах своих родных и близких. Перед освобождением Красной Армией летом 1943 года нас осталось всего человек 40. Армейские врачи нас вылечили, повара подкормили и той же дорогой, но в обратном направлении, мы пошли домой.

Деревня встретила развалинами и бурьяном, осень не баловала теплом. Мы, подростки, стали ходить по деревням и соседним городкам с тем, чтобы заработать немного денег или продовольствия для своих близких, но часто попадали в руки более сильных парней и мужчин, которые грабили нас до нитки. С большим трудом пережили зиму 1944-1945 годов. Чем могли, засеяли весной небольшой земельный участок, построили домик; мама работала в колхозе. Появилась надежда на будущее. Но в деревню вернулись всего 3 семьи из 15, что жили до войны. Все на своих ушедших на фронт мужчин получили похоронки. Оставаться в деревне было страшно. Вскоре все жители переселились в города. Я окончила семилетку и уехала жить и работать в Москву. У меня два сына, три внука и два правнука. Все хорошо сейчас, но те далекие годы и невзгоды, связанные с ними, не забываются. Нельзя допустить повторения всего того, что случилось с нами в годы войны.

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

“Сделайте так, чтобы каждый солдат узнал об этих лагерях. Выберите представителей от полков и пришлите их туда. Это будет лучше любой политбеседы” - маршал К.К. Рокоссовский (после освобождения лагеря смерти “Озаричи”, Белоруссия. В этом лагере люди, из них половина дети до 13 лет, были намеренно заражены тифом и другими инфекционными болезнями).

**АЛЛА НИКИТИЧНА
ГРИГОРЬЕВА (АКИНШИНА)**

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ

Родилась я в 1927 году в поселке на станции Алмазная Первомайского района Ворошиловградской области, входящей в состав Украины. Когда началась война, мне было 15 лет. Нашу станцию немцы оккупировали через год после начала войны - в июле 1942-го. Сразу же после введения новых законов и изымания продовольствия немецкие власти 2 октября вывели объявление с требованием всей молодежи явиться на сборный пункт города Кадиевка. Мама с горькими слезами провожала меня и сестру Нину. Всех пугала неизвестность. На площади собралось много молодежи из расположенных поблизости сел, городков, станиц. Нас всех погрузили в разбитые товарные вагоны и повезли на запад. В тесноте, голоде, холоде и антисанитарии довели до города Эссен. Расселили всех в деревянные бараки в концлагере "Германия Плау", снабдили деревянными сабо, которые из-за неудобства мы прозвали колодками, на рукав комбинезона прикрепили знак "ОСТ". Ежедневно под конвоем нас водили на заводы Крупа, где мы выполняли самую тяжелую работу: таскали трубы, тяжелые детали и многое другое. От неудобной обуви ноги были все в крови и сильно болели. Но врачебную помощь нам никто не оказывал. Кормили какой-то баландой, да и той иногда не хватало.

В 1944 году над бараками и заводом стали летать американские самолеты, а затем - тяжелые бомбардировщики, которые бомбили все вокруг. От гула моторов и разрыва снарядов мы не знали куда деться. Разбомбили и наш лагерь, и завод. Какое-то чудо нас спасло. Я, сестра и мои подруги даже не были ранены. На развалинах мы без еды просидели три дня. Потом всех оставшихся в живых перевезли в Кельн, где мы жили тоже за колючей проволокой. После того как стали бомбить Кельн, нас поместили в лагерь "Фриштронштрассе". Через некоторое время не стало и его. Тогда нас перевезли в "Дехэншум". Но и здесь наш барак вскоре разбомбили. Дальнейший путь привел в "Мюльгайм". Там был небольшой заводик, где мы - восемь девочек - в том числе я и моя сестра, штамповали какие-то маленькие детали. Нас приводили на работу и сразу же цех закрывали на ключ до окончания рабочей смены.

Через некоторое время я почувствовала себя очень плохо. После обследования выяснилось, что я больна туберкулезом. Меня поместили в другой барак вместе с такими же больными. Сказали, что жить мне осталось недели две. И тогда врачи решили передать меня в лагерь для медицинских опытов. Несколько дней спустя этот лагерь разбомбили американцы. Меня и еще нескольких больных перевезли в лагерь, размещавшийся в горной местности земли Вестфалия. Во время прогулки в лесу я обнаружила группу наших ребят. Они убежали из лагеря, где работали, вырыли себе землянку и жили там несколько дней. При побеге один из них убил полицая.

Местные власти устроили облаву с использованием карательного отряда. Их обнаружили. Началась перестрелка, в которой все 12 парней были убиты.

В этот момент я находилась недалеко от них и получила ранение разрывной пулей. Меня отвели в соседний барак и стали готовить к операции. Операция была под местным наркозом. Я видела в зеркале на стене края рваной раны в боку и ход всей операции. Вскоре после этого события нас освободили американцы.

Мы все были такие изможденные, что не было сил ходить. Американцы нас старались хорошо и правильно кормить, лечить, красиво одеть. Реабилитационный период длился четыре месяца. Потом, когда мы уже могли нормально ходить, нас передали Красной Армии.

Границей германской и русской зон служил тогда мост через реку Буг. До половины моста с нами шли американцы, а на другой половине нас встретил начальник нашей заставы и солдат. Когда перешли мост, нас попросили оглянуться назад. Там было все разрушено. Высокий обрыв берега к руслу реки был весь изрыт окопами. Начальник заставы сказал, что именно оттуда началась война.

Когда мы ехали по Польше, нас охранял вооруженный конвой, так как польские пособники нацистов пускали под откос поезда с русскими людьми. Я стала свидетельницей наезда друг на друга двух составов. Картина раскоряченных вагонов и разорванных человеческих тел стоит перед глазами до сих пор.

Проезжая через Белоруссию, мы воочию увидели, что натворила война: тысячи сожженных и разбомбленных населенных пунктов, мостов, заводов и фабрик. Но люди не унывали. На одном из полустанков охранники накопили картошки, сварили ее, и все мы ели эту необыкновенную еду, вкус которой мне запомнился навсегда.

А мама нас ждала. Каждый день она ходила на станцию и спрашивала у проезжающих знакомых людей: “Не

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

видели ли моих девочек?”. Однажды ей ответили, что видели одну. Эта весть дала ей надежду.

Нам тоже не терпелось встретиться с мамой. Мучил вопрос: “Жива ли она?”. Самый счастливый эпизод в моей жизни - это момент встречи с мамой.

Утром мама пошла к соседке, чтобы рассказать необычный сон. Она видела себя в окружении двух кустов цветущей сирени и в этот момент ощущала себя невероятно счастливой. Не успела она все рассказать соседке, как пришли обе дочери: я и Нина. Вещий сон сбылся. Мама от радости и предшествующих переживаний расплакалась и долго еще не могла успокоиться.

Мы, пройдя столько невзгод и лишений, остались живы, а ведь многие матери так и не дождались своих детей. Вечная им память и рай в ином мире. Спасибо воинам-освободителям, подарившим нам жизнь и свободу.

ОБЩИЕ ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СОСТАВИЛИ **26 600 000** ЧЕЛОВЕК.

ИЗ НИХ: ИСТРЕБЛЕНО МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ -
7 420 379 ЧЕЛОВЕК,
В ТОМ ЧИСЛЕ **216 431** РЕБЕНОК;

НАСИЛЬСТВЕННО ВЫВЕЗЕНЫ В ГЕРМАНИЮ
5 269 513 ЧЕЛОВЕК,
ВЕРНУЛИСЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ **2 654 513** ЧЕЛОВЕК,
СТАЛИ ЭМИГРАНТАМИ 451 100 ЧЕЛОВЕК,
ОСТАЛЬНЫЕ **2 164 313** ПОГИБЛИ ИЛИ УМЕРЛИ В НЕВОЛЕ.

ИСТОЧНИК: “РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА
(СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)”. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

ОЛЬГА ИВАНОВНА ГУНЗИР ИГРА В БЕЙСБОЛ

Родилась я в апреле 1940 года в селе Баскаково Восточного района Смоленской области. По воспоминаниям матери, немецкие войска оккупировали нашу территорию в конце сентября 1941 года. Линия фронта проходила как раз через наше село. Причем на одном конце села были русские солдаты, а на другом - немецкие. Наш дом находился в центре села: так что мы оказались на нейтральной полосе. Над нами пролетало множество снарядов. От постоянного шума и грохота прятались в подвале. Потом наши войска отступили.

Отец, Кузнецов Иван Ильич, ушел в партизанский отряд, который базировался в лесу. Я и мама вынуждены были жить в землянке, уступив свой теплый дом немецким солдатам. Полицаи постоянно изымали с подворья кур, свиней, потом забрали и корову. Мама каждый день ходила на работу. В мае 1942 года стало известно, что в партизанском отряде погиб отец. Мы с мамой долго плакали.

Летом 1943 года появилась надежда на скорое освобождение: над нами пролетали наши самолеты, слышалась артиллерийская канонада. Но нас решили угнать на запад, велели взять документы и узелок с вещами. Потом всех жителей села собрали на площади, посадили на машины и привезли на станцию Баскаковка. Где мы пробыли еще какое-то время, а затем всех погрузили на открытую платформу. Шел сильный снег. Температура

воздуха опускалась до 15 градусов мороза. Всем было очень холодно и голодно. На одной из станций поезд остановился. Охранники ходили вдоль состава. Один из них подал маме батон, как мне показалось, белого хлеба, но мама от вида этого хлеба вдруг заплакала. Оказалось, весь батон был покрыт белой плесенью. Увидев плачущую мать и нас, раздосадованных девочек, немцы так хохотали, что все пассажиры, находящиеся с нами в вагоне выразили им всеобщее презрение. Это на них подействовало. Хохот прекратился. Все-таки поняли, что нельзя так с людьми поступать.

Далее нас повезли до деревни Хомичи. Располагалась она недалеко от белорусского города Бобруйска. Всех разместили в трудовом лагере, огороженном колючей проволокой. Скучная еда, плохая одежда... Взрослых каждый день угоняли на работы, в том числе заставляли хоронить убитых немецких солдат.

В один несчастливый день фашисты решили увезти детей в немецкий госпиталь для отбора крови для раненых командиров. Для этой цели поставили в центре села грузовую машину. Всех узников с детьми согнали на площадь и поставили вокруг машины. Детям велели садиться в машину. Меня, трехлетнюю, у мамы отняли и забросили как мяч. Потом поступило распоряжение маленьких детей не брать. Меня снова бросили, но теперь уже - с машины на землю. Женщины кричали и в конце концов матерям разрешили тоже сесть в машину к своим детям. Меня опять забросили в кузов, набитый людьми. Мы поехали в госпиталь, я стала плакать из-за сильной боли. Оказалось, что у меня серьезно повреждена нога. В условиях отсутствия квалифицированной врачебной помощи уже в трехлетнем возрасте я не могла ходить. Боль сильно мешала жить. Впоследствии развился туберкулез голени, приведшей к инвалидности.

Красная Армия освободила нас осенью 1944 года. В родную деревню вернулись поздней осенью. Видя наше бедственное положение, соседи помогали продовольствием и одеждой. Почти все время я была в доме. Выходила на улицу на костылях, не могла играть с детьми. Фашисты украли у меня детство. В 1957 году в Смоленске, в больнице Красного Креста, мне сделали операцию, после которой я смогла понемногу ходить.

В 1966 году уехала к сестре в город Кузнецк Пензенской области, где восемь лет работала на обувной фабрике. В 1974 году уехала к другой сестре в Москву и стала работать на заводе имени Серго Орджоникидзе. В 1998-м вышла на пенсию. Я инвалид третьей группы с 1958 года, замужем, детей нет.

Война наложила жестокий отпечаток на всю мою жизнь, но я мужественно сражалась со своей бедой, никогда не чувствовала себя несчастной калеккой. На работе всегда была примером для остальных. Мною гордились, награждали почетными грамотами, денежными премиями. Сейчас благодаря помощи государства я довольна своей жизнью и прошу Бога дать возможность пожить подольше.

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

(УБИТЫ, УМЕРЛИ ОТ РАН И БОЛЕЗНЕЙ, ПОГИБЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ, РАССТРЕЛЯНЫ ПО ПРИГОВОРУ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ, НЕ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ ПЛЕНА) - **8 668 400** ЧЕЛОВЕК (В ЭТО ЧИСЛО НЕ ВОШЛИ ВОЕННООБЯЗАННЫЕ, ПРИЗВАННЫЕ ПО МОБИЛИЗАЦИИ, НО ТАК И НЕ ДОЕХАВШИЕ НА ФРОНТА И ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ ДО ПРИБЫТИЯ ИХ В ВОИНСКИЕ ЧАСТИ. ЭТО ЕЩЕ 500 000 ЧЕЛОВЕК);

ИСТОЧНИК: "РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА (СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)" - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

**ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА
ДУБКО (ЗОСИМОВА)**

ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

Когда началась Великая Отечественная война - 22 июня 1941 года - мне было около 6 лет. Много времени прошло с тех пор, как отгремели последние залпы. Все дальше и дальше время отодвигает в прошлое, в историю эту страшную трагедию народа. Но те, кому пришлось пережить ее, до конца дней своих будут помнить ужас войны, унесшей миллионы человеческих жизней.

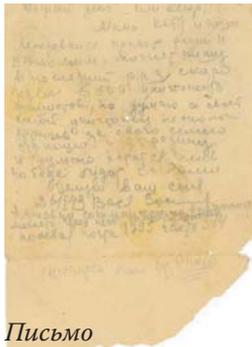
Перед войной наша семья состояла из пяти человек - папа, мама, брат Толя четырех лет, сестренка Валя двух лет и я - самая старшая из детей. Мы жили в Москве на улице Машиностроения в доме 7. Я помню налеты на Москву и бомбежки. Из окна нашей единственной комнаты хорошо была видна школа. В одну из бомбежек в нее угодила бомба.

Обычно, когда начиналась бомбежка, наша семья уходила в тоннель станции метро "Автозаводская" (наше бомбоубежище). Там поперек рельсов были

Папа

*Письмо
датировано
26 января
1943 года,
а 27 января
отец прибыл
на фронт.
На следующий
день их бросили
в бой. 28 января
1943 года
он погиб.
Ему не было
37 лет.*

положены доски, на которые укладывали спать детей. Выходили только тогда, когда заканчивалась тревога.

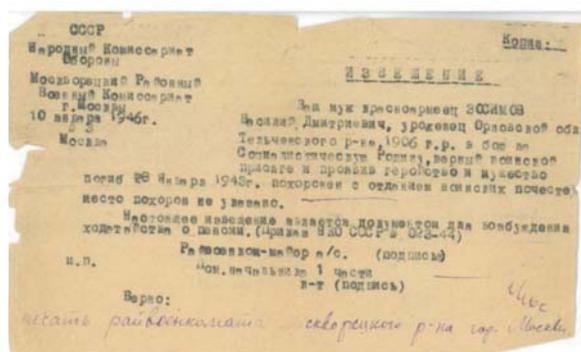
Чтобы не лопались стекла окон в нашей комнате от взрывной волны при бомбежках, мы приклеивали на них бумажные полосы. А на ночь закрывали окна темными шторами, чтобы снаружи не виден был свет. Запомнилось мне и то, как солдаты проносили мимо нас аэrostаты, держа их за веревки, ими защищали небо Москвы от налетов.

В конце июля 1941 года, когда было принято решение эвакуировать детей из Москвы, мои родители (папе было 35 лет, а маме 33 года) вывезли нас, детей, из Москвы к папину дяде Феде в деревню Волобуево Мценского уезда Орловской области. Они домали, что до Орла немцев не допустят. (Отец мой сам был родом из тех мест, из деревни Глазуново.)

Мы жили в деревне с мамой, в семье дяди Феде и тети Клавды (папина двоюродная сестра). Папа уехал в Москву на работу (у него была бронь, так как он получил ранение на Финской войне).

В конце сентября и мама уехала в Москву за теплыми вещами. Отец уговаривал ее, чтобы она осталась получить и отоварить карточки продуктами за октябрь и ехать с ними в деревню. Мама не согласилась, ведь в деревне оста-

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

Извещение

лись маленькие дети. Она вернулась в Волобуево 30 сентября, а 4 октября немцы вошли в Орел, и связь с Москвой оборвалась. С этого момента начались наши мытарства по деревням Орловской области (с севера - от деревень Волобуево и Глазуново до юга - села Короськово и ж/д узла Кромы).

Помню, как фашисты появились в деревне. Один из них вошел в дом, он был в каске и с автоматом в руках. Наставил на маму автомат и стал орать: "Вэк! Вэк!" Всех жителей деревни выгнали из домов и вместе с детьми погнали вдоль берега Оки в другую деревню. У дяди Феди были голуби, так этот немец расстрелял их на наших глазах.

Толпу людей с обеих сторон сопровождали конвоиры с автоматами. Вдоль дороги около леса лежали кучи сухого хвороста. Не знаю, как маме удалось зайти с нами за эти кучи. Когда вся тол-

Сейчас Василий Дмитриевич Зосимов - в списке погибших, чьи имена занесены в Книгу Памяти в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

па прошла, мы вернулись в деревню, в дом дяди Феди. Бог нас уберег.

Из всей еды я помню только печеные в русской печке яблоки. Чтобы достать еще хоть какую-то пищу, маме приходилось ходить в другую деревню и МТС. Но однажды по дороге немцы остановили ее и сняли с нее валенки. Зима 1941-го была очень суровая. Маме пришлось бежать в мороз по снегу босиком.

Вскоре в деревне опять появились немцы и снова нас выгнали из дома. К тому времени в нашей деревне было уже очень мало жителей. Может быть, многие ушли в лес. А мы, бездомные, пошли в соседнюю деревню, но там никто не впускал нас в свой дом, боясь расстрела. У фашистов был приказ - не впускать чужих в свой дом.

У мамы были страшные мысли: спустить нас в прорубь, а потом и самой... Было темно и холодно. Окопавшиеся от сильного мороза, мы постучались в последний дом. Старик не хотел открывать и впускать нас, но когда услышал четыре плачущих голоса, сжалился и пустил нас к себе в дом. Решил выдать маму за свою дочь, а нас за внуков.

Мы прожили у него только до весны 1942 года, так как я заболела тифом. Лежала в бреду не то в школе, не то в господском доме. Очнувшись, увидела большие светлые окна. Когда поправилась, мы ушли в деревню Глазуново к тете отца.

Однажды я увидела вещий сон: в Глазуново приехали немцы на машинах и мотоциклах, хотя этой техники я никогда не видела. Утром стала рассказывать свой сон, а они, фашисты, тут как тут. Ворвались в дом, обшарили все углы, требовали сало, яйца, молоко и масло. Им понравился тетин кирпичный дом,

они решили приспособить его под баню. Нас выгнали. Мы долго скитались по деревням Орловской области. Наконец немцы пригнали нас в большое село Короськово. В этом селе мы жили с зимы 1942 года и до лета 1943-го. По прибытии нас сразу же распределили по домам местных жителей, а хозяев заставили кормить подселенцев в течение всего времени проживания.

В Короськово мы прожили до июля. Красная Армия была уже поблизости. Село бомбили наши самолеты. Появилось много раненых немцев, и они в церкви устроили себе госпиталь. Нам, пришедшим из других мест, повесили на шею круглые деревянные бирки, на которых по-латински было написано "Короськово". Иногда переселяли нас из дома в дом. Я запомнила дом одного деда, у которого гостили внуки моего возраста. Как-то раз мы пошли все вместе на кладбище. Началась бомбежка, и нам пришлось лечь между могил, чтобы переждать налет бомбардировщиков. Было очень страшно. Село Короськово, в котором находилось много немцев, пострадало значительно меньше, чем деревни, в которых их не было вовсе.

Начались бои, которые потом назвали Орловско-Курской битвой. Немцы из Короськово погнали нас к железнодорожному узлу Кромы. Местные жители, имевшие лошадей и коров, ехали на своих подводах, а мы, беженцы, шли пешком. Придя в Кромы, мы увидели последствия бомбардировки. Сколько же там было погибших людей: целые семьи лежали на повозках и под ними! А сколько было загубленного домашнего скота! Весь этот ужас происходил в конце июля, может быть, даже 31-го, в день моего рождения.

Нас погрузили в товарные вагоны, выдали по буханке хлеба на семью и повезли на запад. В одной сцепке с нашими вагонами находились и вагоны, в которых ехали с награбленным имуществом немцы. Когда мы проезжали через Брянский лес, партизаны взорвали мост. Наш состав уцелел, загорелся лишь последний вагон. На первом же переезде его отцепили, а взрослым узникам велели выйти из вагонов за баландой из кукурузы. Дети остались в вагоне. Состав тронулся, и я заорала во все горло, испугавшись, что больше не увижу маму. Но оказалось, что немцы сортировали вагоны, и взрослые позже вернулись обратно.

Привезли нас в Ригу, на вокзал. Открыли двери товарных вагонов и разрешили выйти на перрон. Ко мне подошла красивая рижанка и дала большой бутерброд с повидлом. Я эту вкуснятину сразу понесла в вагон, чтобы поделиться со своими родными.

Несколько дней мы прожили недалеко от Риги, в военном городке, где нас временно разместили. Потом отправили в лагерь “Саласпилс”, поместили вместе с мамой в барак, где было много детей. В нем мы жили с 23 августа 1943 года.

На всем протяжении нашего хождения по мукам до самого дня освобождения, начиная с Орловской области, вместе с нами находилась Иванова Надежда Сергеевна со своими детьми (сыном Эриком и дочкой Нэлли). Мы были всегда вместе и поддерживали друг друга.

В лагере нас каждый день выводили на улицу, чтобы осмотреть. Больных уничтожали. Когда моя сестренка, которой было четыре года, заболела, мама накрывала ее одеялами, чтобы немцы не услышали ее кашля при осматривании помещения. Вылечить Валю помогла врач из Ленинграда.

ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ И ОКАЗАЛИСЬ В ПЛЕНУ
5 059 000 СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
(В ИХ ЧИСЛЕ 500 000 ВОЕННООБЯЗАННЫХ, ЗАХВАЧЕННЫХ
ПРОТИВНИКОМ НА ПУТИ В СВОИ ВОИНСКИЕ ЧАСТИ).
ОКОЛО 450 000 - 500 000 ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ МОГЛИ
ОСТАТЬСЯ ПОГИБШИМИ НА ПОЛЕ БОЯ.

ИСТОЧНИК: "РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА
(СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)". М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

После лагеря “САЛАСПИС” мы попали в лагерь “Кло-ога” в Эстонию, недалеко от Таллина, потом был лагерь военнопленных “Пылкюле”. Мама сильно болела, а нас, детей, готовили к вывозу в Германию. Люди всякие страхи рассказывали о том, что нас посадят на паромы или корабли и мы послужим щитом при отступлении немцев, а потом нас потопят в Балтийском море. Но вывезти нас фашисты не успели. Советские танкисты освободили лагерь в марте 1944 года.

После освобождения мы еще целый год жили в детском доме лагеря “Пылкюле”, но он уже стал лагерем реабилитационной направленности. Мама выполняла разные работы: была и портнихой, и уборщицей, и судомойкой. Здесь ей пришла похоронка на отца. Он погиб под Ржевом.

9 июля 1945 года лагерникам разрешили ехать домой. И хотя в Москве у нас была своя комната, в которой во время войны жил мамин брат со своей семьей, вернуться в столицу нам не разрешили. Мы поехали в Подмосковье, в Косино, к маминной знакомой. Но даже там нас прописали только временно. Лишь в 1947 году маме дали отдельное жилье и постоянную прописку в Москве.

Окончив семь классов, я подала документы в военно-механический техникум, но из-за анкеты, где написала, что была в концлагере, меня не взяли, хотя экзамены я сдала на отлично...

И несколько слов об отце: когда освободили от немецких оккупантов Орловскую область, он сразу поехал в родную деревню. Не найдя нас там, решил, что мы погибли, и ушел на фронт. От отца осталось на память одно письмо. Я его храню до сих пор.

АНАТОЛИЙ КУЗЬМИЧ ЕРМАКОВ

ПЛЕНЕННОЕ ДЕТСТВО В ГЕРМАНИИ

Я родился 29 июня 1936 года в городе Витебске (Белоруссия). В 1940-м отца направили для прохождения службы политруком в город Августов на границе с Польшей. Мы поехали всей семьей: папа, мама и я.

22 июня 1941 ночью года папа приехал и сказал, что началась война, и велел маме взять меня и срочно выезжать в Белоруссию, которая, как оказалось, уже была оккупирована немцами. В 1942 году в Витебске нас погнали на вокзал, там было много людей. Всех загнали в вагоны и повезли в Германию, в город Гера, и загнали в бараки. У детей брали кровь. Кушать практически не давали, издевались. В 1945 году нас освободили американцы. Они вывели всех детей на улицу из барак.

Нам стали раздавать буханки хлеба, консервы и шоколад. Мама случайно нашла меня. Мы вернулись на Родину, в город Витебск. В 1955 году меня призвали в армию. Сейчас живу в Москве.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ЗУЕВ

МУЖЕСТВО ДУХА

Родился я в сентябре 1935 года в деревне Новая Каменка Восточного района Смоленской области. После оккупации в нашу местность стали подтягиваться крупные подразделения воинских частей, техники и оружия. Все поняли, что намечаются большие бои. В связи с этим наша семья, жители нашей и соседних деревень были этапированы пешком в Дорогобуж, где был организован для советских военнопленных солдат, офицеров и гражданского населения концентрационный лагерь “Дорогобуж”, который сами фашисты воспринимали как лагерь смерти. Это название подтверждено архивными документами по Смоленской области.

Лагерь представлял множество деревянных бараков, в которых находились женщины и дети. Советские военнопленные, в том числе раненые, прозябали в других, отдельных, бараках. Всех женщин и детей-подростков ежедневно выгоняли на физически тяжелые работы: они рыли рвы, блиндажи и другие сооружения, предназначенные для размещения воинских частей.

Все узники влачили жалкое существование в голоде и холоде. От непосильного труда и скудной пищи многие умирали. После того как фашистам стало известно, что мой брат Николай, будучи подростком, помогал в деревне Новая Каменка партизанам, его расстреляли, а мать зверски истязали, в итоге она умерла.

После освобождения Красной Армией осенью 1943 года города Дорогобужа и концентрационного лагеря я был отправлен в Сафоновский детский дом, где воспитывался до осени 1945 года. После Великой Отечественной войны и возвращения отца с фронта я вместе с ним переехал жить в Москву.

Окончил среднюю школу и военно-авиационное училище (в 1958 году), после чего был направлен на работу в научно-производственное объединение, где занимался отработкой электронных систем наведения и управления ракет ближнего и дальнего радиуса действия. После окончания Государственного университета им. И.М. Губкина (факультет электроники и автоматики) я был направлен на учебу в Военно-политическую академию, окончил ее и в 1966 году работал в области обеспечения политической, экономической и военной безопасности Советского Союза, в том числе за рубежом. Был и на дипломатической работе. Награжден орденом Дружбы народов, медалями, в том числе иностранными, Почетной грамотой Президента СССР. Я, воин-интернационалист, продолжаю работать до настоящего времени, ибо наша страна нуждается в специалистах моего профиля.

Глядя в глаза старости, можно встретиться со своим будущим.

ЭЛЕОНОРА СТАНИСЛАВНА КАРПОВА**ДОРОГИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ**

Родилась я в 1932 году в Новороссийске. Война добралась до нас весной 1942 года. Город долго обстреливался и с воздуха, и с земли. Наступало лето, стало жарко, на улицах лежало много трупов наших погибших моряков. Трупный запах забивал все другие запахи. В городе началась дизентерия. Заболел и мой младший братик, которому было около двух лет. Поскольку все врачи уехали, лечить его было некому. Маме посоветовали попить его хорошим красным виноградным вином. Несмотря на страх и риск, она пошла к винному складу. Но туда попало несколько бомб. По улицам текли винные реки, а в них плавали трупы. Маме удалось набрать хорошего вина. Довольная приобретением она пришла домой. Но было уже поздно. Братик умер. Похоронить его на кладбище не представлялось никакой возможности, так как были сильные артобстрелы. Мама, чтобы не сыпалась на тело брата штукатурка, прятала гробик под столом. Потом ей удалось уговорить соседей, живших напротив нашего дома, разрешить похоронить сына под персиковым деревом.

Весной 1943 года родилась моя сестричка. Жили без удобств. Вскоре бомба упала рядом с нашим домом, все окна были выбиты взрывной волной. Приютила нас соседка, у которой тоже было двое детей. К нам часто приходили полицаи и предлагали ехать в Герма-

нию на льготных условиях. Но на их уговоры никто не велся. Тогда немцы пошли другим путем. Они препровождали семьи, в том числе и маму с нами, в комендатуру, всех заставляли садиться в грузовики, подгоняя палками. Везли вдоль берега моря под сильным обстрелом. Часть людей по дороге погибла. Привезли в Анапу. Там нас погрузили на баржу и разместили в трюмах, которые затем плотно закрыли. Высадили всех в Керчи, затем снова посадили на машины и повезли дальше. Привезли в трудовой лагерь возле города Джанкой. В голоде и холоде прожили мы там около двух месяцев. Детям еду давали только при наличии свидетельства о рождении. У меня этот документ сохранился - на нем до сих пор виден немецкий штамп. Там немцы сделали попытку отобрать детей у матерей. Но женщины устроили настоящую войну. С криком, плачем, руганью, с кулаками дети переходили от мам к солдатам и обратно. Разъяренных женщин победить трудно. Немцы отступились. Позднее они предлагали продать детей. Опять никто не согласился. Осенью нас снова погрузили в машины и привезли в Херсон. На станции к нашему поезду подошел муж подруги матери, ехавшей в одном вагоне, и, вероятно, выкупил свою семью. Их выпустили из выгона, вместе с ними вышли и мы. Пока охранник обходил состав, мы успели убежать на станцию. Здесь семью подруги ждала запряженная лошадь. Вместе с ними поехали и мы. Несколько дней жили у них.

Отчаявшись найти работу, мы решили уехать в город Голая Пристань. Находился он на левом протоке устья Днепра. Нас приютили давние знакомые мамы, которым она несколько лет назад оказала помощь. Город встретил нас виселицами с телами партизан, обили-

ем пыли на дорогах и отсутствием рабочих мест. Ходили разные слухи о партизанах, которые жили, согласно молве, в тростниках устья Днепра. Однажды, когда я гуляла на улице с сестричкой, ко мне подошли двое мужчин и предложили продать девочку, обещали дать много денег. В ужасе я от них сбежала, а затем долго плакала. Когда мама пришла домой, она мне объяснила, что это мероприятие проводится немцами для того, чтобы было легче нас увезти в Германию. Маленькие дети создавали много неудобств в дороге.

Чтобы не умереть с голоду, мама стала покупать белое полотно, красить, шить юбки, продавать изделия. Теперь уже на рынок и в другие места мы ходили все вместе. Хозяйка, в доме которой жили, часто угощала нас вкусными вещами. По дороге на рынок женщины также угощали свежим молоком и фруктами. Люди понимали тяжесть нашего проживания здесь. Осенью эту территорию освободила Красная Армия. После освобождения Новороссийска мы решили уехать домой. По дороге на железнодорожную станцию шофер, который подвозил, умудрился нас оставить посреди поля без вещей и документов. Добрые люди помогли нам: привезли на станцию, посадили в прицеп с углем, необходимым для топки паровоза. Так мы доехали до города. Приютила нас Вера Григорьевна, давняя знакомая мамы. Она и в дальнейшем оказывала нам неоценимую помощь.

Вскоре в доме случился пожар. Утром, когда я была дома одна, загорелся нижний этаж. Дым в квартиру стал поступать сначала едва заметно, потом - сильнее. Я стала затыкать дыры в двери тряпками, но в щели стали проникать языки пламени. В страхе и ужасе я стала выбрасывать вещи в окно, затем выпрыгнула сама. Сразу же нашлись охотники позаимствовать чужое добро.

Соседи вызвали пожарных, “скорую помощь”, милицию. Воров отогнали, мне и другим пострадавшим оказали медицинскую помощь. Вечером мы сидели с мамой и тетей Верой на куче наших узлов и не знали, куда податься. Ведь квартира наша полностью выгорела. Приютили знакомые тети Веры.

Маму долго нигде не брали на работу из-за того, что была в оккупации. Таким способом государство наказывало за неосуществленную эвакуацию на восток в начале войны. С трудоустройством опять помогла тетя Вера. Впоследствии мы обзавелись своим жильем. Я переростком стала учиться в школе, затем окончила педучилище и всю жизнь работала учителем в младших классах. Вся наша семья помнила добрые дела Веры Григорьевны. Своим участием мы скрашивали ее старость.

Я - инвалид 2-й группы. У меня есть два сына. О том, что было с нами в те далекие годы, рассказываю и детям, и внукам. До сих пор не могу без слез вспоминать тяжелые испытания, свалившиеся на нашу семью тогда, когда мне было девять - десять лет.

*Эти воспоминания я посвящаю
памяти моей бабушки,
моим детям и внукам.*

ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА КИСКАНА УРИЦКИЙ “ДУЛАГ” № 142

Я родилась в Брянской области в 1939 году. До войны наша семья была большой и дружной: папа, мама, сестра, брат и я. Через речку жили бабушка Таня и дедушка Иван, который работал ветврачом. О том, что началась война, я узнала от моей бабушки.

Мою бабушку звали Татьяна Ивановна Бычкова. Она пережила Первую мировую войну, революцию 1917-го, страшные годы Великой Отечественной войны и дожила до 103 лет.

Для меня бабушка была самым дорогим человеком: она сберегла меня в те страшные военные годы, воспитала и вывела в люди. Немцы пришли в наше село и начали устанавливать свои порядки. Наш дом был большой - пятистенок, и немцы решили использовать его под свой штаб. Всю нашу семью - и взрослых, и малых детей - переселили в погреб.

Однажды село окружили автоматчики и начали выгонять всех жителей из домов и погребов, отовсюду, где прятались женщины, дети и старики.

В сопровождении автоматчиков и злых овчарок всех погнали на меловую гору, а внизу был большой овраг. Нас построили на краю оврага и приготовились расстреливать, наставив автоматы. Тех, кто пытался бежать, убивали. Неожиданно со стороны села на лошади прискакал немец и что-то сказал автоматчикам, они

опустили автоматы. Мы остались живы!!! Всех снова построили в колонну и погнали в лагерь. Бабушка Таня рассказывала об этом лагере, о том, в каких условиях находились мирные жители окрестных сел.

По документам это был концлагерь № 142 в Урицком Брянской области.

В немецких документах он именовался "Радица". Располагался этот лагерь на территории бывшей ремонтной базы и занимал несколько квадратных километров. Бараки были окружены четырьмя рядами колючей проволоки. На сторожевых вышках постоянно находилась вооруженная охрана.

Главными мучителями были генерал-лейтенант гитлеровской армии Бернгард и генерал-майор Гамман.

За эту колючую проволоку, в бараки на четырехъярусные нары, загоняли всех: и малых детей, и стариков, и женщин. Была жуткая теснота, блохи и вши, эти насекомые сильно кусали, не давали уснуть.

Нам пришлось приспособиться спать на полыни, которую рвали прямо около бараков. От нее шел сильный едкий запах, который отпугивал блох, а у нас от этой травы сильно болела голова, но мы терпели. Заключенных подвергали всякого рода издевательствам. Брат, сестра и я все время просили есть. От истощения и голода много умирало людей. Их долго не забирали из бараков. Смертность была очень высокая. Из еды взрослым полагалось в день один литр баланды и 200 граммов хлеба, а детям - половина этой нормы.

Молодых и здоровых узников отправляли на Запад как рабочую силу. Среди угнанных в немецкое рабство была моя тетя Клава. После освобождения из плена она не вернулась на Родину. От тяжелого труда и болезней она скончалась по дороге.

В “Дулаге” № 142 находилось много моих родственников: дедушка Иван, бабушка Татьяна, моя мама Акси́нья, тетя Маша, сестра Антонина, брат Анатолий.

У меня на всю жизнь с того времени осталась отметина на ноге: большой шрам. Это напоминание из моего детства.

Вдруг немцы запаниковали, так как началось наступление Красной Армии, и стали готовить к уничтожению все бараки вместе с людьми.

Охранники обливали бараки какой-то горючей жидкостью и поджигали специальные факелы. Началась паника, люди готовились принять мученическую смерть. На наше счастье неожиданно появилась конная Красной Армии. Немцы от страха побросали факелы и бросились наутек.

Спасители помогли нам погрузиться в вагоны для перевозки скота. Дети радовались тому, что не видели фашистов, на полу вагона лежала чистая солома, а мы бегали и смеялись.

Наконец мы вернулись в родное село, которое было полностью сожжено. Наш дом, в котором размещался немецкий штаб, немцы, отступая, не сожгли. Дом был сожжен предателями, которые служили немцам. Вся наша семья вынуждена была жить в погребе. После возвращения домой через пять дней умерла мама, а через неделю - брат, а отец не вернулся с войны, пропал без вести.

Я благодарю Бога, что мы с сестрой выжили, и я хочу, чтобы никогда не было войны.

**ЕВГЕНИЙ ФИЛИППОВИЧ
КОВАЛЕВ**

ПРОВЕРКА НА ВЫЖИВАЕМОСТЬ

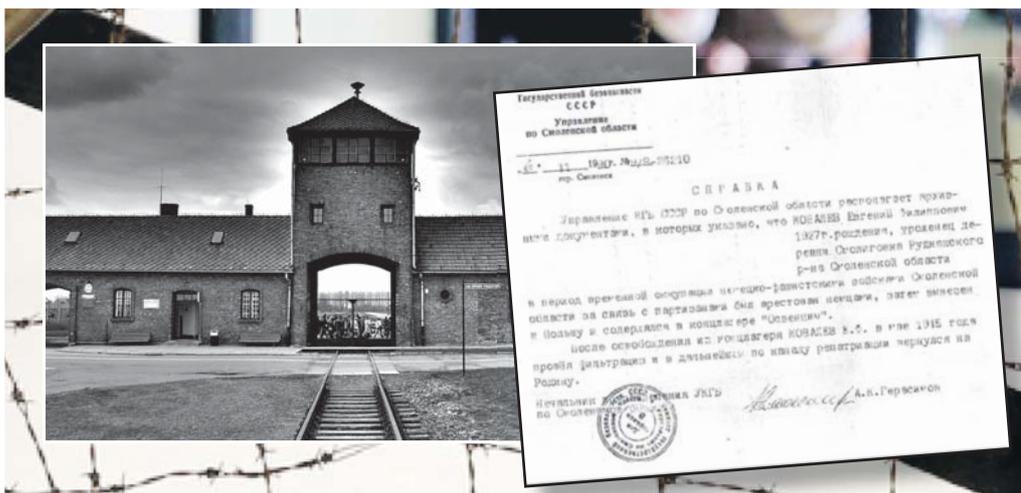
Я родился в декабре 1927 года в деревне Смолиговка Руднянского района Смоленской области. В нашей семье я был шестым ребенком. Когда мне исполнилось четыре года, родителей не стало, и старший брат взял меня в свою семью. Так я и жил до начала войны: то ли братом, то ли сыном. Когда началась война, все четыре моих брата ушли на фронт. Сестру вместе с несколькими работницами совхоза власти эвакуировали в Рязанскую область, так как они отгоняли всех совхозных коров. Времени было мало, поэтому животных гнали круглосуточно.

В середине июля Руднянский район на Смоленщине оккупировала немецкая армия. Красноармейцы стали укрываться в лесах, которые окружали нашу деревню. Сразу начали организовываться партизанские отряды, чтобы действовать в тылу врага. Им были необходимы данные разведки, оружие и продовольствие. Жители деревни хорошо это понимали, и,

несмотря на угрозы фашистов, помогали нашим парням. Таким подросткам, как я, давали задания: узнать, где сосредоточены немецкие автобазы, сколько и каких машин там находится, как охраняются мосты на железных и шоссейных дорогах, особенно по направлению Смоленск - Витебск. Получив от нас эти сведения, партизаны устраивали подрывы различных объектов. Немцы страшно боялись их, поэтому вырубали лес по обе стороны дорог на ширину 50 метров и запретили ночные перемещения не только по железным, но и по шоссейным дорогам. Через каждые 30-40 метров ночью ставили полицаев вдоль дорог. Но партизаны все равно умудрялись захватывать в плен охранников и

МУЖЕСТВО ДУХА

взрывать эшелоны с военной техникой. Так постоянно рискуя жизнью мы жили до мая 1943 года. Немцы проводили безжалостные карательные акции над местными жителями, которые помогали партизанам. На дорогах усилили контроль и проверку.

Был май. Мой друг Петр Лисичкин и я пошли в разведку. Но нас схватили каратели и отправили в тюрьму Рудни, город на западе Смоленской области, вблизи с Белоруссией. Как же нас палачи избивали, пытали, выведывая расположение партизан. Было мучительно тяжело под пытками, но мы молчали. Три месяца фашисты издевались и мучили нас, а потом вместе с другими заключенными погрузили в вагоны-“телятники” человек по 40 в каждый и куда-то повезли. Везли только по ночам несколько суток, воды и еды не давали. Лишь в городе Лида (запад Белоруссии) наконец дали воды и по куску хлеба. После этого погрузили в другие вагоны и повезли дальше. Мы, все избитые, грязные, оборванные, полуживые от холода и голода, долго ехали, не зная, что с нами будет. Неизвестность пугала. Когда прибыли в город, ярко освещенный электрическим светом, один наш парень спросил у охранника, что это за город. Тот ответил по-польски: “Аушвиц” (Освенцим).

Нас высадили, построили в колонну по 4 человека и погнали под охраной эсэсовцев с собаками в концлагерь. А затем в барак-санпропускник. Перед входом раздели и повели в барак, где остригли наголо и смазали голову дурнопахнущей жидкостью, которая жгла кожу как огонь, и плетками погнали под ледяной душ.

После душа всех одели в полосатую одежду и накололи на руке личный номер. У меня был номер 149568, он остался на моей руке на всю жизнь. Такой же номер нашили на левую сторону куртки, а на спине всем нарисовали красный крест. Вместо обуви выдали деревянные башмаки - сабо, которые сильно натирали ноги, щиколотки растирались до крови. При ходьбе испытывали сильную боль. Потом нас разместили в бараке, где по обе стороны стен располагались нары в три яруса. Этот барак назывался карантинным. Власти лагеря очень боялись тифа, поэтому каждое утро у нас измеряли температуру. Тех, у кого она не соответствовала норме, уводили навсегда в один конец. Об этом мы знали из рассказов наших русских военнопленных. Кормили плохо: утром давали чай, в обед похлебку из брюквы или турнепса, вечером чай и 200 г хлеба. Независимо от погоды каждое утро нас выгоняли на улицу и заставляли бегать до изнеможения, затем заставляли ложиться на землю и кататься, как бревно. Одновременно при этом избивали плетками и резиновыми шлангами. Такие "упражнения" продолжались до обеда. После обеда все повторялось заново. Карантин продолжался 20 дней. За это время численность народа в бараке уменьшилась до 150-170 человек из 700 заселенных вначале. После карантина нас перевели в другой лагерь и стали гонять на работу. Мы строили овощехранилище, копали яму для подвала, таскали носилки с землей и кирпичами. От изнурительной работы и голода мы стали похожи на скелетов, обтянутых кожей. Смертность узников резко возросла. Утром трупы умерших вытаскивали и укладывали в штабеля по 10-15 тел в каждом.

В конце 1944 года всех подростков собрали в один барак номер 29. На работу гонять перестали и приказали убирать лагерь от мусора. Мы грузили его на телегу и как лошади (8 человек) везли на специальную площадку. На выходе из лагеря у ворот были усажены на стулья трупы парней. Их укрепили со всех сторон палками, чтобы они не падали. Так каратели устрашали лагерников для предотвращения побегов. А мы и думать боялись о побеге. Каждый месяц в лагере проводили селекцию, безжалостно уничтожая сильно ослабевших (по методике доктора Менгеле). Недалеко от нашего барака стоял барак для цыган. Они жили там целыми семьями, на работу их не гоняли. Мы завидовали им и удивлялись. Оказалось, что их судьба страшнее нашей. Однажды ночью, в конце 1944 года, мы проснулись от жутких криков, стрельбы и гула машин. Утром узнали, что всех цыган расстреляли, а трупы вывезли на территорию крематория. А нас в конце января переселили в этот опустевший барак. Конечно же, мы решили, что подошла наша очередь в крематорий. Но, слава богу, через несколько дней к бараку подогнали несколько машин. Нас погрузили на них и повезли к железной дороге, где стояли пустые вагоны: посадили по 40 человек в каждый, а в середине ва-

гона разместились эсэсовцы с автоматами. Привезли в город Судеты, северная часть Чехии, и высадили на станции Габленск. Это был филиал концлагеря “Освенцим”. На второй день нас погнали на радиозавод, работали мы на втором этаже здания. На первом - находились механические цеха, где стояли токарные и другие станки. На них работали молодые мужчины в таких же полосатых штанах и куртках, как у нас. Они тоже были изможденными и больными. Из нас, прибывших, создали команду для укладки железнодорожных рельсов. На работу возили под усиленным конвоем. Целый день мы таскали носилки с песком, разравнивали его и укладывали рельсы. Этой работой я и наша команда занималась до конца апреля 1945 года. А в последние дни апреля мы убрали территорию лагеря. Стали хорошо слышны канонады артиллерии, гул самолетов и взрывы бомб. Появилась надежда на освобождение. Однажды на рассвете всех, кто мог двигаться, построили и велели погрузить на телеги имущество лагеря. Это были подушки, набитые древесной стружкой матрасы, кастрюли, ложки, миски, кружки. Выдали по одной буханке хлеба на четверых. Окружили автоматчиками и погнали из лагеря. Шли мы часа три без остановки до полного изнеможения. Вдруг нас обогнал броневик, его сопровождали еще и мотоциклы с фашистами. Но они зачем-то уехали вперед, а броневик встал впереди нашей колонны. Мы медленно еще час двигались к населенному пункту. Недалеко от него нас остановили на поляне и приказали сесть на землю. Броневик развернулся и нацелил на нас пулемет. Автоматчики тоже нацелили на нас автоматы. Наши нервы напряглись до предела. Один парнишка не выдержал, вскочил и закричал. Раздалась очередь автомата - парень упал за-

мертво. После этого мы боялись даже дышать громко. Вскоре мотоциклисты торопливо вернулись назад, и нас быстренько подняли и погнали обратно в сторону к нашему лагерю. По дороге постепенно от нас исчез броневик, потом уехали мотоциклисты, разбежались и автоматчики. С нами остались 3 чеха, они надели красные повязки и попросили нас вести себя спокойно и не разбегаться. Они представились нам как коммунисты из подпольной организации и сказали, что берут нас под свою защиту. В лагере они охраняли нас до 4 мая, до дня освобождения заключенных лагеря “Освенцим” Красной Армией.

Мы были такие слабые и немощные, что даже не смогли выразить свою радость и благодарность родным освободителям. Они вывезли нас на поезде в Польшу и разместили в проверочно-фильтрационном лагере возле города Бельск-Подляски. После проверки отправили на Родину.

По приезде в родную деревню меня ждали плохие новости: погибли все четверо моих братьев, в живых остались лишь я и сестра. Волей случая я оказался в Москве. После войны долго лечился, отслужил в армии, трудился на станкостроительном заводе слесарем-сборщиком и наладчиком автоматических линий. В 2005 году на 60-летие Победы в Великой Отечественной войне руководство радиостанции ВВС пригласило меня на международный форум “Жизнь народу моему”, посвященный 60-летию освобождения концлагеря “Освенцим”. Форум проходил в польском городе Кракове 27 января 2005 года. На этом международном мероприятии присутствовал Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин.

МУЖЕСТВО ДУХА

ЛЮДМИЛА ДМИТРИЕВНА КОЛОСОВА (ПОЛЯВЧЕНКО)

НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА

Наша семья с 1932 года жила в Белоруссии, в большом городе Витебске, на улице 3-й Социалистической, в доме № 7. Во время войны дом чудом уцелел и стоит до сих пор, хотя Витебск был весь разрушен.

Мой отец, Дмитрий Исаевич Полявченко, в самом начале Второй мировой войны одним из первых ушел добровольцем на фронт. Ему тогда было 38 лет. Моя мама, Антонина Петровна Шустик, осталась в 34 года без помощи и поддержки, одна с тремя дочерями. На руках у нее была только что родившаяся (в 1941 году) Тамара, трехлетняя Лариса и я - самая старшая из трех сестер - 9 лет. Моя бабушка (мамина мама) жила в Могилеве, в ее дом попал снаряд и разорвал все и всех - и бабушку Аню, и мою тетю Феню.

Скоро немцы пришли в Витебск. Первым был парашютист, он спустил-

Узник

Война -

*явление людское,
И беды все в ней
от людей,
А если враг в лице
фашизма -
Страдают люди
от "зверей".*

*Загнали нас сперва
в вагонки,
Потом в неволю
повезли,
Но помогли нам
партизаны,
И немцы в Вильнюс
привезли.*

ся в наш двор. Мы и наши соседи очень испугались, а немец еще больше испугался. Его ветер отнес не туда. Видно было, как он нервничает, выбираясь из парашюта. А потом куда-то ушел. Вскоре появился и целый десант немецких парашютистов. Так началась наша оккупационная жизнь.

До войны недалеко от нашего дома находилась база военной техники. Когда наши войска стали оттуда вывозить тяжелую технику, мы плакали, со страхом провожая воинов, отступавших в деревню Загорье. На месте этой военной базы немцы устроили для пленных концлагерь, обнесенный колючей проволокой в три ряда. Пленных было очень много, они все прибывали и прибывали.

Весной 1942 года немцы разрешили жителям посеять семена овощей на грядках. Почему-то один немецкий офицер, наблюдая за мамой, решил научить ее правильно сеять редис. Взял мамину руку и показал, как палочкой сделать бороздку, положить в нее семена и этой же палочкой чуть их прижать. Посмотрел, как мама усвоила урок, и ушел. Но вскоре вернулся. Мама и мы очень испугались. Зачем он пришел? Наша мама была очень красивая. Он что, начал приглядываться к ней? Оказывается, нет. Просто принес свое белье постирать. Мама побоялась отказать и постирала. За это получила от него буханку белого хлеба. За следующие стирки мама получала хлеб и чекушку спирта. Это было большое для нашей семьи подспорье. Ведь спирт ценился дороже денег. За одну чекушку давали 8 килограммов муки. Мы с мамой ходили в деревню Хотиничи. Там была мельница, на которой работали белорусы и русские. Вот у них мы и обменивали спирт на муку.

А потом пришла к нам большая беда. Мама не смогла не только стирать, но и ходить. Она тяжело заболела - ее ноги покрылись фурункулами. Более того, заболела и маленькая Тамара. Ее голова покрылась фурункулами, а это вообще смертельно опасно, тем более что девочке был всего годик. Но, к счастью, не все немцы - фашисты. Среди них встречались порядочные люди. И таким оказался наш странный благодетель. Он был врачом-хирургом и ему удалось вовремя спасти маму и Тамару. Малышку нашу потом окрестили, и она пошла на поправку. Мама опять начала стирать белье, а я относила его нашему спасителю в госпиталь. Получив хлеб, сахарок и четвертинку спирта, относила домой, а спирт потом обменивала на муку.

В нашей школе немцы забивали скот, и мы выпрашивали у них требуху и кишки, чтобы самим поесть и военнопленным перекинуть через проволоку. Бросали им все, что съедобно, даже сырую картошку и свеклу. Охрана, как не странно, разрешала нам это делать.

Голодные и больные пленные умирали и умирали. Я своими глазами видела подводы, груженные мертвыми телами. Их возили в сторону реки Дви-

на и фанерного завода (сейчас ДСК). С подвод свисали руки, ноги, головы умерших. Трупы грузили, как мешки, даже не прикрывали.

После войны на месте этого концлагеря опять был лагерь, только уже для немецких военнопленных.

В 1942 году я пошла в школу, во 2-й класс. Нас учили русскому языку, арифметике и Закону Божьему. Писать приходилось на старых газетах и на бумаге от бумажных мешков. Чернила делали из красной свеклы.

Мама ходила по деревням и меняла вещи на продукты. Иногда я ее встречала и помогала нести тяжелые сумки. Однажды в деревне Гришаны я попала в облаву. Немцы ловили партизан. Их было в Белоруссии очень много. Слава богу, меня отпустили. Сказали только: "Вэк, вэк!" Я побежала со всех ног домой. Мама была уже дома.

Наступил 1943 год. Немцы стали угонять молодежь на работы в Германию.

Поскольку у нас в доме было очень холодно, печку нечем было топить, мы с мамой ночью пошли на ветку, где стояли вагоны с торфом, и стащили целый мешок торфа. К сожалению, это увидел наш сосед и донес старосте Осиненко. И мы со страху решили, что ночью надо бежать в деревню Забега Лезненского района, где жила родня отца. Но не доехали до них, вернее, не дошли. Саночки, на которых мы везли Ларису и Тамару, перевернулись, и Тамара оказалась в ручье под мостиком. Мы постучались в чужой дом, где нас приняли и обогрели. Томочка, конечно, заболела, и мы вынуждены были вернуться домой, не зная еще, что всю родню отца (22 человека) полицаи закрыли в овне (сарая) и заживо сожгли за то, что мужчины из родни Полявченко были партизанами.

Наше недельное отсутствие староста взял на учет. Дней через 20 к нам приехали жандармы с бляхами на груди, один из них был в черном мундире. Маме припомнили и наш отъезд, и украденный торф. Я уже знала, чем это кончится, - маму увезли в "душегубке". Я осталась с двумя маленькими сестренками и так страдала, что билась головой о стену. Для нас наступил настоящий голод. Спасли семьи Роговых и Соколовых: они приносили картошку, кашу, жмых. В общем, кто что мог.

Я часто приходила к госпиталю с надеждой увидеть знакомого немца-хирурга. Наконец месяца через два увидела его и рассказала про маму. Но так и не знаю, понял он что-нибудь из моего рассказа или нет.

Через несколько дней он подъехал к нашему дому, посадил меня в свою машину и отвез на улицу Фрунзе, где находился лагерь для задержанных людей. Я зашла туда и увидела маму. Она и обрадовалась, и испугалась за меня. Я ей обо всем рассказала, но времени у нас для свидания было очень мало, так как хирург ждал меня у проходной.

Когда мы с ним проходили рядом с парком, где были повешены партизаны с табличками на шеях, он повернул мою голову в другую сторону, но я все-таки успела увидеть это жуткое зрелище.

Через три месяца мама вернулась домой. Ее в лагере сильно били резиновыми дубинками, потому спина была вся в синяках. Трудно и тяжело ей там пришлось, она даже частично потеряла память. Например, напрочь забыла месяцы и числа наших дней рождения (так что в паспортах у нас года рождений правильные, а месяцы и числа придумали в милиции).

В октябре 1943 года была новая волна отправки людей в Германию. Нам дали 5 минут на сборы и вме-

сте с нашими узелками увезли на ветку, где загнали в товарный вагон. Сформированный поезд из товарных вагонов, заполненных пленными людьми, закрыли на железки и повезли неведомо куда. По дороге ставили ведро перловой каши. Как в вагоне люди делили ее, я не помню.

Как оказалось, нас везли в Литву, в город Радвилишкис. Но партизаны все-таки за Вильнюсом успели взорвать рельсы. Пришлось немцам повернуть назад и загнать поезд в тупик. Когда на другом поезде нас все же привезли в Вильнюс, то от вокзала погнали на какие-то узкие улочки, где стояли пустые дома. А где же люди? Отсюда они могли уйти только на небеса - это было еврейское гетто с названием "Субачус". Десятками их каждый день расстреливали, и вот теперь на их место привезли нас.

Немцы распределили всех по рабочим местам. Я и мама работали в конторе уборщицами при фабрике пошива шинелей. Мыли полы, подметали двор, топили печки остатками от мебели. Маленькие дети были под присмотром специально назначенной женщины. В наш концлагерь привозили круглый чан с едой и раздавали по мискам - день супчик, день каша. Так и жили, пока не освободили нас в июне 1944 года наши войска.

Стали выдавать нам продукты, но их было так мало, что пришлось просить милостыню. В октябре нас отправили на Родину. Хотелось вернуться в Могилев, но там дом бабушкин сгорел, бабушки уже не было. Поселили нас в трех километрах от Могилева, в совхозе Вейно. Когда вернулся папа, он увез нас опять в Витебск.

**БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ
КОСТИН**

ДЕТСТВО, ПЕРВАННОЕ ВОЙНОЙ

В конце 1940 года мой отец - кадровый военный в звании майора был переведен по службе в город Волковыск Гродненской (в то время Белостокской) области Западной Белоруссии. Туда же, приблизительно в марте 1941 года, переехали я с братом и наша мама. В Волковыске мы с братом и закончили тот учебный год: я - первый, а он - седьмой класс школы.

Жизнь в той местности, недавно ставшей советской, поражала необычной для нас обстановкой, по сравнению с теми военными городками, где раньше нам приходилось жить. В городе еще функционировали частные магазины, которых давно не было в других местах, на улицах постоянно слышалась польская речь, да и весь облик города отли-

чался от того, к чему мы привыкли. Словом “заграница” тут чувствовалась во всем.

Нас поселили в довольно приличной по тем временам квартире. Снабжение продуктами и другими товарами также было относительно хорошим, чего не было в других местах нашего проживания.

Тревожила только близость советско-германской границы. Чуть ли не каждый день передавались слухи, что где-то поблизости задерживали немецких лазутчиков, шпионов, диверсантов. Это создавало у людей какую-то напряженность, но вместе с тем, как я сейчас представляю, случившуюся вскоре беду никто тогда по-настоящему не ожидал. К ней не готовились. Помню, что после окончания занятий в школе многие родители отправили своих детей в пионерский лагерь. Позже мы узнали, что этот лагерь немцы разбомбили в первый же день войны. Мои родители все же решили, что время недостаточно подходящее, чтобы отправить меня в этот лагерь. О брате речь не шла, так как он готовился к поступлению в Ленинградское артиллерийское училище, в которое как раз принимали подростков, окончивших семилетку. Я не помню, чтобы мои родители обсуждали вопрос, что делать и куда нам подаваться в случае начала войны с немцами.

Ночью с 21 на 22 июня отца срочно вызвали в часть. Никто из нас не придавал этому особого значения, так как такие вызовы были для нас привычны в связи с проводившимися учебными тревогами. Спустя некоторое время, когда мы еще спали, отец прибежал до-

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

мой, разбудил нас и сообщил, что немцы крупными силами напали на страну, началась война и что его часть получила приказ уже этим утром вступить в бой. Мать на скорую руку собрала ему в дорогу чего-то из продуктов. Он попрощался с нами, поцеловал меня и убежал в часть.

Так для нас началась война, а для меня закончилось детство.

После ухода отца мать тут же стала собирать и упаковывать в узлы и чемоданы наиболее необходимые и ценные вещи, наивно полагая, что в случае ухудшения ситуации мы уедем в Ленинград к ее отцу - нашему дедушке.

День 22 июня прошел в общем-то спокойно, только несколько раз высоко в небе пролетали одиночные немецкие самолеты. Узнавали мы их по какому-то,

отличавшемся от наших самолетов, более зловещему гулу. Никто от них не прятался.

Рано утром следующего дня нас разбудил страшный грохот близкого взрыва. Дом закачало, покосились и остановились настенные часы. Когда прошли первые мгновения страха, мы мигом оделись и выскочили на улицу. Кругом уже выли сирены воздушной тревоги. Неподалеку горел дом, в который попала бомба. По улице бежали люди, чтобы укрыться за городом. Во двор выскочила семья наших соседей поляков. Мать предложила им тоже убегать за город, но они заявили, что останутся в доме и будут молиться.

За городом не далеко от нашего дома на возвышенности простиралось огромное поле, засеянное рожью, туда мы и подались. А на город уже налетели самолеты и стали его бомбить. Загрохотали зенитки, в нескольких местах появились столбы дыма от горящих домов.

Спустя некоторое время прошел первый страх, и мы стали как-то отрешенно наблюдать за происходящим. С нашей возвышенности было хорошо видно, как город все больше и больше заволакивает дымом, как появляются все новые и новые партии бомбардировщиков и как бьют по ним наши зенитки, оставляя в небе маленькие белые облачка от разрывавшихся снарядов.

Бомбардировки продолжались весь день и когда к вечеру они прекратились - весь город был объят пламенем.

В это время мы увидели, что по полю мчится машина-пикап с одним из командиров нашей части. Выяснилось, что он получил задание разыскать семьи военных и ока-

зять им помощь в эвакуации из города. Сев в машину, мы поехали через горящий город, чтобы выбраться на шоссе, ведущее на восток. К нашему дому мы даже не пытались приблизиться, так как, во-первых, все делалось в огромной спешке, во-вторых, в том месте все было охвачено огнем и надежд, что наш деревянный дом уцелел, не было. Так под вечер второго дня войны мы выехали за город по горящим улицам. По шоссе, ведущему на восток, город покидали толпы обезумевших людей. Запомнилось, как в одной деревне, за городом, из горящей скотофермы доносился истошный вой животных.

Доехав до какой-то речушки, мост через которую был взорван, машина остановилась, перебравшись на другой берег, мы дальше пошли пешком.

Сейчас уже точно не помню, но, кажется, на другой день после этого нас подобрала на дороге проезжавшая полуторка с отступавшими военными и штатскими людьми. Через некоторое время показались немецкие самолеты. Машина остановилась прямо на дороге, все попрыгали из кузова и разбежались в разные стороны. Мы с братом успели добежать до находившегося поблизости картофельного поля и залегли между бороздами. А самолеты уже были над нами, засвистели бомбы. Взрывы прогремели совсем близко.

Когда все стихло, мы подошли к машине, оказалось, что никто от этого налета не пострадал, но мама, выпрыгнув из кузова, сильно вывихнула ногу, да так и лежала на дороге, пока продолжался налет. Кто-то попытался

вправить вывих, но это не удалось. Ступать на поврежденную ногу она не могла от резкой боли.

Машина и все наши попутчики уехали, а мы остались, вырезали в кустах большую рогатину, сделав из нее для мамы подобие костыля, и так через некоторое время поплелись дальше.

На ночь останавливались в деревнях, сараях, а то и просто в лесу, в кустах. С рассветом двигались дальше.

В белорусских деревнях, где мы просились на ночлег, принимали нас хорошо, чем могли, кормили.

В польских деревнях отношение к нам и особенно к отступающим военным было, как правило, враждебным. Рассказывали, что поляки даже убивали останавливавшихся пленных у них на ночлег. В одном месте хозяева прямо заявили, что они убивают всех ненавистных им русских. Мама, прилично владея польским языком, заявила, что мы тоже якобы по происхождению поляки, но живем в Ленинграде, а в этих местах оказались случайно, приехав навестить своих знакомых. Может быть, это спасло нас от расправы, но мама в ту ночь так и не спала. Больше мы в польских деревнях на ночлег не останавливались.

По дорогам на восток двигалось огромное количество беженцев, военных, среди которых было много раненых. Это движение измотанных, голодных, несчастных людей постоянно прерывали налеты фашистских самолетов. При их появлении люди разбегались, залегали на землю, прятались в кустах, канавах и вообще, где только можно было хоть как-то уберечься от пуль и осколков от бомб. В результате таких налетов оставалось множество убитых, тела которых быстро разлагались на жаре, испуская резкий трупный запах. Тела убитых осаждали тучи мух.

А самолеты наносили удары не только по скоплениям людей и техники, но буквально охотились за каждым человеком.

Как-то шли мы только втроем по проселочной дороге. Вдруг вдали показался низко летящий самолет. Мы по-

бежали через луг к находившемуся невдалеке лесу, но, видя, что добежать до него не успеем (мама все еще ковыляла на своем костыле), залегли на землю и укрылись, прихваченным мамой из дома зеленым одеялом, полагая, что оно хоть как-то замаскирует нас. Самолет пролетел над нами и прострочил из пулемета. Когда самолет удалился, мы опять побежали к лесу, но в это время увидели, что он снова разворачивается в нашу сторону. Мы залегли второй раз под наше одеяло, а он, пролетев над нами, вновь выпустил пулеметную очередь. На этот раз мы не поднимались до тех пор, пока он совсем не скрылся. Не верилось, что все обошлось благополучно.

В один из тех дней, по-видимому, где-то в районе Слонима на дороге появилась целая колонна наших военных машин, ехавших на восток. Мы проголосовали без особой надежды, что нас возьмут подвезти, но к нашему удивлению одна из машин остановилась, и нас усадили в кузов, где уже находилось человек пять военных. Выглядели они хорошо, по сравнению с теми, что брели по дорогам, каждый был при оружии. Расспросили, кто мы, откуда и куда идем. Мама им все правдиво рассказала о нас и об отце. О себе они ничего не рассказывали, да мы и не расспрашивали, и так было ясно, что это отступает какая-то наша часть. Выяснили только, что они не из Волковыска и отца не знают. Отнеслись они к нам с сочувствием, даже дали кусок хлеба.

По пути наша и другие машины из этой колонны периодически останавливались и подбирали таких же, как мы. Иногда вместе с гражданскими на машины садились одиночные военные и раненые. Так через некото-

рое время машины наполнились людьми. Казалось, что все складывается хорошо и мы вырвемся наконец из этого пекла. Однако постепенно возникло какое-то беспокойство. Недоумение вызывало то обстоятельство, что при появлении немецких самолетов все машины, не останавливаясь, продолжали свое движение, а самолеты, казалось, не замечают их. Так повторялось несколько раз. К вечеру вся колонна въехала в лес. Через некоторое время подъехали к большой поляне, окруженной лесом. Тут же были свежерытые окопы, из которых эта поляна хорошо просматривалась. Поступила команда: всем покинуть машины и укрыться в окопах до утра.

Вскоре появились немецкие самолеты и стали кружить над поляной. Раздалась команда: “Товарищи, немцы выбросили парашютистов, к бою”. Те военные, которых подбирали на дорогах, выскочили из окопов и побежали в сторону поляны. В это время началась винтовочная и пулеметная стрельба. Стреляли из окопов и те, кто подобрали нас. Прогремело несколько взрывов. Не знаю, как долго все это продолжалось, но, кажется, времени прошло немного. Когда самолеты улетели и все стихло, последовала уже категорическая команда: всем садиться опять на машины, поедem дальше. Но тех, кто подался в сторону поляны, уже не было.

Пока петляли по лесу, почти стемнело. Иногда машины останавливались, те, кто нас вез, подходили к другим машинам из этой колонны, о чем-то переговаривались с находившимися там людьми, иногда пускали вверх ракеты. В одном месте наша машина остановилась, и несколько сопровождавших нас военных скрылись в кустах

поблизости. Вскоре мы заметили в этих кустах людей в немецкой форме, которые о чем-то переговаривались с нашими попутчиками. Теперь все сомнения отпали и стало ясно, что мы находимся среди врагов. Лично я впал в состояние какой-то отрешенности, а мама, наклонившись ко мне и к брату, прошептала: “Это конец, давайте попрощаемся” и поцеловала нас. Но через некоторое время наши попутчики вернулись к машине, и мы поехали дальше.

Ехали всю ночь, петляли по каким-то дорогам, а мысли были заняты только тем, как бы отделаться от наших сопровождающих. Наконец такой случай представился. Утром, проезжая по лесной дороге, в одном месте была сильно разбита колея. Через это место машины проталкивали руками. Когда дошла очередь до нашей машины и ее стали проталкивать вперед, мы воспользовались возникшей сутолокой и незаметно скрылись в кустах.

Сейчас точно не помню, но уже после войны кто-то рассказывал, что эта автоколонна была задумана немцами как крупная разведывательно-диверсионная акция для проведения подрывной работы в тылу наших войск. Укомплектована она была собранными в Германии русскими эмигрантами, экипированными под военнослужащих Красной Армии, которые враждебно относились к Советскому Союзу. Где-то под Смоленском все это формирование было полностью уничтожено. Об этой же автоколонне упоминает в своей книге “Война” советский писатель Иван Стаднюк.

После того как мы благополучно отстали от этой колонны, весь путь до Минска продолжали пешком. В

одном месте на запад промчалось несколько наших танков. В этой обстановке всеобщего отступления, хаоса и паники появление наших танков, направлявшихся в сторону фронта, давало какую-то надежду, что немцы будут остановлены.

Чем дальше продвигались на восток, тем больше попадалось сожженных и покинутых деревень, на дорогах лежало брошенное оружие, стояли оставленные без горючего машины. Измотанные люди оставляли то немногое, что удалось прихватить из дома, не в силах нести на себе даже небольшой груз

Города мы обходили, так как их постоянно бомбили, отчего небо по ночам освещалось заревом пожаров. Огромное зарево каждую ночь стояло на востоке. Это горел Минск.

Все больше мучили голод и усталость. Однажды в стоявшей у дороги разбитой машине нашли несколько пачек концентрата горохового супа-пюре. Варить этот концентрат было некогда, негде, да и не в чем. Ели так - в сыром виде.

3 июля подошли к Минску. Что делается в городе - никто не знал, но вокруг стояла необычная тишина. Перед этим увидели страшную картину. На дороге стоял грузовик, весь изрешеченный пулями. По-видимому, его обстреляли из пулемета. С кабины свисалось окровавленное тело бойца-шофера. В кузове и около машины в лужах крови валялось много трупов военных и гражданских. Среди них девочка, наверно, моего возраста, у которой вся голова была размозжена пулями. До этого уже приходилось видеть много убитых и кро-

ви, но та картина запомнилась особо четко и до сих пор стоит перед глазами.

Вдали на дороге показалась большая группа людей. Ничего необычного в этом не было, но когда подошли ближе, оказалось, что это немцы принимали и сортировали людей, идущих в Минск. Поблизости в кустах стояло несколько немецких грузовиков с вооруженными солдатами. наших безоружных военных заставляли поднять руки, обыскивали, отбирали перочинные ножи, другие предметы личного пользования и под охранной отводили в сторону. гражданских заставляли показывать, что они несут, видимо, искали оружие, и направляли в сторону города, но без конвоиров. Поскольку у нас почти не было никакой ноши, заглянули в мамину дамскую сумочку, но ничего не отобрали. Брат был довольно рослым парнем и когда мы еще уходили из дома, к несчастью он одел военную одежду отца. Поэтому маме пришлось объяснять, что это ее сын и что ему только 15 лет. Иначе его тоже могли принять за военного. Немцы, переговорив о чем-то между собой, показали, чтобы мы шли дальше в сторону города.

Минск предстал в жутком виде. Город был сильно разрушен, а центр почти весь в руинах.

На ночь мы остановились в подвале какого-то небольшого уцелевшего дома у одной еврейской семьи. Нам рассказали, что город несколько дней, как занят немцами, гражданское население, в том числе и евреев, они не трогают и что нам следует идти на улицу Фрунзе, где размещают таких, как мы, беженцев.

Действительно, на улице Фрунзе, что почти в центре города, стояло единственное уцелевшее здание бывшего общежития медицинского института. Там уже находилось много беженцев, приняли и нас, поместив в крохотную отдельную комнату. На первом этаже была столовая, где раз в сутки выдавали по сто граммов хлеба и миску супа, состоявшего из воды и ложки перловой крупы.

В первые дни, пока у нас был еще концентрат горохового супа, варили его на кострах, которые во множестве разводились тут же около дома его обитателями. Но голод все больше давал знать о себе. Ходили на окраину города, где в заброшенных огородах около разрушенных домов можно было иногда, в уже перекопанных грядках, найти несколько картофелин. Однажды где-то достали немного крахмала, варили из него какое-то подобие киселя, даже пробовали печь крахмальные блины, которые скорее напоминали куски резины.

По городу прогоняли огромные колонны наших пленных. Это были изможденные, голодные люди. Тех, кто уже не мог идти, конвоиры пристреливали тут же на улицах. Потом их убивали. Однажды ночью со стороны центральной улицы, кажется, она называлась до войны Советской, раздалась сильная стрельба. Днем мы узнали, что конвоировали большую колонну пленных и они будто бы попытались разбежаться, тогда их немцы почти всех перестреляли.

Немцев в городе было много. На первый взгляд казалось, что такую армию не сможет сокрушить никакая сила. Вместе с тем уже в то время большинство людей в это не верило, хотя и распространялись слухи, что нем-

цами уже взят Ленинград и со дня на день должна пасть Москва. Людям и там было известно, что по радио выступали Сталин и Молотов, которые заверили, что фашисты получают сокрушительный отпор и будут разгромлены. В это верили.

А между тем вновь созданными властями стали расклеиваться угрожающие объявления, извещавшие, что за каждого убитого в городе немецкого офицера будут расстреливаться 100, а за убитого солдата - 10 заложников.

К концу лета наступил настоящий голод.

Я стал сильно слабеть и пухнуть от голода. Потом вообще свалился и не мог уже подниматься. В этот период у меня наступило состояние полной апатии и безразличия ко всему. Есть уже особенно не хотелось. Не знаю, какими нечеловеческими усилиями, но маме все же удалось подкормить меня и поставить на ноги. Она ходила по близлежащим деревням, и люди давали ей, кто кусок хлеба, кто немного картошки. Тогда многие ходили по деревням, выпрашивая у крестьян что-нибудь съестное, чтобы не умереть с голоду. Позже и я, когда немного окреп, ходил с мамой в такие походы, и с нами делились, чем только могли. За это на всю жизнь осталось чувство большой благодарности простым белорусским крестьянам. Очень нам помогла и одна женщина - врач из таких же беженцев, как и мы, которая организовала во дворе нашего дома какое-то подобие медпункта. К сожалению не помню как ее звали, но самые теплые воспоминания о ней в нашей семье остались навсегда.

Не успел я поправиться, как нагрянула другая беда - брат заболел дизентерией. Это было немудрено в тех условиях совершенной антисанитарии. Например, было такое нашествие вшей, что их уже не вылавливали, а просто вытряхивали из одежды или чем-нибудь соскабливали и кучами давили, но они тут же появлялись вновь.

И опять помогла наша добрая доктор. Несмотря на отсутствие необходимых лекарств, она какими-то своими препаратами вылечила брата, а из нас никто от него не заразился, хотя соблюдать какие-то, даже самые элементарные правила гигиены не было никакой возможности. Была и эпидемия тифа. Но нас она как-то миновала, хотя иногда приходилось в деревнях заходить в дома с тифозными больными, да и в нашем доме были случаи этого заболевания.

В начале осени нас и еще около сотни человек собрали и отвезли на заготовку торфа около станции Плисса. Разместили в бараках, кормили скверно. Взрослые, в том числе и мама с братом, с раннего утра и до позднего вечера работали на болоте. Нас, детей, работать не заставляли, поэтому мы имели возможность ходить по близлежащим деревням добывать еду. Это немного спасало от голода.

Помню на этих торфоразработках свирепствовал один молодой полицаи по фамилии Лопаник или Лобаник - человек с садистскими наклонностями, который никогда не расставался с плеткой и по любому поводу, а то и без повода мог отхлестать любого, кто попадался ему на глаза.

Однажды в расположение наших барачников на ночь пригнали человек 100 наших пленников и поместили их под открытым небом в загон за забором, где раньше, вероятно, содержали скот. Конвоировали их и охраняли полицаи-поляки. Выглядели пленные ужасно, люди были похожи на обтянутые кожей скелеты. Когда местные жители попытались бросать им через забор куски хлеба, картошку, огурцы, началась настоящая свалка, полицаи же набросились на них и стали избивать палками. Местных отогнали подальше от забора.

В другой раз, тоже поблизости конвоировали колонну пленников, и по пути части из них удалось разбежаться. Тогда полицаи остановили на узкоколейке поезд с платформой, на которой возвращались с торфяных болот наши рабочие, в том числе и брат, решив ими восполнить недостающее число пленников. Продержав их под охраной несколько часов, все же потом пустили, посчитав, что для восполнения числа сбежавших пленников их все равно не хватит, да и побоялись, наверное, таким образом обмануть немцев.

К концу ноября торфяные работы закончились, и мы вынуждены были пешком возвращаться опять в Минск. Когда проходили станцию Плисса - там стоял железнодорожный состав, на нескольких платформах которого лежали разбитые немецкие самолеты. Это радовало.

По Московскому шоссе на восток проносилось много автомашин с солдатами. В одном месте, около шоссе, на дереве был повешен человек с надписью на груди: "Я был партизан и стрелял в немецких солдат".

В новогоднюю ночь по всему городу поднялась беспорядочная стрельба. Так немцы отметили наступление 1942 года.

Вскоре после нового года нас и еще многих людей из нашего дома собрали и погнали на какой-то сборный пункт, где уже было довольно много народа. Там объявили, что нас отправляют на работу в Германию. Вечером погнали на станцию, где погрузили в товарные вагоны. Сейчас затрудняюсь сказать, как долго мы ехали, но помню, что на остановках конвоиры открывали вагон и проверяли, все ли на месте. Наконец приехали на какую-то станцию в Польше и всех доставили в лагерь, расположенный около деревни Рогозница (концентрационный лагерь “Гросс Розен”).

Лагерь представлял собой несколько деревянных барачков летнего типа с двухъярусными нарами. В каждом бараке имелась печка-буржуйка, но помещение от нее почти не нагревалось. В отдельных строениях размещалась кухня, охрана, администрация и еще какие-то службы. Содержались в лагере не только люди, привезенные из Минска, но и из других мест Белоруссии и России, а также небольшое количество поляков. Вся территория лагеря была обнесена колючей проволокой с вышками для охраны, на которых постоянно находились вооруженные солдаты.

Каждое утро на плацу выстраивали всех содержащихся в лагере и после их пересчета комендант или другие начальники делали различные объявления и распределяли на работы по уборке лагеря, расчистке от снега дорог и доставке из леса бревен, которые люди должны были тащить на себе и т.д. Детей на работы не гоняли.

За малейшее нарушение лагерного режима или, если, по мнению надзирателей, кто-то плохо работал, например принес недостаточно большое бревно, подвергали наказанию. Наказание заключалось в том, что на плацу выстраивали всех лагерников, тут же раздевали провинившегося и назначали обычно 25 ударов плеткой. Такие экзекуции совершались довольно часто. Особенно свирепствовали надзиратели муж и жена по фамилии Шмидт. Говорили, что они были немцами из Поволжья. Оба постоянно ходили с плетками и, как тот полицейский на торфоразработках, могли избить каждого, кто попадался им на глаза.

Кормили плохо, голод ощущался постоянно. Иногда по выходным дням разрешали к ограде подходить полякам из деревни и тогда люди выменивали вещи на продукты. В один из таких дней брат к своему дню рождения - 24 февраля - выменял свои часы на буханку хлеба, и мы отметили его 16-летие.

Наверное, в марте, потому что уже начались оттепели, нас опять погрузили в товарные вагоны и привезли в "Дахау". Здесь поместили в лагерь, но уже с капитальными постройками и трехъярусными нарами с разбросанной на них соломой. Были мы там непродолжительное время и всех подробностей я уже не помню. Запомнилось, что кормили там еще хуже, чем в "Гросс Розене", - какой-то похлебкой из кормовой репы. Помню, что в один из дней всех выгнали на улицу и заставили раздеться догола. Одежду отправили на дезинфекцию, а всех людей, сначала мужчин, а потом женщин пропустили через душевую. После этого каждому нама-

зали голову какой-то вонючей жидкостью против вшей. Помню, что когда меня вместе с другими загнали в подвальное помещение, где находилась душевая со множеством каких-то трубопроводов и баков, кто-то произнес: "Как бы они сейчас не напустили сюда газов, чтобы задушить нас". Видимо, люди уже в то время догадывались, что немцы таким путем уничтожали узников. Но все обошлось.

Спустя некоторое время нам и еще группе людей объявили, что нас направляют на сельскохозяйственные работы, посадили на поезд и привезли на какую-то станцию, а оттуда на грузовой машине доставили в городок Дуппау, под Карлсбадом (чешский Карловы Вары). Там нас определили на работу к помещику Хорсту Мюллеру в деревню Турч, что в пяти километрах к востоку от Дуппау. В Турч нас, кроме хозяина, сопровождал рослый мужчина в какой-то незнакомой нам военной форме, который управлял лошадьми, запряженными в телегу, доверху груженную мешками. Я был настолько слаб, что пройдя некоторое расстояние, сел на дороге не в силах двигаться дальше. Мама, несмотря на то что тоже была истощена до предела, взяла меня на руки, но при этом стала отставать от наших сопровождающих. Видя это, хозяин подошел к нам и, выяснив в чем дело, посадил меня на телегу. Так мы приехали в деревню.

Вид у нас был ужасный, от усталости еле передвигали ноги. Мой комбинезон, сшитый из одеяла, превратился в сплошные лохмотья с торчащими кусками грязной ваты. Завидя нас, немцы выходили на улицу из своих аккуратных домов и с любопытством глазели на неведо-

мых еще им русских. Можно только представить, какое впечатление мы на них производили. И в последующие дни к нам специально приходили жители деревни, чтобы посмотреть на нас. Им мы, наверное, казались какими-то дикарями из далекой России.

Местность эта - Судетская область, где нам теперь предстояло находиться, до 1939 года входила в состав Чехословакии, но всегда была заселена исключительно немцами и после Мюнхенского сговора вошла в состав Германии как ее составная часть.

У Мюллера было самое крупное хозяйство в деревне, называлось оно Мейерхоф. Семья его состояла из жены и двоих детей. От хозяйских детей мне дали, хоть и поношенную, но все же сравнительно приличную одежду. Кормили скудно, но гораздо лучше, чем до этого. Поместили нас в небольшую комнату при коровнике, служившую раньше подсобным помещением.

Вскоре после нашего прибытия меня с мамой послали работать в поле на сеялке. Управлял лошадьми опять тот мужчина, с которым мы прибыли из Дуппау. Когда хозяин, показав нам, что и как надо делать удалился, этот мужчина погрозил в его сторону своим огромным кулаком и стал объяснять, что сам он не немец, а пленный француз, что зовут его Рафаил и что в этой деревне есть лагерь военнопленных французских, где они находятся уже второй год, днем работают у хозяев, а на ночь собираются в лагере.

С помощью жестов и отдельных французских слов - мама еще в школе изучала французский, - узнали от Рафаила, что дела у немцев в России идут плохо.

Ленинград ими не взят, а под Москвой они потерпели поражение. Это была первая радостная для нас информация. В последующем французы постоянно информировали нас о событиях на фронтах. Откуда они получали эту информацию - не знаю, но она была правдивой. Ведь немцы рассказывали нам только о своих победах, о поражениях же предпочитали умалчивать. В отличие от нас французы получал хоть и небольшую, но все же помощь от Красного Креста. Иногда этой помощью они делились и с нами.

Я помню до войны в разговорах взрослых высказывалась мысль, что войну против нас могут развязать руководители Германии, народ же немецкий их не поддержит. На самом деле реальность была другой. В сознании абсолютного большинства немцев, во всяком случае в Судетах, глубоко сидел дух фашизма, силы собственного превосходства, безусловного преклонения перед Гитлером.

Правда, с течением времени и следующих одно за другим поражений на фронтах, получения нарастающего числа похоронок, ухудшения жизни и ощущений непосредственно на себе всех других факторов войны эти настроения постепенно менялись.

В тот же, начальный период нашего пребывания в Германии, большинство немцев искренне верили в свою победу, а к нам относились, как к рабам. Неоднократно приходилось слышать даже от простых людей, что в скором времени они получают на Украине или в России хорошую землю с батраками.

С 1944 года начались мощные налеты союзнической авиации, в том числе и в ночное время. От одного гула самолетов дрожали земля и стекла в окнах. Теперь по ночам можно было наблюдать дальние зарева от горящих уже немецких городов. Так продолжалось до самого конца войны. Во время налетов все работы обычно прекращались, и немцы, и мы прятались в подвалах, канавах и других укрытиях на случай возможной бомбежки деревни

Но нашу и другие близлежащие деревни не бомбили, только трижды, видимо, случайно сбрасывали бомбы в лес, которые взрываясь оставляли огромные воронки.

После таких налетов на полях можно было пачками собирать листовки на немецком языке. Помню одну листовку, в которой подробно излагалось поражение немцев под Сталинградом, со схемой их разгрома и фотографией плененного Паулюса. Когда немцы стали запускать свои ракеты ФАУ на Англию, а гебельсовская пропаганда разрекламировала их как свое новое секретное оружие, которое принесет им колоссальный успех, союзники тут же разбросали листовки со схемой и подробным описанием этих “секретных” ракет, отмечая их огромную стоимость и ничтожно малую эффективность. У нас появилась своеобразная забава. Бывало, соберешь пачку таких листовок и с невинным видом приносишь их управляющему - вот, мол, нашел в поле какие-то бумажки. Управляющий просматривал их и говорил: “Ладно, оставь у меня, разберусь”, но чувствовалось, что внутри у него все кипело от злости и страха.

В 1944 году большинство немцев уже понимали неотвратимость поражения в войне и испытывали страх перед той массой вывезенных в Германию русских, украинцев, белорусов, поляков, французов и людей других национальностей, которых предполагалось превратить в рабов.

Все чаще приезжали после ранений солдаты в краткосрочные отпуска. У многих из них настроение теперь было далеко не оптимистическое.

К весне 1945 года в той местности, где мы находились, уже реально чувствовалось приближение фронта и скорого окончания войны. Из немцев - стариков и инвалидов - был создан отряд так называемого фольксштурма (что-то вроде народного ополчения), на въезде в деревню заготовлены большие бревна с целью завала ими улиц для воспрепятствования движению военной техники противника, расклеено множество плакатов, призывавших население к бдительности и отпору врага.

Наконец стали появляться немецкие беженцы, которые двигались на запад в сторону Карлсбада. Их поток нарастал с каждым днем. Дороги заполнились гружеными телегами, бричками, и что было необычно, старинными каретами, запряженными лошадьми. На ночь все сараи и сеновалы заполнялись этими беженцами, а утром они опять подавались на запад в сторону Карлсбада.

Затем появились отступающие войска. Сначала это было организованное движение на машинах, с боевой техникой, потом разрозненными группами. Шли военные, женщины, старики, дети, раненые. На дорогах появилось много брошенного оружия и другого военно-

го снаряжения. Все это напоминало наше отступление. Разница заключалась только в том, что эти массы отступающих людей не подвергались, как мы в 1941 году, постоянным обстрелам и бомбежкам с воздуха.

Где-то в конце апреля был объявлен траур по погибшему Гитлеру. Подробностей никто толком не знал. Одни говорили, что он погиб в бою, другие - при бомбежке, третьи осторожно высказывали мысль, что он покончил жизнь самоубийством. Высказывалось также мнение, что он просто куда-то скрылся, а сведения о гибели специально распространяются пропагандой, чтобы замести его следы.

В начале мая нас уже никто не заставлял выходить на работу. Управляющий только просил исполнять самое необходимое - кормить скот, доить коров.

Интересно отметить, что в эти дни на Турч с востока налетело огромное количество ворон. Все окрестные поля превратились в какое-то черное каркающее месиво. Видимо, гром боев гнал этих птиц. Все люди, одни с ужасом, другие с радостью воспринимали это как явное приближение фронта и окончание войны.

И вот наконец на шоссе показалась знакомая полупортка. Это было 11 или 12 мая. Машина остановилась на въезде в деревню. К ней сразу же стали сбегаться наши люди. Мама на куске бумаги быстро написала какой-то лозунг, что-то вроде "Привет освободителям!", дала этот лозунг мне и мы тоже побежали к машине. Около нее в окружении собравшихся со всей деревни русских и украинцев стояли наш офицер и несколько солдат в непривычной для нас форме с погонами.

Не помню всего, что рассказывал офицер, остались в памяти только его слова, что война окончена, Германия капитулировала, и что мы можем теперь отправляться на Родину. Вместе с тем он не советовал спешить с отъездом, так как в стране, там, где прошла война, большие разрушения, плохо с продовольствием, да и дороги в Германии забиты войсками и перемещающимися людьми со всей Европы. К сожалению, не запомнилось, как звали того офицера и солдат, первыми прибывших в нашу деревню и известивших об окончании войны.

Офицер попросил показать дорогу на Дуппау. Мама, я и еще несколько человек забрались в кузов машины и приехали в Дуппау. Военные осмотрели некоторые дома. Затем вернулись в Турч, нас высадили, а сами уехали в сторону Комотау, откуда и появились.

...Немецкие беженцы. Одни из них стремились уйти в другие зоны оккупации, другие - возвратиться к своим покинутым домам, решив, что не так уж страшны эти русские, как их представляла нацистская пропаганда. Немцам на этих дорогах было труднее, чем всем остальным. Разделяя общие тяготы и лишения, они еще испытывали горечь поражения и чувство национальной вины за все случившееся. Менялось и наше отношение к ним. Чувство ненависти переходило в чувство сострадания ко всем этим попавшим в беду старикам, женщинам, детям.

...Во все концы по дорогам двигались и наши войска. Ехали на всем - на машинах, повозках, бричках, верхом на лошадях, с песнями, гармошками. Русские, украинцы, кавказцы, казахи, якуты - здесь можно было

встретить представителей любого народа, населявшего Советский Союз. К нам военные относились, как правило, хорошо. Но встречались и такие, кто смотрели на нас как на предателей и преступников, но это было редкостью.

Петляли мы по дорогам Германии долго. В каком-то городе нас остановили, потребовали сдать телегу и лошадей, а самих направили в фильтрационный лагерь, где уже находилось много таких, как мы. Разместили в большом здании казарменного типа.

Началась унижительная процедура проверки на предмет выявления возможного сотрудничества с оккупантами.

Когда закончилась проверка, объявили, что транспорта для отправки нас на Родину в данное время нет и что желающие могут организованно двигаться даль-

ше пешком. По-моему, все содержащиеся в этом лагере согласились следовать пешим порядком. Как и большинство других, мы раздобыли где-то маленькую тележку и в сопровождении нескольких специально выделенных офицеров огромной колонной растянувшейся на несколько километров, двинулись на восток.

Сейчас трудно сказать сколько было пройдено километров, но шли долго. Когда дошли до старой польской границы, всех людей посадили на американские грузовые “студебекеры”. На них мы проехали через всю Польшу до Украины. Там, где-то подо Львовом, всех людей высадили в открытом поле и продержали еще какое-то время.

Наконец объявили, что мы можем разъезжаться по домам, но при этом каждого ознакомили со списком городов и местностей, где нам запрещалось останавливаться на постоянное жительство. Среди таких городов на первом месте стояли Москва и Ленинград.

Мы с мамой решили все же добраться до Ленинграда, ведь там проживал дедушка - мамин отец. Все эти годы о его судьбе мы ничего не знали. Не знали и что с отцом, где он, жив ли. Ничего не было известно о судьбе брата, которого призвали в армию.

Из Львова, на товарных платформах, со многими пересадками добрались до Ленинградской области. Там на какой-то станции вместе с такими же людьми, возвращавшимися из Германии, завербовались на работу в город Новая Ладога. Вербовщик нарисовал нам очень хорошие условия работы на рыбконсервном заводе и выдал какие-то справки-направления, которые давали возможность ехать через Ленинград.

И вот мы в Ленинграде, идем на Васильевский остров, находим дедушкин дом. В квартире оказываются незнакомые люди, которые ничего не могут сказать о дедушке и его соседях по квартире. Наконец, в соседней квартире находим одну женщину, пережившую блокаду, которая рассказала, что в начале войны дедушка, зная, что творилось в той местности, где на-ходились мы, и не получая от нас никаких известий, решил, что все мы погибли. Потом началась блокада, наступила зима, голод. В один из дней он вышел на улицу, упал от слабости и умер. В настоящее время он покоится на Пискаревском кладбище в Петербурге. Умерли в блокаду и все его соседи по квартире.

Эту женщину и жильцов бывшей дедушкиной квартиры мы попросили, что если нас кто-нибудь будет разыскивать, то сообщать, что мы находимся в Новой Ладоге.

В Новой Ладоге оказалось, что маме предстоит работать не на рыбоконсервном заводе, как обещал тот вербовщик, а в общежитии судоремонтного завода. Но нам при общежитии выделили небольшую комнату. Я пошел в школу, занятия там уже давно начались.

Каждый раз возвращаясь из школы и проходя мимо почты, я заходил туда и спрашивал, нет ли нам письма. Со временем стоило мне только показаться на почте, как работницы говорили: “Мальчик, тебе ничего нет”.

Наступил 1946 год. Во время зимних каникул я на почту не ходил, а когда начались занятия, как обычно, опять заглянул туда. Не успел я еще подойти к окошку, как мне сообщили, что нам есть два письма. Письма пришли от отца и от брата.

Это было самое радостное для нас событие после окончания войны.

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

НЕЛЛИ ИВАНОВНА КОРОТКОВА ЭТО БЫЛО В “НАШЕЙ УКРАИНЕ”

Родилась я в 1938 году в станице Варениковская, в западной части Краснодарского края. Я и мой старший брат Вадим большую часть времени жили с бабушкой и дедушкой, поскольку родители наши были военными людьми и много времени находились в своих воинских подразделениях. Мне очень нравилось жить у бабушки. У нее был большой сад, где росли яблони, груши, черешни, персики и абрикосы. Кроме того, бабушка очень любила разводить цветы; все лето наш двор был похож на цветочный ковер. Но началась война. Отец и мама ушли на фронт. А мы стали ждать скорую победу. Так прошел целый год. Фашисты стали подходить к нашему краю. Поскольку мы - семья военных, пощады от врага ждать не приходилось. Бабушка решила поехать в Крым к родственникам, но не успела.

Немцы оккупировали нашу территорию ранней весной 1942 года. Вдруг налетели немецкие самолеты и стали бомбить наши дома. В соседний дом попала бомба. Погибли четверо взрослых и трое детей. Всем нам было очень страшно, и мы стали прятаться от бомбежек в убежищах и ямах. Вскоре появились немецкие мотоциклисты. Солдаты разместились в наших домах, а мы стали жить в дворовых постройках. Они собрали весь народ станицы на площади и

объяснили новые условия проживания в условиях войны. Велели составить списки цыган, евреев и коммунистов. Предатели нашлись. Затем немцы стали изымать у населения продовольственные запасы и домашний скот. На нашем участке возле дома прямо на клумбах цветов была размещена военная техника.

Мой дедушка, Сотниченко Андрей Григорьевич, был сильно удручен создавшимся положением, поскольку еще при царской власти он был патриотом и революционером, несколько лет сидел в тюрьме. После революции активно участвовал в установлении советской власти в Краснодарском крае. В молодости он был очень красивым, высоким, стройным юношей, и моя бабушка сильно в него влюбилась. Но родители были против такого жениха. Бабушка проявила твердость характера и пригрозила родителям, что отрежет косу и уйдет в монастырь. Родителям пришлось играть свадьбу. У них было двое детей: моя мама и младший сын (мой дядя). К началу войны ему было 18 лет. Когда в станицу вошли немцы, он ушел в лес к партизанам. Дедушка оставался дома и собирал сведения военного назначения. Время от времени дядя тайно приходил домой за необходимыми сведениями. Об этом узнали соседи, и один из них донес немцам о неблагонадежности нашей семьи.

В одну осеннюю холодную ночь к нам в дом пришли полицаи и забрали дедушку. Дядя сумел выскочить в другую дверь и уйти в лес. Рано утром к нам пришли каратели и прямо из кроваток меня и брата почти раздетыми понесли на улицу, а потом и на главную площадь, где уже было много людей. В центре площади

была вырыта яма, рядом стояли автоматчики с оружием в руках. Дедушка уже был привязан к столбу. Меня, брата и бабушку поставили рядом. Через переводчика комендант сообщал народу, что устраивается показательная казнь за пособничество партизанам. Автоматчики уже стали наводить на нас дула орудий, но произошло чудо. Вдруг в небе появились самолеты с красными звездами на фюзеляже и стали обстреливать все вокруг. Немцы и полицаи попадали на землю; я и бабушка воспользовались моментом и убежали огородами в лес. Дедушка остался. Больше мы его не видели.

Когда все стихло, мы с бабушкой ушли на хутор к подруге бабушки. Так как немцы нас искали, нам приходилось часто менять место жительства. Однажды мы попали в облаву. Сначала нас повели на сборный пункт, а затем погнали в северном направлении. Отдыхали ночью на поле под открытым небом. Многие пытались бежать. В них стреляли. Утром взрослые закапывали убитых и шли дальше. Убегали молодые парни и девушки. Фактически убегали от жизни. Мы шли пешком в туче пыли, страдая от изобилия насекомых, жары, высокой влажности, исходящей от плавней Кубани. Очень мучила жажда.

С большими трудностями мы добрались до паромной переправы возле станицы Кавказ и поодаль от оживленных мест решили переночевать. Вот здесь-то мы и попали под вторую облаву. Патрули (украинцы) с грубостью и бранью доставили нас на паром. Утром вышли в море. Едва мы покинули бухту, как над нами стали летать наши самолеты. Мы, дети, стояли

на палубе и махали платками, показывая летчикам, что здесь гражданское население. Они нас пропустили в Керчь. По прибытии в Крым нас пешком повели в северном направлении без еды и воды. Все страдали от зноя, жажды и пыльно-соленого ветра, дующего с болот Сиваша. Только в конце пути нас подвезли на грузовых машинах. Привезли в город Джанкой, где поблизости располагался лагерь-распределитель для перемещенных граждан и военнопленных солдат. Люди жили в тесноте, голоде, страдали от множества кровососущих насекомых, в изобилии присутствующих в бараках.

Но нас держали недолго. Гражданское население посадили в вагоны и повезли сначала в сторону Херсона, затем в сторону Николаева.

Недалеко от Каховского водохранилища в небе появились наши самолеты и стали бомбить военные объекты немцев. Пострадал и наш состав. Возле станции Каменка был построен лагерь, который враги назвали: "Наша Украина". Территорию обнесли колючей проволокой, коровники переоборудовали под жилье. Лагерь разделили на две части; с одной стороны жили военнопленные, с другой - мы. Кормили всех два раза в день баландой, которая состояла из воды, овощей и отрубей. Подростков и взрослых стали возить на работу. Они ремонтировали железные и шоссейные дороги, убирали урожай зерновых, подсолнечника и клубнеплодов. Пожилые женщины оставались в лагере. Они присматривали за нами, детьми, убирали барак. Все очень страдали от "полчищ" клопов и блох.

Лагерь военнопленных жил своей жизнью. Поскольку территория лагеря находилась в зоне, подвластной румынам, они вели допросы, казнили или миловали. Мы часто слышали и видели, как избивали и пытали наших парней. Дважды пришлось видеть расстрел. Эти видения преследуют меня всю жизнь. В нашей части лагеря румыны являлись и распорядителями, и охранниками, и сопровождающими на работы. Это были жестокие люди. За малейшую провинность избивали. Они не позволяли брать приношения от местных жителей. За малейшую провинность детей избивали, иногда до смерти. В лагере не было врачей, нормы санитарной гигиены практически не соблюдались. Люди умирали от инфекционных болезней, травм, полученных на работе, недосыпания и недоедания. Дети спали в отдельной части барака, где было тише и чище, но всю ночь донимали вши и клопы.

Не знаю, что было бы с нами, если бы не подошла Красная Армия, освободившая нас осенью 1943 года. Люди стали быстро расходиться в разные стороны, стремясь скорее попасть на родину. Нам тоже удалось сесть на открытую низкую платформу товарного вагона. Было холодно и дождливо. Ночью бабушка нас прикрыла прихваченным в лагере немецким грубошерстным одеялом, а сама легла с краю. Вдруг она почувствовала, что какая-то сила тянет ее с вагона. Она уцепилась за стойку, держалась, громко просила о помощи. Выяснилось, что это были бандиты, промышлявшие на железных

дорогах. Они баграми стаскивали с вагонов все, что плохо лежало. После этого случая взрослые организовали ночные дежурства. С большим трудом доехали до своей станицы.

С радостными чувствами мы добирались от станции к своему дому. К счастью, он уцелел, но вместо сада, огорода и цветников была утрамбованная площадка для размещения тяжелой техники. В доме остались только стены. Постепенно стали обживать и ждать возвращения с фронта папы и мамы. Через год получили две похоронки. Мы долго и много плакали, но время лечит. Я и Вадим стали ходить в школу. Надо отдать должное советской власти. Мы, как семья сирот, родители которых погибли на фронте, часто получали продовольственные наборы. Иногда давали даже отрезки тканей и обувь. Помощь нам оказывали довольно долго (около 10 лет).

После смерти бабушки я переехала жить в Симферополь к дяде - брату отца, где окончила десятилетку. У отца было восемь братьев; все они стали военными. До Победы дожили двое из них. Один вскоре умер от тяжелой контузии, полученной на фронте. Дядя говорил, что все они происходили из рода потомственных военных. Он очень сожалел, что на их поколении род военных прервался. Но я думаю - не совсем. Впоследствии я вышла замуж за военного и почти 40 лет разделяла с ним жизнь, растила детей, теперь ращу внуков. До сих пор благодарю судьбу за то, что оставила меня и брата живыми. Надеюсь, что кто-то из внуков станет военным.

**ЕВГЕНИЯ КОНСТАНТИНОВНА
КОКОРИНА**

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВОЛЕ

Родилась я в 1936 году в Новороссийске. Здесь и застала война младшую сестричку, меня, отца и мать летом 1942 года. Сначала длительная канонада в окрестностях города, воздушные бои, тела убитых моряков, а затем появились немецкие солдаты на улицах города. Сразу опустели магазины, отец ушел в горы, мать осталась с нами. Было очень голодно. Однажды мама достала шкуру коровы, попробовала ее сварить, но не сумела. Тогда она по рецепту бабушки сделала из шкуры мыло, затем поменяла на рынке это мыло на яйца. Когда с группой женщин возвращалась домой, на них напали немецкие солдаты и стали отнимать продукты. Другие женщины все отдали, а мама стала сопротивляться. Немецкий солдат застрелил ее.

В первое время от нас скрывали факт смерти матери. Мы узнали о трагедии лишь на похоронах, когда надо было бросить горсть земли в могилу, вырытую в саду возле дома под яблоней, поскольку на кладбище, находившемся за пределами города, прохода не было. Мы много и долго плакали, звали свою мамочку, но она не приходила. Чтобы ухаживать за нами, вернулся из леса отец.

Осенью немцы решили отправлять молодежь на работы в Германию. Сначала они хотели отделить детей от взрослых, но женщины устроили такой крик, так сопротивлялись, не отпуская от себя детей, что немцы вынуждены были смириться. Нас вместе с отцом и другими жителями города долго везли на машинах в северном направлении вдоль берега Черного моря через город Ростов-на-Дону. По дороге мы часто попадали под бомбежки. Часть беженцев погибла, но нам повезло. Мы думаем, что только ради нас в этой поездке рядом с нами появилась мачеха - красивая молодая женщина из беженок. Она все время, что была рядом, ухаживала за нами.

Конечным пунктом путешествия стал город Севастополь. Людей расселили в частных домах. Нашу семью поселили в доме пожилой женщины. Она помогала нам с пропитанием. Однажды ночью во время патрульной проверки случилось так, что шторы не полностью прикрывали свет из окна дома. Немцы ворвались к ней в комнату и зверски изнасиловали. В течение нескольких дней после этого она не смогла встать с постели. Мачеха помогла ей восстановить здоровье.

В городе нашлись добрые люди, которые сумели показать беженцам героические места и памятники героям Крымской войны 1853-1856 годов. Так люди прощались с Родиной. На следующий день всех привезли в морской порт, посадили на судно, которое шло в сторону Болгарии. Сестренку сильно укачивало. Отец с мачехой были с нею в трюме, а я подолгу стояла на палубе, смотрела на морские волны, плаваю-

щие мины, крупный мусор от подорвавшихся на минах и при бомбежках морских транспортных средств. Нам повезло, так как у руля стоял очень опытный капитан. Он вел судно очень аккуратно, галсами, делал много маневров при бомбежках и сумел довести судно до Румынии. Там мы и другие переселенцы попали на сборный пункт раненых людей, где впервые увидели ужасные последствия войны - тысячи искалеченных, сильно страдающих мужчин, женщин и детей, попавших под бомбежки как в водах Черного моря, так и в прибрежной зоне.

Там забрали и увели отца и других мужчин. Женщин и детей посадили на баржу и отправили вверх по Дунаю. Мы сильно тосковали по отцу. Много плакали. Хорошо, что рядом была мачеха. Она успокаивала, кормила, ласкала. Через день мы заметили бегущего параллельно судну человека. Потом выяснили, что это мужчина, а потом в этом мужчине узнали своего отца. Радости не было предела. Отец тоже нас узнал и помахал рукой, приветствуя и подбадривая. Иногда он на несколько часов исчезал, потом снова появлялся. Так было трое суток. Затем отец на несколько дней пропал из поля зрения, но мы надеялись на встречу. Впоследствии отец не захотел рассказывать об этой "марафонской" дистанции. По приезде в Германию всех пересадили на автомашины и привезли в город Швелм - конечный пункт "путешествия".

Людей разместили в лагере для военнопленных. По периметру лагеря постоянно ходили охранники со злыми собаками. Было холодно и голодно. Весной 1943 года нашу семью забрал и привез к себе

в имение хозяин пуговичной фабрики. Мачеха стала работать на полях, отец - на фабрике. Жилось нелегко, часто голодали. Светлой памятью запомнилась одна немецкая семья из соседнего дома. По выходным дням иногда они приглашали младшую сестричку в гости, угощали вкусными блюдами и провожали домой с фруктами для меня. Война вновь напомнила о себе весной 1945 года, когда американцы начали ковровую бомбежку окрестностей города, в том числе и мест расположения лагерей с нашими военнопленными. Люди укрывались в бомбоубежищах домов, в которых жили или работали. К счастью, все в нашей семье остались живы.

После освобождения территории американцами хозяин фабрики предлагал отцу остаться. Были предложения поехать жить во Францию, но вся семья твердо решила вернуться на Родину. Осенью мы уже были в Краснодаре у бабушки, но, к сожалению, без мачехи. Она уехала к себе домой.

Я и сестра жили с отцом и бабушкой, окончили среднюю школу, по настоянию отца стали осваивать рабочие специальности. Я хотела учиться дальше, но отец не разрешал куда-либо уезжать. Тайно я все же уехала в Москву, окончила текстильный техникум. Обида на отца долго не проходила, и только став матерью, я поняла: его поведение было обусловлено глубокой любовью к своим девочкам, острым нежеланием опять терять друг друга, как тогда на Дунае. С мужем - военным топографом - мы много ездили по стране, бывали за границей. Все трудности уже казались не столь значительными по сравнению с теми, что пришлось испытать во время войны.

**НАДЕЖДА ЕГОРОВНА
КРАСОВСКАЯ**

**ДЕТСКИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ**

Я родилась в 1937 году в деревне Жолобово Новоскольнического района Псковской области. Наша деревня была окружена лесами, где росло множество ягодных кустарников.

Всем - и детям, и взрослым - доставляло большое удовольствие и радость собирать ягоды и есть их прямо с куста. Через деревню протекала небольшая речушка, на берегах которой летом мы, дети, счастливо проводили много времени в играх и купании.

Но началась война. Отец ушел на фронт защищать свою семью и Родину от немецко-фашистских захватчиков. Мама осталась с четырьмя детками - мал-мала меньше. Старшему было 7 лет, а младшему не исполнилось еще и года. Фашисты захватили деревню в ноябре 1941-го и нашу семью сразу выгнали на улицу, отобрали съестные запасы и теплую одежду. Пришлось поселиться в погребе прямо на куче картошки. Укрывались мы старой одеждой, еду мама готовила на улице. Но надвигалась зима. Позже мама вырыла землянку (даже устроила в ней небольшое оконце и потом оборудовала еще и печку). Стало свободнее, светлее и теплее.

Недалеко от нас находилась железнодорожная узловая станция Новосokolьники, от которой прямая дорога шла в сторону Москвы, Ленинграда, в Латвию и Белоруссию. Охраняло этот стратегически важный железнодорожный узел подразделение, отличающееся особой жестокостью, состоящее из прибалтов: эстонцев и финнов. Поселились они не только в Новосokolьниках, но и в ближайших деревнях, в том числе и в нашей.

Эти оккупанты особенно зверски относились к местному населению: запросто могли застрелить пожилого человека, потому что он старый, ногами потоптать беременную женщину. Все делалось для того, чтобы вселить в людей страх и повиновение.

В конце 1943 года жителей нашего района начали партиями отправлять на рабский труд на запад, в Германию. Прежде всего хватали подростков (их грузили в вагоны, в которых когда-то перевозили скот). У матерей началась паника, и они стали придумывать, как "покалечить" своих детей, чтобы их сделать не пригодными к отправке. Запомнился один случай: наша родственница сунула руку своей дочери в кипяток. Повреждение оказалось настолько опасным, что врачам пришлось ампутировать руку. Девочка на всю жизнь осталась инвалидом. Матерей с детьми, в том числе и нас, везли в битком набитых открытых вагонах. Было очень холодно. Однажды по дороге отвалилась стенка платформы. Люди, сидевшие возле этой стенки попадали вниз под откос. Были слышны отчаянные крики попавших под колеса людей, но поезд не затормозил, чтобы забрать раненых, а поехал дальше. Там осталось лежать примерно четверть пассажиров нашего вагона.

Привезли нас в Литву и высадили на станции Кайда-нис. В течение дня приезжали мужчины на лошадях, запряженных в большие телеги. Они отбирали как батраков для своего хозяйства те семьи, где было мало детей (один или два ребенка, так как им не нужны были лишние рты). Нашу семью забрали только на следующий день. Привезли на одинокий хутор, поселили в пристройке к скотному двору. Спали мы на соломе, набросанной на полу. Батрачить заставили всех. Маме пришлось работать на мельнице - крутить вручную тяжелый камень целый день. Старшая сестра пасла коров, а мы с братиком пасли уток и гусей. Мне кажется, что столь суровые условия жизни создавала хозяйка хутора. С нами она была груба и жестока и отличалась невероятной жадностью. В качестве еды выдавала нам отходы помола, мякину с небольшим количеством отрубей. Если мама просила немного картошки, то получала очистки. От жутких условий мы начали болеть: сначала простуда, а потом тиф. Младший братик умер, а мы еле выжили. Хозяева нам ничем не помогали.

Мама приняла решение уйти от этих бездушных людей. Местные власти направили нас на другую ферму, но отношение к нам не стало лучше.

Осенью 1944 года нас освободили из рабства воины Красной Армии. Мы поехали на свою родину, в свою деревню, и встретили одно пепелище от нашего дома. Пришлось устраиваться в Новосокольниках, где еще жили люди, и вся наша семья вынуждена была ходить и просить милостыню на пропитание.

С помощью местных властей построили маленький домик из разобранных шпал и прочего подходящего строительного материала. Вокруг вся местность была

заминирована. Много людей подрывалось на этих минах. Мне очень жаль тех, кто сумел выжить в концлагерях, но погиб рядом с родным домом. Потом приехали саперы и разминировали опасные участки.

И в нашем районе, и по всей Псковщине можно было встретить семьи, которым приходилось батрачить на хуторах. Из Германии и Польши мало кто вернулся на Родину. Численность коренного населения значительно сократилась.

После окончания средней школы, после десятого класса, получив аттестат, я уехала в Пермь. Окончила педагогический институт имени Горького, вышла замуж за военного. Наша семья побывала в разных местах. Потом переехали в Москву, мы с мужем вырастили дочь, внуков, я преподавала в школе.

Сейчас активно занимаюсь общественной работой по патриотическому воспитанию молодежи.

САНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ

(РАНЕННЫЕ, КОНТУЖЕННЫЕ,
ЗАБОЛЕВШИЕ, ОБМОРОЖЕННЫЕ И
ОБОЖЖЕННЫЕ) - **18 344 148**

ОБЩИЕ ПОТЕРИ ШТРАФНЫХ РОТ И БАТАЛЬОНОВ -

170 298 ЧЕЛОВЕК (В ШТРАФНЫЕ
БАТАЛЬОНЫ И РОТЫ ЗА ВСЮ ВОЙНУ
НАПРАВЛЕНО 427 910 ЧЕЛОВЕК).

ИСТОЧНИК: "РОССИЯ И СССР В ВОЙНАХ XX ВЕКА
(СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)" - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

ЛИДИЯ КОНСТАНТИНОВНА КРЮКОВА

БРЕМЕНСКИЕ УЗНИКИ

В основу этого рассказа легли воспоминания моей мамы, Александры Дмитриевны, старшего брата, Володи, семейные видеофильмы, а также мои яркие впечатления раннего детства.

Мой папа, Воробьев Константин Дмитриевич, был офицером Красной Армии. Его военная карьера началась с участия в военных действиях с белофиннами. Затем в 1940 году 84-ю моторизованную дивизию, в которой он служил, перевели в Литву, в Вильнюс. Папа командовал 201-м взводом мотострелкового полка. С самых первых часов войны его полк вступил в бой на границе. 28 июня 1941 года папа погиб при переправе через реку Вилия после массированного налета немецких люфтваффе.

*Мама,
Александра
Дмитриевна,
фото
с лагерным
номером.*

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

Мама, Александра Дмитриевна Воробьева (Тихонова), всегда находилась рядом с мужем. К началу войны на руках у нее были: брат Володя (7 лет) и сестра Галина (два года) и через три месяца после начала войны, в сентябре 1941 года, родилась я. Семьи командиров Красной Армии жили друг с другом по соседству. Ночью 21 июня пришла соседка по фамилии Сухимцева и сказала: “Готовьтесь, будет война”. Все военные в это время находились в летних лагерях на учениях. От отца приехал вестовой с приказом: “Срочно доставить семью в летние лагеря. Скоро полетят “комары”: подразумевалось, что начнется война. (Нельзя было открыто говорить, что начинается война. Паникеров расстреливали.) Женщинам дали 30 минут на сборы. Сложили быстро все необходимое в фанерный ящик и поехали в казармы. Началась бомбежка, а когда все стихло, вылезли из бункера и вернулись в город. Увидеться с мужем, отцом не довелось.

Вильнюс был захвачен немцами 24 июня 1941 года. В сентябре 1941-го каратели проводили поголовное уничтожение евреев из Вильнюсского гет-

*Папа,
Константин
Дмитриевич
(в кресле),
накануне войны*

*Лидия
в детстве,
фотоателье,
г. Бремен,
1945 г.*

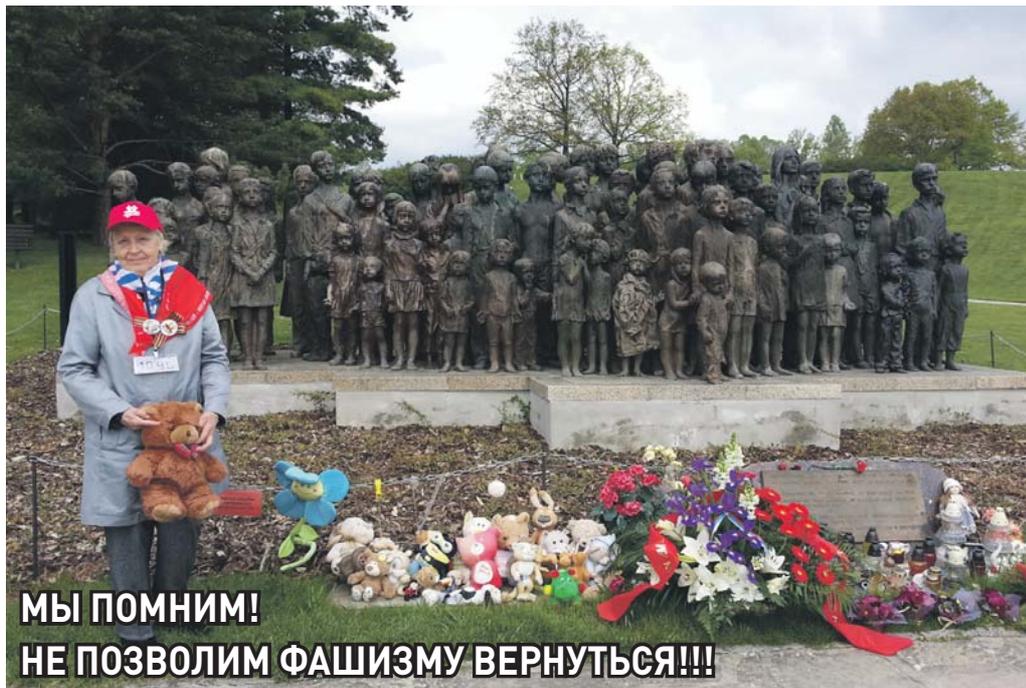
то. Все это происходило на глазах у мамы. Родилась я с седой прядью волос. Меня так и называли “седой ребенок”. Местное литовское население относилось к семьям офицеров Красной Армии не всегда дружелюбно, женщин называли презрительно “советками”. Сразу после начала войны семьи командиров Красной Армии пытались выехать в сторону России. Состав поезда подвергся авианалету около города Лида, охрану и машиниста расстреляли, а население отправили обратно в Вильнюс. В городе был установлен немецкий порядок. Жандармерию возглавил Теодор Андриан фон Рентельн, а от литовцев был назначен Петрас Кубилюнас. “Советки”, жены офицеров Красной Армии, еженедельно должны были отмечаться в жандармерии. В начале 1942 года начали проводить отбор населения для отправки на принудительные работы в Германию. После уничтожения евреев освободился двухэтажный дом, в него переселили все семьи военных Красной Армии. Дом был огражден забором из колючей проволоки и охранял-

ся литовскими полицейскими. Маме очень тяжело было жить в постоянном волнении и страхе за жизнь детей, мучила неизвестность о судьбе мужа. Она пыталась использовать любую возможность, чтобы не попасть вместе с детьми на чужбину. У папы были до войны очень хорошие друзья, в том числе пожилой хуторянин, русский по происхождению, старовер дед Денис. Когда он узнал о распоряжении Вильнюсской жиндармерии, что те хуторяне, которые имеют 10 десятин земли, имеют право взять работников из числа невольников для своего хозяйства, то под свою ответственность забрал нас к себе. На хуторе у деда наша семья прожила до 8 марта 1942 года. Случилось так, что на территорию близлежащего леса был сброшен воздушный десант Красной Армии. Немецкие полицейские вместе с литовцами в поисках этих десантников начали обходить хутора. Пришли к деду Денису и пригрозили, что он понесет строгое наказание за содержание у себя "советок" с детьми. Дед Денис был вынужден отправить нас в город. Пришлось возвращаться в Вильнюс и поселиться в заброшенном доме. В это время началась массовая отправка населения в Германию. Снова на помощь пришел друг отца, бывший милиционер. При новом режиме он стал полицейским (имя его не помню). Он предупреждал об облаве, которую в основном проводили по ночам и отправляли на сборочный пункт. В тот злосчастный день он не дежурил. Пришли два полицая-литовца и велели собрать необходимые вещи и всех с детьми отправили в городскую полицию. Там уже собралось

очень много народа. Нас выстроили в длинную очередь. Немцы начали сортировать людей на здоровых, больных и евреев. Пример: семья по фамилии Корнеевы с тремя детьми, девочками. Мать этих детей использовала какую-то растительность и накрашила веки себе и своим детям. Семью Корнеевых больше никто не видел. Что с ними стало, неизвестно. Она предлагала и нашей маме сделать то же самое. Мама отказалась, а вдруг мы станем слепыми. Этим она сохранила нам всем жизнь. Когда наступила наша очередь предстать перед главным немцем, который решал нашу судьбу, то он увидел: молодая женщина, красивая, русская блондинка с тремя детьми: мальчик 7 лет, девочка 3 лет и я - кроха на руках мамы. "Гут" - с этих слов начались наши мытарства на чужбине, далеким путем из Литвы, через Польшу в Германию, в немецкий город Бремен. Расстояние 1887 километров от Москвы. Везли нас в эшелоне, который был сформирован в Орловской области. В вагонах находилось много женщин, стариков и детей. Вид у этих людей был очень печальный: измученные, изголодавшиеся и оборванные. Ехали мы долго, почти три месяца.

Из воспоминаний мамы и старшего брата Володи: перевозили людей в вагонах, предназначенных для перевозки скота. Пол - деревянный настил, покрытый небольшим слоем соломы, никаких удобств.

Везли как рабочий скот женщин, стариков и детей. Не было никакой еды. Иногда в открытые двери вагона сердобольные люди кидали что-нибудь съедобное.

**МЫ ПОМНИМ!
НЕ ПОЗВОЛИМ ФАШИЗМУ ВЕРНУТЬСЯ!!!**

Охрана, состоящая из немцев, очень строгая. Правда, иногда разрешала детям во время стоянок немного побегать около вагонов. Самый жуткий страх наступал, когда загоняли в отстойники, для того чтобы проводить санитарные обработки пленников (дезинфекции). Некоторые пленники после таких обработок не возвращались. По слухам, их уничтожали как больных, непригодных для работы. Для прохождения этих санобработок пленников делили на женщин и мужчин. Однажды, когда брата Володю забрали на 8 часов на эту дезинфекцию, мама чуть не сошла сума от страха за жизнь сына. По воспоминаниям брата, ему кололи

руку и выкачивали кровь. Мой брат после пережитого страха начал заикаться. Уже потом мама решила переодеть брата в девичью одежду: в платье, а на голову повязывать платочек. И его не отбирали. Так она спасла сына.

Наконец нас довезли до Бремена. Над головой чужое небо, вокруг немецкая речь. Лагерь находился на окраине города, недалеко от конечной остановки трамвая. Именно на трамвае пленников из товарных вагонов довезли под охраной до лагеря. Остановка и в наше время называется Хукелриде. Был присвоен лагерный № 1996.

Под этим номером числилась вся семья. Мама обязана была носить эту нашивку на одежде (сохранилось фото). Название улицы, где находился лагерь, Бобдорфштрассе. Лагерь был строгого режима: бараки из досок, нары в три этажа. Ограждение лагеря из высокой колючей проволоки, у ворот - охрана с автоматами и страшные овчарки. Панический страх перед собакой сохранился у меня на всю жизнь. Кроме нашего барака были бараки для пленных из Франции и из Польши. Условия их проживания оказались намного лучше, так как они находились под защитой Красного Креста.

Главный человек в лагере - комендант. У нас комендантом была женщина по имени Марта. Жила она в отдельном домике. Когда Марта заставляла маму убирать в ее доме, она меня брала с собой. Все, что я там видела, сохранилось в памяти: красивая мебель, белая посуда, на стене были развешаны игрушки в виде движущихся деревянных человеческих фигурок. В три года я пер-

вый раз увидела настоящую детскую игрушку. Еда наша называлась словом “баланда” и состояла из брюквы и какой-то травы. В баланде иногда плавали куски жира, а внутри торчали белые червяки. Всегда хотелось кушать. Меня часто заставляли сидящей в бочке для пищевых отходов, где оставались на стенках кусочки брюквы, которые я съедала. Взрослых узников ежедневно увозили под охраной на работу, а дети оставались в бараках и не должны были выходить. За непослушание комендант Марта била плеткой, которая была постоянно при ней. Била по спине или по ногам. Очень больно, страшно и обидно до слез. Из-за тяжелой работы и сильных переживаний здоровье нашей мамы сильно подорвалось, и однажды она не смогла встать с постели. Марта узнала, что мама не выходит на работу.

За это нарушение лагерного порядка могла наказать нас всех и отправить в “Собачий лагерь”, откуда уже никто не возвращался. Но случилось так, что комендантша неожиданно уехала в город Гамбург, по случаю гибели своего мужа летчика, который погиб на Восточном фронте. Лагерь ждал ее со страхом, все полагали, что она будет еще свирепее. Вышло наоборот, комендант Марта стала более человечной по отношению к пленным. Маму она больше не отправляла на работы в порт, а заставляла убирать в ее доме и стирать ее белье.

Немка Марта не имела своих детей. Потеряв мужа, она стала уговаривать маму отдать ей моего брата Володю. Она желала усыновить его. Наша мама, которая охраняла жизнь всех своих “кровинушек” (так она нас называла) могла дать только ответ: “НЕТ”.

В Бремен часто приезжал фашистский генерал Геринг. В этих землях у него было предприятие “Герман Геринг”. Комендант Марта забирала брата Володю в город, одевала его в форму “hitlerjugend” (гитлерюгенд) и заставляла вместе с немецкими детьми стоять вдоль дороги, по которой проезжал Геринг, и махать фашистскими флажками.

С конца зимы и весной 1945 года город Бремен постоянно подвергался авиационным бомбежкам. В апреле англичане и американцы начали совершать массированные налеты. На территории лагеря было помещение, похожее на бункер. Во время налетов все пленники - русские, поляки, французы - прятались в этом бункере. Я это помню, потому что там от страха очень кричала. Во время очередного налета наше бомбоубежище было разрушено, поэтому невольникам разрешили прятаться в убежище для немцев. Там для них хранилось в идеальном порядке все необходимое: еда, вода, одежда, постельные принадлежности, медикаменты. Наконец закончились бомбежки, бараки лагерные почти все были разрушены, но ворота с колючей проволокой, как символ фашистского гнета, остались целы. Вскоре “эти адовы ворота” протаранили танки союзников. Пришла С В О Б О Д А!

Первыми нашими освободителями стали танкисты-негры, которые брали на руки детей, угощали сладостями. Была очень радостная, теплая встреча. Всех пленников (русских, поляков, французов) вывезли на машинах в город Нинбург, южнее города Бремена, на территорию монастыря, который окружала высокая ка-

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

менная стена. Находились мы там под охраной солдат союзнической армии с апреля по июнь. В эти полтора месяца с бывшими пленниками из России проводилась агитационная работа. Союзники, а именно англичане, проводили мощную агитацию по переселению русских в страны Европы. При этом они обещали предоставить английское подданство и “райские кущи”. Пугали репрессиями, которые будут на Родине, и отправкой в лагеря Сибири или расстрелами, как предателей. Нашу маму с ее тремя малыми детками “обрабатывали” особенно упорно: обещали предоставить ферму для ведения хозяйства, обеспечить хорошее образование детям. Но мама считала, что нужно ехать только **ДОМОЙ**. Прошло четыре военных года. Она не знала, что стало с мужем, с домом, живы ли родственники? Только в конце июня на территорию монастыря были допущены представители Красной Армии. Встреча с родны-

ми советскими офицерами была очень трогательной, со слезами на глазах. Началась длинная дорога ДОМОЙ, через всю Германию, Польшу, Белоруссию. Везде разруха. На границе Белоруссии почти месяц пробыли в проверочно-фильтрационном лагере. Судьбу освобожденных пленников из фашистских лагерей решали работники СМЕРШа. Мама рассказала свою печальную историю офицеру, показала метрические документы на детей, свидетельство о регистрации брака (все это она хранила четыре года, заложив под стельку обуви). Офицер по-доброму решил, что нам немедленно надо отправляться домой. Приказал вестовому отвезти нас на телеге на станцию и посадить на поезд на Москву.

Мы вернулись на Родину, в Подмосковье. Встретили нас неласково. Мама долгое время была обязана отмечаться в милиции, ей трудно было устроиться на работу. На семье стояло клеймо “предатели”. Военком по фамилии Окроков был до войны другом нашего отца и в это тяжелое и тревожное время поддерживал нашу семью.

Похоронку на отца мы получили 11 ноября 1946 года, в ней было написано: “Находясь на фронте, пропал без вести 28 июня 1941 года”. Это был 7-й день войны. Этот документ давал право получать пенсию. На первую пенсию мама в дом принесла первую в жизни для нас пачку печенья. Было оно очень сладкое. Ели и горько плакали. Этот эпизод остался в моей памяти на всю жизнь. Мы трое остались без отца и называли нас в то время “безотцовщина”. Мама в одиночку должна была нас вырастить и вывести в люди. Своего дома у нас не было, юти-

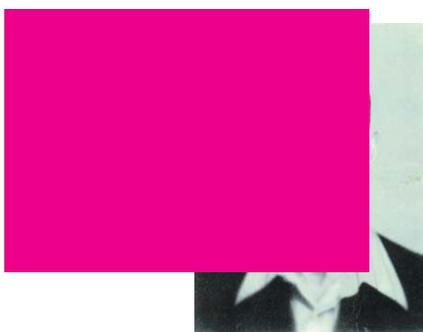

лись у родных. Железный ящик из-под снарядов являлся для нас единственной мебелью: в нем купались, на нем ели и делали уроки. Соседи, зная, что мы были в плену в Германии, относились к нам с презрением и обзывали очень грубо. Брат Володя начал ходить в секцию бокса, чтобы научиться драться и защищать своих сестричек, Галю и Лиду. Нам он заменил отца. В дальнейшем он, Воробьев Владимир Константинович, стал знаменитым боксером - "вторая перчатка СССР".

Мама была верующим человеком. Считала своим покровителем, ангелом-хранителем святого Николая Угодника. Икону этого святого мама смогла сохранить и тоже прятала ее под стелькой своей обуви.

Мама - отважная, сильная духом, не покорилась никаким трудностям. Как могла, смягчала горечь тех бед, через которые прошла вся наша семья, и особенно охраняла жизнь своих малых деток в лихое время.

Вечная память нашей маме, Воробьевой Александре Дмитриевне!

**ЗИНАИДА ПЕТРОВНА
ЛАШУК**

ВОЙНА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Родилась я в 1942 году в глубинке Белоруссии: в деревне Охобни Мядельского района Минской области. Было мне всего годик, когда осенью 1943 года в нашу деревню ворвались немцы. (Конечно же, в силу своего малолетнего возраста этого я помнить не могла и все события того страшного времени восстановила с помощью родственников и односельчан.)

Фашисты бесчинствовали. (Накануне партизанами был организован очередной удар по оккупантам, погибло много немецких солдат.) В отместку фашисты 27 сентября 1943 года, ворвавшись в нашу деревню, зверски стали глумиться над населением. Всех жителей повыгоняли из домов, согнали на площадь перед школой и стали сортировать: молодежь, детей в одну сторону, стариков - в другую. Не давая опомниться, погнали

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

народ в направлении д. Крапивно и г. Мядель. Чуть отойдя за деревню, люди увидели страшное зрелище. Все их дома полыхали огнем. А это 90 дворов, где проживали до войны 430 человек. Увидев эту жуткую картину, люди вздрогнули, ведь в домах остались старики, которые самостоятельно не могли покинуть свои дома. Так было заживо сожжены 13 человек. Так погибла деревня.

Завершив черное дело, фашисты часть населения с подводами и лошадьми погнали в д. Крапивно для дальнейшего их распределения на работу по дворам еще к сохранившимся панам.

Вторую колонну с молодежью и детьми немцы под конвоем погнали к железнодорожной станции Лынтупы. Папа мой работал до войны дорожным мастером, хорошо знал местность, дороги и его оставили в резерве для связи с партизанами. В этот момент он был с нами.

И вот теплушка - и длинная дорога в Германию. На подъезде к польской границе стали собирать группу детей, чтобы оставить их в Польше. В этот список попал и мой средний 6-летний брат Олег. Все женщины в теплушках стали кричать, плакать, умолять не разлучать их с детьми. Сейчас трудно сказать, что повлияло, но приказ был отменен, и детей оставили со своими родными.

Так всей семьей: я, мне было всего год от роду, отец, мама и два моих брата (одному 12 лет, другому - 6) оказались в фашистском лагере во Франкфурте-на-Майне (пригород Оберайд г. Одфенбаха). В лагере жили в огромном бараке и мужчины, и женщины, и дети. Каждый день всех угоняли работать на железнодорожную станцию Остбангов, фирма шефа Генриха Летт. Хозяин лагеря был Отто Гумель.

Почему-то в лагере ходил все время в кожаных перчатках, видимо, боялся заразиться от узников. Вместе со взрослыми работал и мой старший 12-летний брат Дмитрий.

Люди голодали. Основная еда - свекольная похлебка. Я тяжело заболела. Мама очень боялась за меня, тайком от немцев, как могла, выхаживала, моля Бога о спасении. Никто из соседок по лагерю не верил, что я выживу. О моей болезни как-то узнала немка, работающая в нашем лагере. Кто-то все же сказал ей. На наше счастье, она не выдала маму, а, выражая сочувствие, принесла на следующий день лекарство. Так материнская любовь и проявленная человечность немки победили болезнь. Через некоторое время я пошла на поправку, да тут вторая беда ожидала семью.

В лагере работала подпольная организация, которая занималась тем, что выводила поезда из строя, идущие на Восток. В этой организации состоял и мой старший брат Дмитрий. Он был очень подвижный, шустрый и легко мог залезть по вагоны не замеченный немцами. Старший по подполью дел ему нож, объяснив, как подрезать резину и таким образом выводить вагоны из строя. Так продолжалось длительное время. Но в один из дней немцы разоблачили всю группу, в том числе и моего брата. Руководителя группы расстреляли, остальных отправили в концлагерь. Мой брат попал в концлагерь для военнопленных, который был расположен недалеко от нашего лагеря. Подросток - один среди взрослых из разных стран: французов, итальянцев, поляков, русских. Много страшного довелось ему там увидеть и испытать. Что перенес мой брат в концлагере - это уже другая история. О ней ему трудно говорить, ибо это очень страшные воспоминания, которые сделали людей, там побывавших, инвалидами на всю оставшуюся жизнь.

Мама не находила себе места в тревоге за сына. Выплакала все глаза. При малейшей возможности обращалась к начальнику лагеря с просьбой, чтобы отпустили сына к семье. И, видимо, все вместе: победоносное наступление наших войск, материнские слезы - сыграли свою роль, и через полгода Дмитрия перевели опять в наш лагерь. Но в назидание ему и всем остальным узникам начальник лагеря устроил принародное судилище. На середину двора лагеря выкатили огромную бочку (200 литров), заполнили ее доверху водой и в присутствии всего лагеря, на глазах у матери, устроили брату пытку. Сначала его заставили раздеться догола, и избивая плетью, периодически бросали его в бочку, где он захлебывался. Потом вытаскивали, "мыли" половой щеткой, и опять все повторялось сначала до изнеможения. Вдоволь поиздевавшись, еле живого, бросили к ногам матери.

Слава Богу, опять вся семья в сборе. С приближением наших войск начались, и ночью и днем частые бомбежки города. Особенно страшны были они ночью. Во время одной из таких бомбежек потерялся мой брат Олег. Мама на руках несла меня, а его вела за руку. Остановилась, чтобы передохнуть, и на минутку отпустила руку сына. Была ночь, сплошная темень. Вот он уставший и отошел в сторонку, пристроился к чему-то и уснул. Тревога закончилась, все вернулись в казарму, а Олега нет. Опять страшные переживания, слезы. Пропал сын. Но с помощью односельчан, которые были с нами в этом лагере, папе удалось отыскать Олега. А при каждой бомбежке родители защищали детей таким образом: внизу я, младшенькая, потом брат Олег, потом старший брат

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

Дмитрий, потом мама прикрывает всех детей своим телом, а в завершение папа прикрывает своим телом всю семью. Вот такая пирамида получалась.

И вот 1945 год. Конец войны! Наш лагерь освободили американцы. Голодных, оборванных они нас подкормили и выдали посылки с одеждой. Новой, красивой. С игрушками. Сфотографировали всех, оставив нам на память эти фотографии.

А потом долгий путь через Австрию на Родину. Уговаривали всех, чтобы не возвращались. Открыты были пути и в Америку, и в Австралию. Но мама была с отцом непреклонна - только домой, к себе на свой "каменек", где могилы родителей, где своя лесная опушка, свои березки. Запугивали, что дома нас ждет другой лагерь, советский. Но после всего перенесенного уже ничего народ не боялся. Верили в себя, в свою Родину.

И как бы ни было тяжело: голод, холод, отсутствие крова - выстояли, не сломались. Спасал лес, грибы, ягоды и на первый случай - землянка.

А потом все постепенно образовывалось. Но это уже другая страница из жизни моей семьи и моего детства.

АННА СЕРГЕЕВНА ЛЕЩЕНКО РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

Я родилась в 1934 году в центре Калужской области. У меня были три брата и сестра.

Нашу территорию немцы заняли осенью 1941 года. Сначала несколько дней над нами летали самолеты. Потом в деревню въехала моторизованная воинская часть. Обосновалась она на лугу возле деревни. Военные разговаривали на чистом русском языке. Мы их боялись, так как взрослые опасались, что это диверсанты. Отдохнув, эта часть уехала в Барятино. Вскоре в деревню приехала другая воинская часть. Это были уже фашисты. Всех жителей нашей деревни Марьино оккупанты выселили из домов, разместив в них своих солдат. Заодно они забрали весь домашний скот с подворья и запасы продовольствия. По мере уборки урожая они забирали и все зерно. Осенью селяне стали голодать. Сначала кому-то удавалось выбраться в лес и собирать орехи, грибы и др. Но вскоре в лесах появились партизаны. Немцы стали охранять деревню по периметру и никого не выпускали за обозначенные пределы. При попытке пойти в лес поймали моего 12-летнего двоюродного брата. В целях устрашения его расстреляли на глазах у всех жителей, в том числе его семилетней сестрички. Это на нее так сильно подействовало, что девочка потеряла рассудок. Впоследствии врачи не смогли восстановить ее здоровье.

Наша территория долгое время в 1942 году находилась на передовых позициях боев между советскими и немецкими войсками. В результате было убито и ранено много селян. Зимой всех молодых парней и девушек по мере достижения 15-летнего возраста стали отправлять на работы в Германию. Увезли старших брата и сестру. А партизаны

находились действительно недалеко. Зимой они сделали попытку увести молодежь в лес, но из-за предательства одного полицая по дороге к лесу их встретил хорошо вооруженный отряд карателей. В короткой схватке все партизаны (более 50 человек) погибли. Погибла и часть селян. Оставшихся в живых жителей деревни заставили похоронить партизан, если находили тяжелораненых, то их пристреливали. Затем всех отправили в концентрационный лагерь, находившийся возле города Рославль. Деревню частично сожгли, церковь взорвали, всех жителей погнали в сторону села Бельское. Была зима. Многие обморозили лица, руки, ноги. Впоследствии они долго страдали от болей в условиях отсутствия врачебной помощи.

В лагере вместе с беженцами содержали военнопленных. Было очень холодно и голодно. Всех взрослых, в том числе и маму, ежедневно увозили на земляные работы. Кроме того, под ее присмотром находилось шестеро детей: четверо своих и двое племянников - дети брата матери, который был убит при стычке с карателями. Я до сих пор удивляюсь мужеству и самоотверженности своей матери. Она не делила детей на своих и чужих. Для всех находила доброе слово, умела поддержать, подбодрить, но и наказать - всегда справедливо. Мама очень внимательно следила за тем, чтобы дети были чисто одеты, умыты, причесаны. Она умела быстро и почти незаметно обновлять старую одежду. В результате всех этих действий быт не казался таким уж плохим.

По мере продвижения наших войск на запад людей стали гнать в сторону Белоруссии. Шли отдельными небольшими группами, охраны было мало. Появилась возможность отклониться от маршрута. В то время там была очень сложная военная обстановка. Партизаны в немецком тылу освобождали все новые и новые села, деревни. В некоторых районах местные жители даже восстановили советскую власть.

Тем не менее находились “доброхоты”, которые обещали группам встречу с партизанами, но в итоге приводили людей под немецкие пули. Так погибла большая часть жителей деревни. Это было возле Хатыни. Нашей семье повезло. Мы не встретили таких проводников, но все-таки пришлось хоронить своих селян. От всех этих ужасов войны больная девочка, моя двоюродная сестра, продолжала терять рассудок. Мы часто оказывались в зоне боевых действий между партизанами и карателями. В одном из таких боев потеряла руку моя подруга - Татьяна Никифоровна Васюкова.

После полного освобождения Белоруссии наша семья и оставшиеся в живых жители деревни пошли домой пешком, прося по дороге подаяние. В годы войны люди были добрее и отзывчивее. Видя многодетную, неустроенную семью, они делились последним куском хлеба. Осенью 1944 года вернулись на родину. Опять голод и холод, но на душе радость от свободы. Все выжили. Вскоре вернулась из Литвы сестра, через год вернулся из Германии брат. Но его сразу же арестовали.

В течение двух лет после нашего возвращения в полях, лугах, лесах оставалось много мин. Кое-кто из женщин и трактористов вместе с тракторами подорвались. Мальчишки же устраивали костры, куда бросали патроны и мелкие снаряды. Часто после таких “экспериментов” 2-3 ребенка погибали, несколько оказывались ранеными. Мне очень жаль этих ребят, погибших уже после окончания войны. Власти вызвали минеров, которые освободили местность от столь “грозных” кладов.

Отучившись в семилетке, я переехала жить в Москву, окончила педучилище и всю жизнь работала в детском саду воспитательницей. Воспитала и своих двух детей и трех внуков. Жизнь продолжается. Рассказываю о своем тяжелом детстве с надеждой, что больше наша власть не допустит такой войны.

**АЛЕКСАНДРА АНИСИМОВНА
ЛЫСЕНКО**

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Родилась я в 1926 году и до 14 лет жила вместе с тетей на окраине Кременчуга Полтавской области Украины. Родителей своих не помню, воспитывали меня родственники. Мне и старшей сестре тайну смерти родителей не доверяли. Летом все свободное время мы с друзьями проводили на берегу Днепра, поскольку жили поблизости. Впоследствии эта река стала частью моей жизни. В очень трудное для меня время воспоминания об этом периоде жизни согревали душу.

Началась война. Фашисты с невероятной скоростью продвигались в глубь нашей страны. Дошли они и до наших мест. На переправе через Днепр завязались жестокие бои. Левый берег многократно переходил из рук в руки. В периоды, когда наши войска отступали, устанавливалась новая власть, где главными были староста и полицейские. Они отбирали у жителей скот и продовольствие, выгоняли из домов, отдавали фашистам списки коммунистов, жен военных командиров, комсомольцев, семей евреев. На улицах появилось много виселиц с телами казненных. При наступлении наших войск староста и полицейские бежали за немцами, упрашивая их взять с собой. Самых надоедливых из них немцы пристреливали. Но в начале зимы наши войска отступили окончательно.

В феврале 1942 года немцы начали отправку молодежи на работу в Германию. Парни и девушки постарше стали убегать из города. Мне тогда было всего 14 лет. Тетя не думала, что будут забирать подростков, я оставалась вместе с ней. Но однажды ночью к нам постучали, тетю заставили открыть дверь. В дом вошли несколько полицаев и стали тащить меня на улицу прямо в ночной рубашке. Тетя с трудом упростила дать мне возможность одеться. Один ботинок куда-то закатился. Так и увели меня почти босиком и без документов. Таких же несчастных, как и я, привезли на станцию и погрузили в вагоны для перевозки скота. Хорошо, что на полу была солома, которая немного защищала нас от холода. Воду и по кусочку хлеба пополам с соломой давали один раз в день на крупных станциях.

Привезли в западную часть Германии, в частности, в город Франкфурт-на-Майне, разместили в концлагере “Нидершеле” (№ 244). Это была территория, обнесенная глухим забором и колючей проволокой поверху, с охранниками и собаками. На территории было несколько барачков, где проживали тысячи человек. Нас разместили на нарах в три яруса и уже на следующий день повели на завод. Меня и других малолеток привели в цех по окраске емкостей, очень похожих на кастрюли с крышками. Это было физически легкое, но химически вредное производство. Работали в две смены по 12 часов. Уже через месяц многие из нас падали от отравлений парами краски. У меня началось кровотечение из носа и ушей. Но надсмотрщики не вникали в наше состояние, били плеткой, считая симулянтами и лодырями, заставляли вставать и продолжать работу. Даже такие, как я, подростки стали умирать, не говоря уже о пожилых женщинах.

Видя, что скоро работать станет некому, нас в середине смены стали на полчаса выводить на улицу. Это мероприя-

тие помогло уменьшить проявление аллергенных процессов. Кормили плохо. Утром и вечером давали по миске супа из отрубей и брюквы. Так мы и жили два с лишним года. Русские люди держались вместе. Это помогало поддерживать друг друга при болезнях и депрессиях. Помогал нам и родной язык, на котором мы могли общаться друг с другом. Грели душу воспоминания о родных людях и местах, где мы жили на родине. Все женщины в бараке объединялись в группы по принадлежности к стране до начала оккупации. Общение между группами было незначительным. Женщины из Франции, Дании и некоторых других стран получали продовольственные посылки. Мы им завидовали, просили администрацию и нам дать продовольственную помощь, но всегда получали отказ.

В начале весны 1945 года пошли слухи о скором подходе американских войск. Вскоре они нас освободили, немного подкормили и стали распределять в группы по национальной принадлежности и передавать группы официальным представителям власти этих стран. Нас, русских, украинцев и белорусов, передали военным танковой дивизии маршала Конева Ивана Степановича. Военные врачи долго выхаживали нас - "скелетиков", дозированно кормили и лечили. Многие, не сумев сдержать постоянное чувство голода, наевшись досыта, умирали. А мы, выжившие, стали писать письма на Родину. Те, чьи родственники откликнулись, уезжали домой. Мои поиски не увенчались успехом. Военные предложили поработать в швейной мастерской по пошиву нижнего белья. Работа была легкая - я осталась жить при хозяйственной части. Постепенно я стала вполне привлекательной. От одного майора поступило предложение выйти за него замуж. Я с радостью согласилась, так как мне он тоже нравился. После свадьбы последовала за ним в место расположения

его воинского подразделения. Волею судьбы я оказалась вновь недалеко от места нашего бывшего лагеря, а именно - в Потсдаме. И только тогда смогла значительно лучше ознакомиться со страной и народом. Поняла, что в годы войны далеко не все в Германии держали в руках нагайку или пистолет. Большинство немцев были такие же подневольные люди, как и мы. За непослушание или сопротивление их также помещали в лагеря и тюрьмы.

Потсдам - город, где проходила Потсдамская (Берлинская) конференция 1945 года, где была принята Декларация, содержащая требования безоговорочной капитуляции Японии во Второй мировой войне. Кроме того, было принято решение о демилитаризации, денацификации и демократического переустройства Германии.

В XVIII-XIX веках в Потсдаме была летняя резиденция прусских королей. Сохранились красивейшие дворцовые ансамбли. Но вот окрестности вокруг бункера Гитлера, находившегося рядом с городом, приобрели зловещую репутацию. Люди, попав в некоторые места, бесследно исчезали. Погибло и несколько наших солдат, пока не было установлено, что местность эта изобилует колодцами-ловушками, у которых над бетонированной ямой были установлены металлические створки, на которых прочно лежал слой дерна. Человек или животное, наступившие на эти створки, проваливались, а створки с дерном возвращались в прежнее положение. Крики о помощи не были слышны даже вблизи. В самом бункере тоже были комнаты-ловушки. После того, как человек туда входил, двери автоматически закрывались. Выйти оттуда можно было только с помощью направленного взрыва, но после этого не всегда человек оставался живым. Было там много и других хитрых устройств, о которых мне не рассказывали .

На Родину мы вернулись в начале 1953 года, незадолго до смерти И.В. Сталина. Поселились в Москве. Муж поступил в военную академию, я забеременела. Но вместе с радостными событиями в наш дом пришла беда: серьезно заболел муж. Болезнь (рак крови) оказалась неизлечимой. Муж умер, не выходя из больницы, не дождавшись рождения второго сына.

После смерти мужа его друзья-военные оказывали мне существенную помощь. Немного подрастив сыночек, я стала работать в метрополитене. Мой младший сын пошел по стопам отца и тоже стал военным. Более того, он сумел попасть на те же объекты в Потсдаме, где работал отец. Впоследствии он написал историю этого воинского подразделения.

Житейские события как-то заслонили то далекое прошлое моей жизни, которое я пережила в отрочестве. Неожиданно приятно оно напомнило о себе в виде письма от мэра города Франкфурт-на Майне. Он благодарил за стойкость в годы войны, просил прощения за негативные действия фашистов по отношению ко мне. В качестве небольшой компенсации в письмо был вложен чек на 1000 евро. Письмо было приурочено к дате шестидесятилетия Победы над фашистской Германией. Получив это письмо, я была очень взволнована. Радовалась за свою страну и наших граждан, победивших фашизм, радовалась за Германию, сумевшую отделить прошлое от настоящего, - страну, граждане которой имеют мужество извиниться за содеянное в прошлом их соотечественниками.

Сейчас мою старость согревают три внучки и два правнука. Может быть, как прадедушка и дедушка, правнуки тоже станут военными. Кому-то ведь надо защищать Родину, чтобы не случилось того, что произошло со мной и миллионными гражданами нашей страны, попавших в горнило войны.

**ВАЛЕНТИН АНДРЕЕВИЧ
МАМЧИЦ**

ВАРШАВА И ВАРШАВЯНЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Я родился в 1931 году в городе Ошмяны Гродненской области, в Западной Белоруссии (в 1921 году Западная Белоруссия отошла Польше). Отец работал в школе учителем физики и математики, а мама была домохозяйкой. Перед войной родился мой младший брат.

Когда фашистская Германия в сентябре 1939 года напала на Польшу, наша семья уже проживала в городе Зомбки, недалеко от Варшавы. Красная Армия взяла под защиту Западную Белоруссию, произошло воссоединение с Белорусской ССР в 1939 году. Поскольку автотрасса проходила через наш город, мы из окон своей квартиры наблюдали процесс эмиграции варшавян. Поток машин с населением продолжался около месяца. Немецкое правительство разрешало жителям Варшавы беспрепят-

ственно эмигрировать в Англию через Гданьский порт, но было поставлено условие: сдать Варшаву без боя. Так и было. Немецкая армия почти без боя заняла столицу Польши и ее окрестности. Через год наша семья переехала жить в Варшаву. Я и брат стали учиться в школе, а папа преподавал точные науки. Когда польские подпольщики организовывали убийство немецких солдат и офицеров, в ответ немцы устраивали облавы на жителей Варшавы.

Фамилии тех, кого хватили во время облавы, вывешивали на плакатах в людных местах. Это было предупреждение: если будет убит один немец, то расстреляют сто варшавян. Для устрашения расстрел проводился на глазах жителей города, которых выгоняли из домов. Я два раз видел эти расстрелы. В памяти это осталось на всю жизнь.

В августе 1944 года Красная Армия подошла вплотную к Варшаве. Подпольщики подняли восстание, чтобы быстрее освободить родную столицу. Но немцы остановили наступление Красной Армии и сровняли с землей красивый город Варшаву, подавили восстание и уничтожили более миллиона жителей, а тех, кто уцелел, отправили в специальный лагерь в город Прушков.

Как выяснилось затем на Нюрнбергском процессе, все это было сделано по прямому приказу Гитлера, который люто ненавидел поляков.

Во время восстания варшавская молодежь, в том числе и мы, подростки (мне было 14 лет), помогали повстанцам, участвовали в сооружении баррикад на улицах. Нас часто использовали в качестве связных, так как мы хорошо знали свои районы. В нашем доме повстанцы организовали госпиталь. За водой для раненых мы ходили на Вислу. Немцы в ребят не стреляли. Удивительно! Зато в городе они методично уничтожали дом за домом, оставляя варшавян без крова. У них было такое правило: если из дома не стреляли, то жителей отправляли в лагерь, а если стреляли, то всех, невзирая на возраст, убивали на месте. Из нашего дома не стреляли, поэтому нас отправили в концлагерь в Прушкове.

Условия содержания в лагере были ужасными. На небольшую территорию железнодорожного депо, обнесенного колючей проволокой, согнали более ста тысяч человек. Жили под открытым небом. Пищи на всех не хватало. Немцы пресекали любые старания местных жителей нас подкормить, все же им удавалось подкидывать нам еду. Началась дизентерия. Заболели мои отец и брат. Больных немцы начали выпускать из лагеря, отец умер, а брат остался жив.

Освободила нас Красная Армия. Мама с нами переехала на постоянное место жительства к родственникам в город Ливны Орловской области. Там я окончил с медалью среднюю школу, хотя плохо знал русский язык и отлично знал польский и немецкий. Закончил московский электротехнический институт. Работал в организациях, создававших спецоборудование для Вооруженных сил.

Прошел путь от инженера до главного конструктора спутниковой аппаратуры специального назначения. Имею 12 авторских свидетельств и патентов по изобретению, правительственные награды. Вся моя работа была направлена на то, чтобы далекие ужасы войны, пережитые мной в детстве, не повторились.

**ИГОРЬ ТОЙЕВИЧ
МАРВИНИЦКИЙ**

ЖЕЛТАЯ ЗВЕЗДА

Я, Изя Мервинецкий, родился в августе 1937 года в городке Ямполь Винницкой области. Когда началась война, мама сильно болела, поэтому лежала в городской больнице. Отца призвали в Красную Армию, на фронте он пропал без вести.

Когда в город вошли немецкие и румынские войска, нам велели нашить на одежду желтые звезды, а улицы, на которых жили евреи, стали называть гетто. В начале октября в городе был вывешен приказ о сборе евреев с вещами на площади у костела. Перед этим все евреи прошли регистрацию и перепись. После сбора на площади и проверки списков весь народ под охраной полицейских повели по узкой колее к вокзалу, откуда меня с мамой, сестру отца с двумя детьми и бабушку погрузили на открытые платформы и привезли в какое-то село, перепрофилированное в гетто. Там мы прожили некоторое время и там умерла бабушка (мать отца).

Спустя некоторое время нам объявили о новом переселении, зачитали списки первой очереди, в которую попали мама и я. Мама была хорошей портнихой, пользовалась в гетто популярностью, имела много заказов, которые надо было выполнить, поэтому попросила, чтобы нас вписали во вторую очередь, что и было сдела-

но. В первую очередь входила сестра отца с детьми. Их увезли, но впоследствии все они вернулись домой живыми. А несколько дней спустя подошли подводы. Собрали всех остальных людей, фамилии которых находились в списках, и повезли в том же направлении, куда увозили первую партию. Полицейские детей усадили на подводы, а взрослые пошли пешком, причем родителей к детям не подпускали. Непослушных детей и взрослых сурово наказывали кнутами.

По дороге нас настигла колонна с немецкими солдатами и началась “селекция”. Сначала они издевались над нами, кричали: “Юде! Капут!”, затем стали сортировать по возрасту и полу: в результате я и мама оказались в разных группах. Мама кричала, плакала, а ее зверски били. Мне было жаль ее, я тоже плакал. Я у мамы был единственным ребенком, тяжело ей достался. Потом группу женщин, в которой была и мама, увели в балку. Вдруг оттуда стали слышны выстрелы. Мы поняли, что их всех расстреляли. Так я навсегда расстался с мамой. От безысходности и горя долго плакал. Меня посадили на подводу и с незнакомыми людьми привезли в концлагерь “Печера”.

Условия жизни в концлагере были ужасными. Многие люди умирали от голода, холода, репрессий. Сам я сильно болел: все тело было покрыто фурункулами. Люди думали, что я не выживу, но мне повезло. В марте 1944 года нас освободила Красная Армия.

Вместе с узниками концлагеря меня привезла в Ямполь женщина, которую впоследствии я называл второй матерью, поскольку в лагере она защищала, ласкала и обихаживала меня, всем говорила, что я ее сын. К нашему приезду на площади собрали народ и объявили,

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

что теперь это ваши дети, забирайте их к себе домой и растите, как своих. Меня забрал бездетный сапожник. После концлагеря я страдал энурией, кричал по ночам и очень много ел. Прокормить меня было трудно нищим, полуголодным людям, поэтому нигде долго не держали. Некоторое время я бродяжничал, спал с собаками на рынке в коробках, завернувшись в газеты.

В 1945 году меня разыскала сестра отца, но она была больна и тоже не могла утолить мой аппетит. Опять пришлось бродяжничать. В следующем году меня чудом разыскала сестра матери. Перед отъездом на новое место жительства меня отвели на медицинское освидетельствование, взвесили, посчитали зубы, измерили рост и установили, что я родился 26 сентября 1936 года. Так я стал старше на 1 год. Потом с тетей я уехал в Москву, где проживаю до сих пор.

Я несколько раз приезжал в Ямполь, искал могилу матери, но безрезультатно. И только через 50 с лишним лет мне вместе с несовершеннолетними узниками концлагеря "Погера" удалось найти место захоронения мамы - это братская могила у кладбища. С горечью и скорбью я набрал в платочек немного земли из-под обелиска. Это все, что осталось у меня от моей семьи.

**НЕЛЛИ НИКОЛАЕВНА
МАРЕЕВА (ПЕРФИЛОВА)
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МОИХ РОДИТЕЛЕЙ!**

Я родилась в 1941 году 27 сентября. Мои родители: папа, Перфилов Николай Григорьевич, родом из крестьянской семьи Орловской области Глазуновского района, деревня Хитрово, мама - Перфилова Мария Ивановна.

Накануне войны наша семья жила в Москве, в Мерзляковском переулке, дом 3. Папа в 1940 году окончил военную академию и сразу же в самом начале войны был призван на фронт. Мама к тому времени уже носила меня под сердцем. Папа очень волновался за судьбу своей семьи. А потому и отправил беременную жену с сыном Валерием (моим братом трех лет) в деревню к своим родителям в Орловскую область. Когда в 1943-м начались серьезные бои на Орловско-Курской дуге, в них участвовал и мой отец.

Нашу деревню Хитрово заняли немецкие оккупанты, большой уютный дом дедушки они определили под свой штаб. И

всю нашу семью выгнали из дома. Пришлось поселиться в подвале. Там же, в подвале, 27 сентября 1941 года появилась на свет и я. В жутких антисанитарных условиях моя бабушка принимала у мамы роды. Наступала осень, а с ней пришли холод и дожди. Мои родные, не зная немецкого языка, объясняя мимикой и жестами, что маленький новорожденный ребенок может погибнуть от холода, с трудом упростили фашистов разрешить нам жить в доме.

В марте 1942 года под натиском Красной Армии гитлеровцы начали отступать.

При отступлении они подожгли деревню, согнали все мирное население на площадь и колонной погнали к железнодорожной станции Змеевка Орловской области. Дорога на станцию заняла почти два дня. Жители с собой могли взять только необходимые вещи и немного продуктов. Мама привязала меня к себе большим платком, а на санках везла братика и узелок с вещами и едой. Среди пленников в колонне велись разговоры, что нас всех отправят в Германию. В этой колонне находилась почти вся наша большая родня: бабушка со своей дочерью Лидой пяти лет, мама с братом Иваном 11 лет, мамина сестра Екатерина 14 лет и мы с братишкой Валерой. Все семь человек, женщины и малые дети, были погружены в товарные вагоны. Доехали мы до Белоруссии.

В пути наш эшелон попал под бомбежку. Поезд остановился в Гомеле. Под разрывы бомб все начали выпрыгивать из вагонов. Мама передала бабушке братика вместе с санками, а затем сама выпрыгнула из вагона, держа меня на руках. Все побежали, спасаясь, кто куда. В этой суматохе потерялся мой братик, остался на санках возле вагона. Мама со мной на руках вернулась к вагону. Бомбежка продолжалась. Отыскав братика, она накрыла нас обоих своим телом: если убьют, то чтобы погибли все, не мучаясь. Когда стихла бомбежка, всех выживших опять загнали в вагоны.

По пути нас рассортировывали по лагерям. Вся наша семья попала в один лагерь, в городе Слуцке. В этом лагере мы пробыли почти два года.

Освободила нас Красная Армия, 1-й Белорусский фронт под командованием Константина Константиновича Рокоссовского в 1944 году.

Пришла свобода, пора возвращаться домой, но куда? На семейном совете решили маму отправить в разведку, чтобы узнать, можно ли возвращаться обратно в свои края.

Уцепившись руками за металлические поручни вагона, стоя на его подножках, в лютый холод (был ноябрь) она смогла доехать до первой остановки - станции Барановичи.

Постучались в первый домик, в окне которого светился огонек, ей открыла дверь бабуля. Хозяйка дома, увидев изможденную женщину с обмороженными руками, сразу приступила к ее лечению. Когда раны начали заживать, бабуля дала маме валенки и рукавицы и благословила в дорогу. В скором времени мы оказались в своей довоенной деревне Хитрово, куда до нашего возвращения уже вернулся дедушка (его контузило).

Рядом с нашим разрушенным домом выкопали землянку, в которой жили до тех пор, пока мама и бабушка восстанавливали дом. Они таскали тяжелые бревна и шпалы из разгромленных блиндажей, находили кое-какую утварь. Питались мы в основном гнилой мороженой картошкой, лебедой, крапивой, турнепсом, анисовыми стеблями и другой подножной едой. Старшие дети ходили побираться.

Я окончила 8 классов и пошла работать, так как мама была не в состоянии нас прокормить. 9-й и 10-й класс оканчивала в вечерней школе, затем училась в Московском техникуме им. Красина, потом в Московском институте радиоэлектроники и автоматики. Работала конструктором в области судостроения. Общий рабочий стаж 52 года.

Есть сын, дочь, три внука и правнука. Занимаюсь общественной работой. Являюсь председателем окружной организации БНУФ ВАО г. Москвы, членом совета МГО "РСБНУ".

Храню память о папе. Он воевал в 342-й стрелковой дивизии на Орловско-Курской дуге и погиб 21 февраля 1943 года. Захоронен в братской могиле около деревни Ползиково Долматского района Тульской области. В музее на Поклонной горе имеется запись о его гибели.

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА МЕРКИЛОВА

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Я родилась в 1928 году на востоке Смоленской области. Жила в семье с мамой, папой и младшими братьями. Успела только окончить пятый класс, и началась война. Папа сразу ушел на фронт.

В октябре 1941 года нашу деревню Жули оккупировали немцы. Они начали изымать у селян все съедобное, даже соль. Но многие смогли спрятать часть урожая с приусадебных участков, поэтому сильного голода в деревне не было. Шли крупные артиллерийские бои. Люди рыли окопы, в которых прятались от своих и от вражеских налетов авиации. Так мы жили до весны 1943 года.

11 марта 1943 года назначенный немцами староста предупредил, что всех жителей будут уводить. Многие не поверили, и мама тоже. Но уже на следующий день каратели всех повыгоняли из домов и построили в колонны. Выгоняли как скот, под конвоем. Немоощных, больных и стариков за деревней сразу расстреляли. Гнали нас в сторону города Ельня с ночевками в попутных деревнях. Мы пытались бежать: прятались в хлевах, в стогах сена, но нас находили и наказывали шомполами.

По немецкому закону, если кому надо будет выйти за пределы места проживания, нужно иметь пропуск с указанием пункта назначения и времени возвращения. А у нас таких документов не было, поэтому любой патруль мог остановить и вернуть человека обратно в колонну.

Патрульной службе помогали полицаи. В конце концов нас погрузили в товарные вагоны. Наглухо закрыли двери. Еду давали один раз в сутки. Туалетом служили дыры, сделанные в полу вагона. Привезли в Белоруссию. Сначала сделали рентген-обследование. Потом выдали разноцветные талоны “на обед”. В помещение пропускали по одному человеку, чтобы по цвету талона разделить на больных и здоровых. Больных оставляли в специальных бараках, а здоровых повезли в Германию. Нашу семью, как здоровую, отправили в лагерь города Вензен, который расположен в Нижней Саксонии, на территории бывшей ФРГ. Через два месяца узников стали размещать по разным деревням. Насильно меня разлучили с мамой и братьями и отдали помещику Тэо Кайзеру в деревню Тонхаузе. На полях у него работали поляки и украинцы, а в доме прислужкой стала я. В обязанности мои входило: уборка в доме, стирка, подсобные работы на кухне. От моих хозяев я узнала, что мама с четырьмя братьями находится недалеко, в детском лагере. Удалось даже повидать их. Братья очень сильно похудели. Я упростила своего хозяина выкупить их, и вскоре в доме у нас появилась моя мама с двумя старшими братьями, 11 и 7 лет. Два маленьких брата, двух и четырех лет, остались в детском лагере. Там дети сильно голодали, мы навещали их и подкармливали.

5 мая 1945 года нас освободили американцы. Хозяин предлагал нам остаться у него, но мы хотели скорее домой. В сентябре мы вернулись в родную деревню. Нас встретил отец, вернувшийся с фронта. Мы радовались, что все остались живы. Стали строить дом. Через несколько лет я уехала работать в Москву. Вышла замуж, вырастила дочь и внучку. Теперь воспитываю правнучку. Не могу без слез вспоминать те годы, когда пришлось пережить столько трудностей и унижений.

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ МИЛЕННЫЙ

Я - БНУФ

Войну я встретил в Новороссийске. Родители мои вместе практически так и не жили. Отец был на три года моложе матери и часто и подолгу гастролировал с театром оперетты, в котором работал осветителем сцены. И без театра тоже гастролировал, поскольку нрава был легкого и в 21 год отцом себя никак не ощущал. И еще, как я понял из рассказов родственников с обеих сторон, он не очень тяготел к семье жены, в которой мало говорили по-русски. Его мать, моя бабушка, урожденная Мария Христофоровна Казанegro, в замужестве Духновская, по национальности была сербиянка.

Величественная, стройная, она сохранила до старости прямую спину. Очень выдержанная, разумная, с гимназическим образованием и хорошим воспитанием.

Возвращаясь к семье Казанegro, я должен признаться, что Христофоровна, как звали ее у нас дома, была единственным человеком из моего окружения в Новороссийске, кто говорил на чистейшем русском языке, грамотном и без южного диалекта. Считалось, что

БЫЛИ ВМЕСТЕ - ДЕТСТВО И ВОЙНА...

так чисто говорили только коренные жители Ленинграда, да и то еще до войны. Москва ведь безбожно акает, что режет слух постороннему человеку.

Из истории Причерноморья известно, что здесь осело в разные времена довольно много южных славян. И, тем не менее фамилия Казанegro, редкая, красивая, звучит таинственно, в переводе “Черный дом”.

Отец Марии, Христофор, мой прадед, настоящей фамилии которого никто не только не помнил, но и вовсе даже не знал, был циркачом. Как это было тогда принято в артистической среде, он взял себе звучный цирковой псевдоним - Казанegro, который со временем превратил в свою фамилию.

Так вот, война. Упорные бои за Новороссийск шли в 1942-1943 годах. Город, как известно, расположен на побережье Цемесской, она же Новороссийская, бухты. На востоке бухта отделена от жарких Кубанских степей Маркxотским перевалом. В народе заковыристое тюркское название звучит попроще, Марxот. Практически здесь, а точнее все-таки немного северо-западнее, и начинается известный нам со школьных лет Большой Кавказский хребет. С высоты Марxота бухта являет собой идеальную, проведенную очень большим циркулем полуокружность радиусом более двух километров.

Этой панорамой я часто любовался еще мальчишкой, взбираясь с друзьями на перевал, и позже, из иллюминатора “курузника”, летавшего по трассе Краснодар - Новороссийск и обратно. Казалось невероятным, что такая четкая геометрия очертаний берега могла образоваться в природе без вмешательства рук человека. На западе бухта заканчивается Суджукской косой и Колдунгорой с виноградниками элитных сортов у подножия и поселком Мысxако при них. На востоке - печально из-

вестным мысом Дооб. Здесь в 1986 году затонул “Адмирал Нахимов”, если помните.

Бухта имеет два рейда: внешний и внутренний или гавань, разделенных западным и восточным молами, построенными в 1897 г. Подводная часть молов достигает высоты 30 м, а надводная около 3 м. В войну под водой между молами навешивались мощные стальные цепи, преграждавшие вход в бухту вражеским судам. Во время бомбежек оба мола основательно пострадали.

Для нас, пацанов, западный мол был лучшим местом для ныряния. Здесь же забрасывали удочки, собирали мидий и ловили крабов. Разводили костры, грелись, чуть прижаривали крабов, рыбу и тут же все поедали.

В сентябре 1942 года город был взят в окружение. Немцы овладели портом, цементным заводом, элеватором, холодильником, вокзалом.

Но этим дело и закончилось, потому что дальше последнего цемзавода наши стояли намертво до самого освобождения Новороссийска. В последний день перед сдачей города исполком по радио объявил, что холодильник открыт и граждане могут разбирать продукты по домам. Все, что останется, будет уничтожено, чтобы не досталось врагу. Муку в мешках сбрасывали прямо в бухту. Вино выливали туда же.

Все способные самостоятельно передвигаться жители Новороссийска кинулись к холодильнику, располагавшемуся прямо на берегу, кстати, совсем рядом с той самой кофейней, где некогда бражничал мой дед. Руководила операцией бабушка. Мать набирала пшеницу из гурта в мешок. Помогала ей сестра Валя, младшая дочь Парфены, ей было 23 года, но она к тому времени уже овдовела, потеряв мужа Павлика, погибшего в первые дни войны. Загребая на ощупь пшеницу в полутьме не-

освещаемого склада она ведром подцепила ногу в башмаке и черной матросской клешине. Тело убитого моряка было засыпано пшеницей. Добытчица завизжала, бросила ведро и помчалась вон из склада, держась обеими руками за голову.

Оставшись одна, моя мать, человек менее впечатлительный, наполнила мешок под завязку. К тому же она была уже на исходе шестого месяца беременности. Потом она одна подтащила волоком мешок поближе к складскому столбу, удерживающему кровлю, села на корточки спиной к мешку, а лицом к столбу, ухватилась одной рукой за верх мешка, кое-как завязанный в узел, другой за столб и поднявшись с третьей попытки на ноги, пошатываясь направилась вслед к дому. Бабушка в это время в другом, уже пустом холодном складе в дальнем его углу нашла присыпанную соломой баранью тушу.

Выйдя из склада мы стали пересекать прибрежное шоссе. А по нему со стороны Волчьих Ворот уже лязгала гусеницами и грохотала двигателями колонна немецких танков, направляющаяся в город. Оставалось 2-3 шага до густой стены кустов скумпии, росших по обочине шоссе. Вдруг мне показалось, что бабушка споткнулась, она сбросила с плеч тушу, схватила меня на руки и, повернувшись спиной к головному танку, сиганула в кустарник.

Мы лежали уткнувшись лицами в твердые комья земли, пока не заглох грохот танковой колонны. Только после этого она перевернулась на спину и со стоном села. Я в первый раз в своей жизни увидел близко так много крови. Она лилась по правой ноге моей бабушки от внутренней части колена по икре до самой пятки. Мы были одни и мне стало страшно, я плакал.

Мне показалось, что она умирает. Но она вдруг открыла глаза, прислушалась и медленно поползла через кусты к шоссе. Я следом, а она приподнялась на локте и шепотом цыкнула на меня.

Немцы в нашем доме не стояли. Может быть, потому, что часть его была разрушена прямым попаданием авиабомбы, и они бы чувствовали себя здесь не очень уютно. В соседнем доме у тети Наты тоже. Вот у нее то под кроватью с панцирной сеткой моя мать 12 апреля 43-го года и родила мне сестру, прямо во время бомбежки нашими самолетами.

Я в это время лежал в той же комнате, под соседней кроватью с такой же сеткой, которая от прямого попадания бомбы не спасала, но защищала от рушившихся при этом потолка, стропил, кровли. Бабушка осталась дома, она всегда оставалась дома во время бомбежек.

Когда дело уже шло к освобождению Новороссийска от немцев налеты нашей бомбардировочной авиации на город и артиллерийские обстрелы здорово участились. Мы стали по примеру бабушки во время бомбежек оставаться дома, а не лезть под панцирные сетки тети Наты. Однажды бомбежка началась во время обеда, состоявшегося преимущественно из крапивы и малой толики разваренной пшеницы.

Раздался привычный приближающийся вой бомбы. Мы склонились головами к столу. Одновременно со взрывом раздался звон разбитого оконного стекла - и в мою тарелку с крапивой упал кусок штукатурки со стены. Я увидел, что из образовавшейся ямки на уровне моей головы торчал синеватый кусочек металла с зазубринами.

Другим военным впечатлением детства, оставшимся на всю жизнь, был запах тушенки. Немецкие солда-

ты пустые банки из-под всяких консервов, в том числе и тушенки, выбрасывали на берег речушки, протекавшей тогда вдоль нашей улицы. Но это только по мнению сытых немецких солдат банки были пустые. На самом деле, если туда запустить пальцы, провести ими по стенкам и дну банки, потом облизать и пальцы, и пустую банку, а под конец еще глубоким вдохом втянуть в себя запах бывшего содержимого...

Реакция моего организма на запах тушенки - это условный рефлекс, рефлекс, который закрепился в 44-м году в Москве, когда Федор откуда-то принес 10-килограммовую банку американской свиной тушенки, поставившейся по лендлизу. До сих пор ноздри трепещут, когда кто-нибудь рядом открывает банку, хотя я уже лет 20 не ем тушенку в силу ее полнейшей несостоятельности.

В результате Новороссийско-Таманской операции в 1943 году немецкие войска были выбиты из Новороссийска. Так говорил квадратный рупор городского радио на столбе, стоявшем в месте пересечения нашей улицы Парижской Коммуны и Победы. Но перед самым бегством хозяйственные немцы занялись угоном мирных жителей для работы сначала в своем тылу, а в дальнейшем и на территории Германии. Теперь это называется красивым иностранным словом депортация.

Немцы гнали нас до Чушки - песчаной косы на Таманском полуострове, чтобы погрузить на баржи и морем отправить в Крым, который еще был оккупирован ими. Было подготовлено три баржи. Нас загоняли на них автоматчики, для чего-то разделяя семьи на части и погружая в разные баржи. Но нам повезло, мы всей семьей оказались вместе.

Сразу после того как закончилась погрузка, в небе над нами появились почти одновременно самолеты с красными звездами на крыльях и на хвостах и самолеты с черными крестами. Вокруг нас рвались снаряды, сверху молотили пулеметные очереди. Внезапно вспыхнула баржа слева от нас. Пламя быстро охватило деревянную палубу. С нее прыгали в воду женщины, прижимая к себе детей. Старики крестились, оставаясь на месте. Палуба была забита полностью, все стояли тесно прижавшись друг к другу. Даже мы, дети, уже хорошо усвоили один из уроков войны, вместе умирать не так страшно.

Потом бомбежка и пулеметные очереди прекратились, самолеты набрали высоту и исчезли в противоположных направлениях. Начало темнеть. Две баржи, остававшиеся на плаву, отчалили, взяв курс на Крым через Керченский пролив.

Из Керчи колонны погнали в глубь Крыма. Сначала мы жили в каком-то большом помещении. В мирное время это мог быть клуб или школа. Все допоздна работали на виноградниках и на полях, собирали помидоры, перец, сиенькие. Я заболел каким-то детским недугом. Несколько суток пробыл в бреду. Мне чудилось, что надо мной на стене висит на трех крученых веревках плетеная корзина, полная конфет. Я и сейчас отчетливо вижу ее, диаметром в две столовые тарелки, из коричневой лозы, с крупными ячейками, сквозь которые проглядывают конфеты в ярких обертках. Я прошу бабушку дать мне хоть одну, но она говорит, что это чужие, и отходит от меня. Я зову ее, но она не подходит ко мне. Это было так на нее не похоже.

Когда наконец в результате Крымской операции в течение 8 апреля - 12 мая 1944 года Крым был освобожден от фашистов, мы ликовали...